

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 18 № 2 (2021)

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издаётся с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, США

Главный редактор

Бакhtикиреева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник НУ, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Вахидова Марьям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Чеченская Республика, Грозный, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан
Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, США

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Россия

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канагараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Курленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Россия

Ламажса Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия
Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Маслова Валентина Араамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранскат Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Россия

Сулэйменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, США

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом культурной антропологии южных осетин, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Россия

Хухури Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Россия

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Полные тексты: Cyberleninka, East View, Mendeley

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социалингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 23.06.2021. Выход в свет 30.06.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 8,39. Тираж 500 экз. Заказ № 196. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 18 No. 2 (2021)

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: valikova-o@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States

Prof. Makhambet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States

Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Prof. Zakhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States

Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstani Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Prof. Madina V. Tlostanova, Linköping University, Sweden

Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Science Citation Index (eLibrary.ru), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Cyberleninka, East View, Mendeley.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА / LANGUAGE IN SYSTEM

- Валентинова О.И., Рыбаков М.А.** Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть первая) / **Valentinova O.I., Rybakov M.A.** Logic of Determinative Analysis of Agglutinative and Inflectional Languages (part one) 130

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ / LANGUAGE PROCESSES

- Лавицкий А.А.** Оскорбление языка как феномен современного билингвального коммуникативного пространства Беларуси / **Lavitski A.A.** Insult of the Language as a Phenomenon of the Modern Bilingual Communication Space in Belarus..... 143

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ / LANGUAGE CONSCIOUSNESS

- Ахматова М.А., Додуева А.Т., Кетенчиев М.Б.** Вербализация концепта «кыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира / **Akhmatova M.A., Dodueva A.T., Ketenchiev M.B.** Verbalization of the Concept of “Kysh” (Winter) in the Karachay-Balkar Language Picture of the World 153

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

- Бутенина Е.М.** Русская классика в транскультурном каноне США / **Butenina E.M.** Russian Classics in the USA Transcultural Canon 165

- Маслова В.А.** «Образ мира, в слове явленный...» (на материале творчества поэта-билингва Бахыта Каирбекова) / **Maslova V.A.** “The Image of the World in the Word Appeared...” (Based on the Creative Work of the Bilingual Poet Bakhyt Kairbekov)..... 176

- Kuchukova Z.A., Verberova L.B.** Buryat Crossroads: Poetry and Mythological Thinking / **Кучукова З.А., Берберова Л.Б.** Бурятский перекресток: мифомышление и поэзия.... 185

- Дианова Л.П.** Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора / **Dianova L.P.** Functions of Borrowed Vocabulary in Literary Texts by a Bilingual Author 194

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES

- Агманова А.Е., Токатова Л.Е.** The Mission of Teaching: to the 100th Anniversary of R.B. Nurtazina / **Агманова А.Е., Токатова Л.Е.** Миссия учительства: к столетию Р.Б. Нуртазиной..... 207

ИНТЕРВЬЮ / INTRVIEW

- Валикова О.А.** Cōgitō ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом / **Valikova O.A.** Cogito, ergo Sum: Interview with Eduard Mizhit 216

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-130-142

Научная статья

Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть первая)

О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. Для исследования взаимодействия языков в сознании билингвальной (мультилингвальной) личности и совершенствования практик преподавания языков в транскультурной среде необходимо ясное понимание системных различий между взаимодействующими языками. В случае, если такие языки относятся к разным морфологическим типам, в качестве эффективного инструмента методического прогнозирования отрицательной интерференции можно предложить метод детерминантного анализа.

Цель, которую ставят перед собой авторы статьи, состоит в том, чтобы установить причинно-следственные связи между системной детерминантой языкового типа и его частными специфическими чертами на уровнях фонетики, морфологии и синтаксиса. Объектом исследования выбраны агглютинативный и флективный типы языков, лежащие между предельными проявлениями близости и отдаленности индивидуальных сознаний. В своей работе авторы опираются на системную методологию детерминантного типологического анализа, разработанную в 1960—1970 годах основоположником современной системной лингвистики профессором Геннадием Прокопьевичем Мельниковым.

Ключевые слова: агглютинация, билингвизм, грамматика, морфологическая классификация, мультилингвизм, славянские языки, системная типология, тюркские языки, флективность

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.12.2020

Дата принятия к печати: 14.03.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

© Валентинова О.И., Рыбаков М.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Информация о финансировании:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00014 «Реконструкция концептуального содержания понятийных полей системной лингвистики».

Для цитирования:

Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 130—142. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-130-142

Research Article

Logic of Determinative Analysis of Agglutinative and Inflectional Languages (part 1)

O.I. Valentinova, M.A. Rybakov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. A clear understanding of the systemic differences between interacting languages is necessary to study the interaction of languages in the mind of a bilingual (multilingual) personality and improve the practice of teaching languages in a transcultural environment. If such languages belong to different morphological types, the method of determinant analysis can be proposed as an effective tool for methodological forecasting of negative interference. The goal set by the authors of the article is to establish cause-and-effect relationships between the systemic determinant of the language type and its particular specific features at the levels of phonetics, morphology and syntax. The object of the research is the agglutinative and inflectional types of languages that lie between the extreme manifestations of proximity and remoteness of individual minds. In their work, the authors rely on the systemic methodology of determinant typological analysis, developed in the 1960s—70s by the founder of modern systemic linguistics, Professor Gennady Prokopyevich Melnikov.

Key words: agglutination, bilingualism, grammar, inflection, morphological classification, multilingualism, systemic typology, Slavic languages, Turkic languages

Article history:

Received: 14.12.2020

Accepted: 14.03.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

Funding:

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project № 19-012-00014 “Reconstruction of conceptual fields of systemic linguistics”.

For citation:

Valentinova, O.I., and M.A. Rybakov. 2021. "Logic of Determinative Analysis of Agglutinative and Inflectional Languages". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 130—142. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-130-142

Введение

Одной из проблем преподавания русского языка в полиэтнической среде является все еще встречающееся представление о грамматике как таком уровне языка, который строится по универсальным правилам и имеет различия лишь в оформлении категорий и способов синтаксической связи. В свете такого подхода формирование билингвизма представляется как наложение новой кодовой системы на уже существующую с установлением прямых соответствий знаков одной системы знакам другой. И хотя системная лингвистика давно показала, что межъязыковые различия не сводятся к различиям только внешней формы, но во многом определяются различиями внутренней формы, конкретные параметры таких различий требуют более детального теоретического анализа, а практика формирования билингвального сознания — внедрения методики, основанной на понимании принципиального различия не просто формальных правил, а содержания грамматики языков различного типа.

Еще в период становления научного языкознания его основоположник В. фон Гумбольдт отмечал, что «никакой язык не был бы вообще мыслим без единства формы» [1. С. 246] и что правильное проникновение в природу языка потребует продолжительных и углубленных исследований. Однако в большинстве дальнейших исследований характерные признаки отдельных языков и целых языковых типов на уровнях фонетики, морфологии и синтаксиса представлялись лингвистами как «исторически сложившиеся» случайные наборы, именуемые языковыми структурами или даже системами. Подлинно системный подход к языку, нацеленный на анализ его как единой формы, был развит в трудах А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ и последовательно разработан в теории Г.П. Мельникова. В современной системной лингвистике понятие единой формы раскрывается методом детерминантного анализа языковых типов как систем признаков, обусловленных внешними коммуникативными условиями функционирования языков. Метод детерминантного анализа, разработанный Г.П. Мельниковым, позволяет объяснить отличия между языковыми типами на основе опирающейся на общую теорию систем логической последовательности: *условия окружающей среды задают функцию и возможность существования некоторой системы — функция определяет структуру и субстанцию системы — структура и субстанция в равной мере обладают высокой значимостью для реализации функции*. При этом сложные системы, к числу которых относится естественный человеческий язык, непременно состоят из взаимодействующих подсистем, свойства которых не могут быть независимыми друг от друга.

Цель этой статьи — объяснить типичные разноуровневые (фонетические и грамматические) черты агглютинативных и флективных языков, проследив их связь с типичным коммуникативным содержанием, которое передается этими

типами языков. Значимость этой проблемы для исследования билингвизма определяется тем, что «в сознании билингвальной личности каждый язык — специализированный и социализированный психический механизм со своими отличиями в условиях общения и внеязыковом сознании, которые и обуславливают нетождественность и вариативность коммуникативной функции в двух языках» [2. С. 25].

Обсуждение

Гипотеза: сингармонизм — типичная черта агглютинативных языков

Сингармонизмом (от греч. *σύν* — вместе и *harmonía* — созвучие), как известно, называется общий процесс, объединяющий «два вида гармонии (гармонию гласных и гармонию согласных. — *О.В., М.П.*), создающих специфику звучания урало-алтайской речи (речи классических агглютинативных языков. — *О.В., М.П.*)» [3. С. 347]. Гармония же гласных представляет собой «средство подстройки характеристик аффиксальных гласных к гласным первого слога (в урало-алтайских языках первым слогом всегда является корень — *О.В., М.П.*)» [3. С. 331]. Но является ли сингармонизм типичной чертой именно агглютинативных языков? И что выступает причиной, а что следствием?

Системная лингвистика, начиная с И.А. Бодуэна де Куртенэ [4; 5] и вслед за В.В. Радловым [6], А.А. Реформатским [7–9], Ф.А. Кязимовым [10] и другими учеными, дает функциональное определение сингармонизма, понимая сингармонизм как средство связывания агглютинативных морфем в целостное слово, а значит, и как средство разграничения агглютинативных слов в потоке речи.

В.В. Радлов (один из членов Казанского лингвистического кружка, которым руководил И.А. Бодуэн де Куртенэ) установил, что степень развитости остальных характерных агглютинативных черт языка прямо пропорциональна развитию гармонии. Это наблюдение позволило ему выстроить урало-алтайские языки в линейную последовательность по степени развития гармонии: самодийские, тунгусские, финские, монгольские, тюркские языки.

Таким образом, в системной лингвистике сингармонизм стал рассматриваться связи с выявлением системных отношений между морфологическим типом языка и средствами словоразграничения.

Г.П. Мельников дал дополнительное кибернетическое обоснование сингармонизма как следствия агглютинативной структуры слова. Зная из опыта работы в кибернетике методы, которые обеспечивают устойчивость звука к помехам в каналах передачи звука, основанной на объединении некоторых сигналов в группы, представляющие собой сигналы более высокого уровня, Г.П. Мельников обратил внимание на функциональное подобие между группами сигналов в каналах связи и последовательностью морфем в агглютинативных словах. Связь сигналов в группе сигналов обеспечивается не только паузами между группами, но и другими способами:

— контактно: если система кодирования допускает варианты звучания на границах сигналов, то по определенным правилам согласуются, уподобляясь друг другу, граничные части сигналов, объединяемых в группу;

— дистанционно: если варьирование на границах сигналов запрещено системой кодирования, то по определенным правилам согласуются внутренние части сигналов, объединяемых в группу, то есть сигналы в пределах группы связываются дистанционно.

Если варьирование на границах сигналов запрещено системой кодирования, то еще могут использоваться специальные метки на границах групп.

С точки зрения кибернетики в агглютинативных языках, для которых детерминантной чертой является тенденция к сохранению четких границ между морфемами в слове, объединение морфем в слове должно основываться прежде всего на дистантном уподоблении внутренних элементов морфем.

Отметим, что ныне частично забытое понятие «кибернетика» подразумевает не только и не сколько технологию создания компьютеров, сколько комплекс междисциплинарных исследований, объединенных вокруг общей теории систем. Так, например, Советский энциклопедический словарь определял кибернетику как науку «об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации» и включал в ее теоретическое ядро теорию информации, теорию автоматов, теорию оптимального управления и теорию распознавания образов [11. С. 578]. Возобладавшая впоследствии тенденция ограничивать задачи кибернетики приложением к техническим (и — реже — экономическим) задачам привели это направление отечественной науки в упадок, несмотря на его огромный потенциал, в том числе и для гуманитарных исследований.

Г.П. Мельников объясняет, почему объединение морфем в целостное слово в агглютинативных языках основывается в первую очередь на уподоблении гласных: антропофонически преобладающим типом морфем в различных языках являются слоги, а внутренним элементом слогов чаще всего бывает гласный.

Выходя в исследовании агглютинативных урало-алтайских языков за пределы вокалической подсистемы и рассматривая ее с позиций запросов более высоких уровней языковой системы, ученый выявил направление причинной зависимости между составом и свойствами гласных, сингармонизмом и агглютинацией:

— агглютинация стала рассматриваться как запрос системы и причина сингармонизма;

— сингармонизм — как средство обеспечения агглютинативности структуры слова, то есть такого связывания морфем в слово, при котором границы между морфемами остаются в достаточной степени прозрачными, а значит, как следствие агглютинативности;

— состав и свойства гласных — как средство обеспечения сингармонической огласовки, а значит, как следствие сингармонизма [12. С. 298—301; 3. С. 326].

Г.П. Мельников опроверг сомнение в системной взаимообусловленности связи агглютинации с сингармонизмом (высказанное, например, учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ — В.А. Богородицким [13. С. 60]), обратив внимание на существование двух возможных состояний сингармонизма в агглютинативных языках. Различие состоит в том, какая из двух функций сингармонизма — связывания морфем в одно слово или разграничения слов в потоке речи — будет первичной, а какая — вторичной:

— в период полного проявления сингармонизма в агглютинативных языках сингармонизм прежде всего объединяет все морфемы слова и, уже как следствие, разграничивает слова в потоке речи;

— при убывании сингармонизма в первом (корневом) слоге отмечается большее разнообразие фонем, чем в аффиксах, и тогда первый корневой гласный сигнализирует о начале слова и, таким образом, косвенно — о принадлежности цепи морфем одному слову.

Таким образом, затухающий сингармонизм выполняет в первую очередь словоразграничительную функцию и — уже косвенно — свидетельствует о принадлежности морфем одному слову.

Даже при, казалось бы, полной утрате гармонии гласных следы гармонии, которые проявляются в позиционных характеристиках гласных, еще долго выполняют функцию полного сингармонизма — функцию словоразграничения.

Так система языка проявляет *принцип субстанциональной ответственности*: когда в языке — в зависимости от степени утраты агглютинации — убывает роль гармонии гласных, система продолжает использовать в качестве средств словоразграничения те свойства языковых единиц, которые ею были выработаны в период развитого сингармонизма [14. С. 127—141].

Г.П. Мельников показывает, что остаточная гармония гласных может проявляться в разных формах:

— когда губная гармония распространяется на гласные не всех морфем слова (как, например, в азербайджанском, турецком языках [15. С. 24]);

— когда все аффиксы одновариантны, но их состав беднее, чем состав фонем первого корневого слога (как, например, в эстонском языке, в котором благодаря такому реликту сингармонизма в потоке речи, как было подсчитано, разграничивается 30% слов [14. С. 135]);

— когда первая половина слова всегда имеет иную сингармоническую огласовку по сравнению со второй половиной слова и, таким образом, несмотря на регулярный дисгармонизм, реликты гармонии продолжают выполнять функцию словоразграничения, как, например, в хайдакском диалекте кумыкского языка, относящегося, как все тюркские языки, к урало-алтайской группе [14. С. 134—135].

Г.П. Мельников обращает внимание на то, что подтверждение функциональной связи агглютинации с сингармонизмом может обнаруживаться при сравнении современного состояния языка с исторически предшествующими или исходными состояниями.

Так, сингармонизм выявляется в более древних памятниках тех языков, в которых в настоящее время сингармонизм не наблюдается, например, в дравидийских языках, типологически близких к урало-алтайским языкам. Следы сингармонизма, хотя сингармонические варианты не всегда отражаются в орфографии, обнаруживаются и в некоторых современных дравидийских языках, например, в телугу [16] и малаялам [17].

Функциональная связь агглютинации с сингармонизмом была обнаружена в языках, изменивших исходное типологическое устройство на агглютинацию, например, в ассамском языке [18. С. 20—21], исходным для которого был флективный индоевропейский праязык [14. С. 140], и новоассирийском языке [19], имев-

шем в древности типичный семитский строй. Механизм типологического переключения новоассирийского языка был детально проанализирован Г.П. Мельниковым [20. С. 807—813].

Гармония гласных в африканских языках банту охватывает только суффиксы — ту часть слова, которая подобна строению слов урало-алтайских языков, а префиксы, характерные для банту и несвойственные урало-алтайским языкам (за исключением некоторых тунгусо-маньчжурских), сингармоническому варьированию не подвергаются. В префиксальной части слов банту реализуется другой из кибернетически прогнозируемых способов разграничения агглютинативных слов в потоке речи — согласуются граничные, а не внутренние части сигналов, что интерпретировалось Г.П. Мельниковым как естественная функциональная компенсация слабой гармонии гласных в языках банту [14. С. 131—132]. Эта интерпретация классных показателей в языке банту, представленная ученым впервые в 1961 году на конференции в Ленинграде, посвященной морфологической структуре слова в агглютинативных языках, независимо совпала с интерпретацией классных показателей в языках банту ведущего советского африканиста — Д.А. Ольдерогге [21. С. 190—192].

Возможно, специфика гармонии гласных в языках банту связана с тем, что классные показатели должны повторяться в разных словах и при этом иметь узнаваемый вид. Классные показатели выполняют важную синтаксическую функцию, закрепляют связи между словами в предложении. Это и выводит их из-под действия закона сингармонизма. Само наличие классных показателей в языках банту делает их иным типом в сравнении с урало-алтайскими языками. Вероятно, этот тип допустимо назвать агглютинативно-синтетическим в отличие от аналитической агглютинации урало-алтайского типа. Эти особенности африканской агглютинации позволили Г.П. Мельникову рассматривать языки банту то как инкорпорирующие (предельно синтетические), то как агглютинирующие.

В синтаксической классификации И.И. Мещанинова языки банту предстают как пример классного типа, в отдельный тип — «смешанно-реляционные без деривации» они попадают у Э. Сепира, хотя теоретически маловероятно, чтобы язык имел словоизменение без словообразования, и научно-справочная литература по языкам семьи банту явно отмечает наличие словообразовательных аффиксов.

Наблюдается различие в материальной базе сингармонизма в африканских и урало-алтайских языках:

- в африканской агглютинации сингармоническое противопоставление гласных осуществляется по признаку подъема;
- в урало-алтайской агглютинации сингармоническое противопоставление гласных осуществляется по признаку ряда, а подъем, как материально (артикуляционно-акустически) более контрастный признак, чем любой другой признак, согласно принципу соответствия предрасположенности материала к выполнению им определенной функции, используется только для смысловозначения.

Г.П. Мельников доказал, что отличие материальной базы гармонии гласных в африканских языках от материальной базы гармонии гласных в классических агглютинативных урало-алтайских языках не противоречит представлению о син-

гармонизме как о системно-типологической универсалии, поскольку в африканских языках сингармоническое противопоставление гласных использует только частичный контраст по оси раствора, «подуровни подъема» [10. С. 137], то есть сингармонически противопоставляются пары типа А–Э, Э–И, О–У, а не пары крайних уровней раствора типа А–У, А–И. Таким образом, слабый контраст по подуровням подъема по своей вспомогательности функционально соотносится с признаком ряда в урало-алтайских языках, а признак подъема как средство достижения максимального материального контраста при образовании пар крайних уровней раствора используется и в африканских языках как смысловоразличительный [22]. К таким же выводам о принципах распределения функций дифференциальных признаков гласных в сингармонических африканских и евразийских языках пришел африканист и типолог Дж. Гринберг [23].

Г.П. Мельников ставил перед собой задачу обнаружить *внутреннюю детерминанту агглютинативных языков* — такое свойство, которое было бы объективно определяющим для всех остальных свойств, включая отсутствие классных показателей и порядок слов «определение + определяемое» — две тенденции, которые Б.А. Серебrenников [24] представил определяющими в выведении неизбежной причинной цепи других тенденций.

Опираясь на замечание И.А. Бодуэна де Куртенэ, что во флективных индоевропейских языках наблюдается «слитие всех слогов, как суффиксов и т.д., в одно слово в строгом смысле», а в туранских языках — «сохранение отчетливости, обособленности суффиксов, сочетающихся, так сказать, только временно с известным главным корнем» [25. С. 104], Г.П. Мельников уточнил своеобразие агглютинативной словоформы и пришел к выводу, что коллекционность агглютинативной словоформы, которая проявляется внешне как тенденция к экономии служебных морфем, объективно является внутренней детерминантой классических агглютинативных языков, то есть исходя из этой тенденции можно, учитывая законы адаптации языковых систем, объяснить другие свойства агглютинативных языков [26].

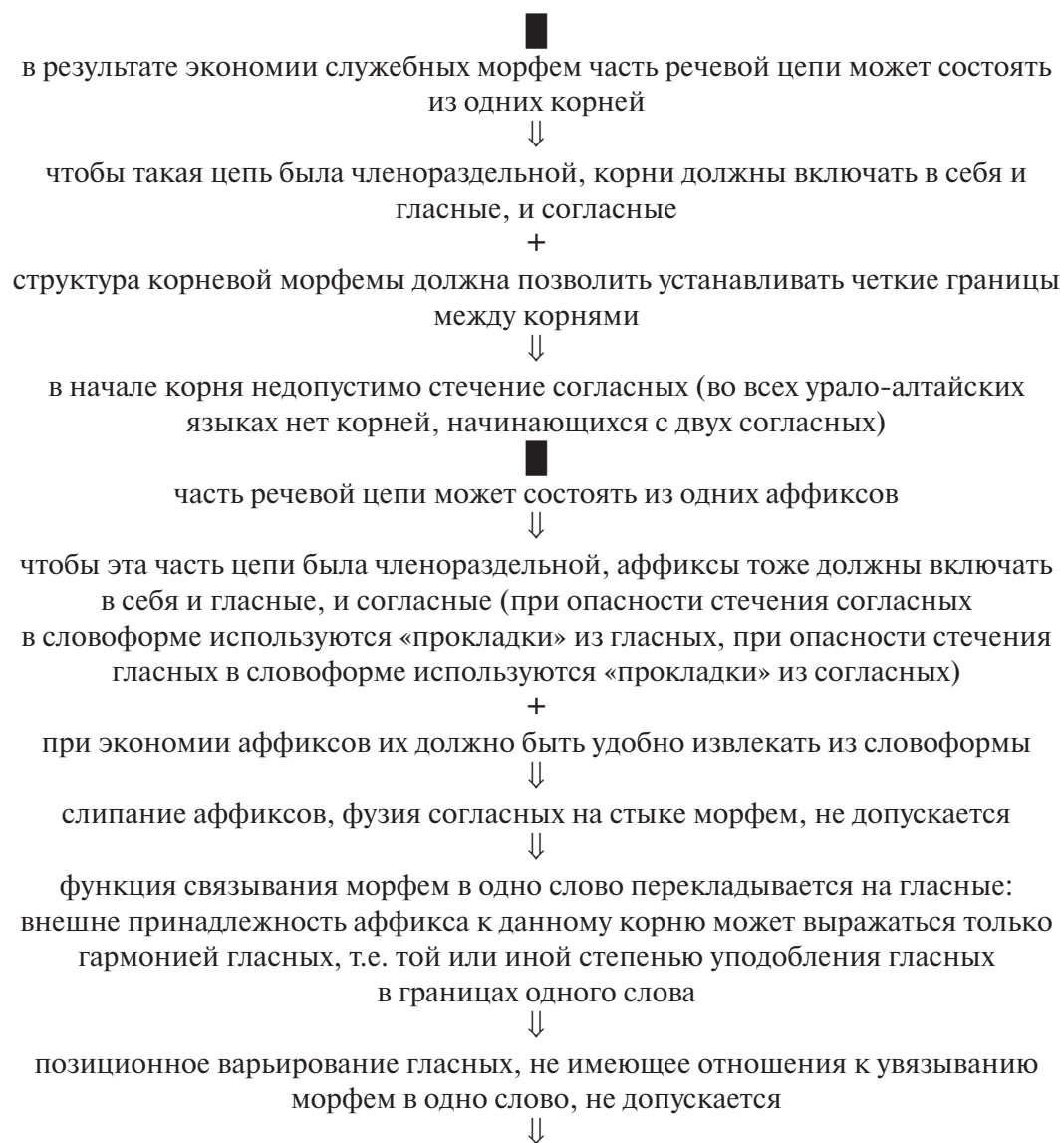
Детерминантное обоснование гипотезы о сингармонизме

Мы уже отмечали, что общение на флективном языке основывается на предварительной заготовленности знаков, когда готовая словоформа, отвечающая коммуникативному замыслу говорящего, выбирается (а не набирается, как в агглютинативных языках) из парадигмы как системы возможностей. Эти заранее заготовленные знаки способны выражать любые социальные смыслы, то есть смыслы, которыми владеют все носители языка до какого бы то ни было факта общения. Такова причина, по которой во флективных языках существенно увеличивается число морфем, обозначающие основные узуальные смыслы, и число совместнозначных и многознаковых морфем, выражающих грамматические значения. Поэтому, когда надо выразить определенный грамматический смысл, и для выражения этого смысла используется морфема, она выражает не только этот грамматический смысл, но и часто иные грамматические значения. Возникает функциональная избыточность значений, которая приводит к редукции внешней формы морфем флективного языка. Экономное варьирование в неслужебных

морфемах достигается внутренней флексией и использованием ударения для са-мого экономного изменения грамматического значения слова.

Наличие парадигмы заранее заготовленных словоформ приводит к фузии как способу соединения морфем в лексемах, обеспечивающему целостность слова. Необходимость — в условиях взаимной осведомленности членов флективного языкового коллектива только на уровне социальных смыслов — вместить в одну лексему большое число семем, требует, помимо внутренней флексии, и аффиксации, но в экономной — фузионной разновидности.

Детерминантное объяснение основных особенностей звукового строя агглютинативных языков, предложенное Г.П. Мельниковым [3. С. 345—348], можно представить в виде причинно-следственных последовательностей, которые доказывают, что сингармонизм — следствие агглютинации, а не наоборот:

согласные с напряженной артикуляцией, которые могут вызвать позиционное изменение звучания соседнего гласного, либо перестают употребляться в языке, либо закрепляется в позиции только с теми вариантами гласных, сингармоническая окраска которых не меняется рядом с данными согласными

согласные подчиняются гласным, т.е. можно говорить о гармонии согласных, вызванной потребностью в гармонии гласных

состав согласных в аффиксах меняется так, чтобы не мешать сингармоническому варьированию гласных;
состав согласных в корне должен стабилизировать звуковой облик корня

уменьшение состава согласных фонем распространяется на все морфемы, но пути уменьшения состава согласных в корнях и аффиксах будут различными:

а) начальная согласная корня никогда не попадает в окружение гласных → в начале корня используются согласные с яркими признаками консонантности (смычность, шумность, глухость)

б) согласные в аффиксах попадают в окружение гласных → деформируются в направлении вокализации →

во внутренних звеньях последовательностей морфем преобладают сонорные

в вариантах одного слова единственным неизменным звеном остается корень, а состав аффиксов в зависимости от актуальной ситуации меняется

гармония гласных может основываться только на уподоблении гласных аффиксов гласной корня, т.е. на прогрессивной ассимиляции

разнообразие сингармонических окрасок слова возможно только при достаточно большом числе гласных фонем в системе вокализма корня и большом числе звукотипов в системе вокализма аффиксов

богатство состава гласных в вокалических системах классических агглютинативных языков

Заключение

Обусловленность сингармонизма агглютинацией имеет достаточно простое системное объяснение: фонетические процессы детерминируются приспособлением звуковой субстанции к наиболее эффективному выполнению задач двух типов — различения морфологических единиц и их синтагматического соединения.

Сингармонизм характерен для языков, максимально соответствующих агглютинативной детерминанте (урало-алтайских). В языках, где еще только начинает формироваться агглютинация (тибетский, суданские, банту) или уже появились элементы флективности (корейский, некоторые нахско-дагестанские, арабский), сингармонизма нет.

Понимание предлагаемой системной лингвистикой внутренней логики соотношения морфологического типа языка с предпочтительным в языке грамматическим способом и характером взаимодействия морфем углубляет понимание этнопсихологических особенностей билингов. Сознание двуязычного человека не переключается с одной языковой системы на другую, а совмещает обе системы, выражая средствами одной языковой системы мироощущение другой, первичной для него системы: средствами флективного языка может выражаться статичность агглютинативного языка, сосредоточенного на признаках общеизвестных субъектов и объектов, так же, как средствами агглютинативного языка может выражаться динамическая событийность флективного. Непривычность форм имеет самую широкую амплитуду восприятия: может осознаваться как образ в художественном тексте и как ошибка — в повседневной жизни. По сути, семиотически достоверное соотнесение культурных кодов «землепашцев» и «кочевников», успешность преподавания и, как следствие, успешность обучения во флективной или агглютинативной языковой среде невозможно без опоры на данные системной лингвистики.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
3. Мельников Г.П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003.
4. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Резьярский катехизис как приложение к «Опыту фонетики резьярских говоров». Варшава; Санкт-Петербург: Э. Венде и Ко; Д.Е. Кожанчиков, 1875.
5. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Глоттологические (лингвистические) заметки, I. Кое-что по поводу резьярской гармонии (созвучия) гласных // Филологические записки. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1876. Вып. 5. С. 1—16.
6. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk Sprachen. Leipzig, 1881—1882. I. Teil: Phonetik der nördlichen Türk Sprachen. H. 1: Vocale. Leipzig : T. O. Weigel's Verlag, 1882.
7. Реформатский А.А. К вопросу о фоно-морфологической делимитации слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л.: Наука, 1963.
8. Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // Исследования по фонологии. М.: Наука, 1966.
9. Реформатский А.А. Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики // Тюркологические исследования. Фрунзе: Илим, 1970.
10. Кязимов Ф.А. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке // Известия ОЛЯ АН СССР. 1954. Т. 13, вып. 1. С. 81—88.
11. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1979.
12. Мельников Г.П. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л.: Наука, 1965.
13. Борогодицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань : Татиздат, 1933.
14. Мельников Г.П. О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту // Народы Азии и Африки. 1962. № 6. С. 127—141.
15. Гаджиева Н.З. Тюркские языки // Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1996.
16. Петруничева З.Н. Язык телугу. М.: Изд-во вост. литер., 1960.
17. Сакчар Ч., Глазов Ю.Я. Язык малаялам. М.: Изд-во вост. литер., 1961.
18. Бабакаев В.Д. Ассамский язык. М.: Изд-во вост. литер., 1961.

19. *Церетели К.Г.* Современный ассирийский язык. М.: Наука, 1964.
20. *Мельников Г.П.* Взаимообусловленность структуры ярусов в языках семитского строя // Семитские языки: материалы I конференции по семитским языкам, 26–28 окт. 1964. Вып. 2, ч. 2. М., 1965. С. 793–817.
21. *Ольдерогге Д.А.* К вопросу о границах слова в языках нефлективного строя // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
22. *Мельников Г.П.* Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 31–53.
23. *Greenberg, J.H.* Vowel harmony in African languages // Actes du Second colloque international du linguistique negro-africaine. Dakar: Universite de Dakar, 1963. P. 33–38.
24. *Серебренников Б.А.* Об устойчивости агглютинативного строя // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.: Наука, 1965.
25. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. МАН СССР, 1963.
26. *Мельников Г.П.* Рецензия на книгу: Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм: Опыт историко-типологического исследования // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 129–138.

References

1. Gumbol'dt, V. 1984. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu. Moscow: Progress. Print. (In Russ.)
2. Bakhtikireeva, U.M. 2005. Khudozhestvennyi bilingvizm i osobennosti russkogo khudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva. Doctoral Thesis. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Mel'nikov, G.P. 2003. Sistemnaya tipologiya yazykov. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
4. Boduen de Kurtene, I.A. 1875. Rez'yarskii katekhizis kak prilozhenie k «Opytu fonetiki rez'yarskikh govorov». Varshava, Sankt-Peterburg: E. Vende i Ko; D.E. Kozhanchikov. Print. (In Russ.)
5. Boduen de Kurtene, I.A. 1876. “Glottologicheskie (lingvisticheskie) zametki, I. Koe-chto po povodu rez'yarskoi garmonii (sozvuchiya) glasnykh”. Filologicheskie zapiski 5: 1–16. Print. (In Russ.)
6. Radloff, W. 1882. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk Sprachen. Leipzig, 1881–1882. 1. Teil: Phonetik der nördlichen Türk Sprachen. Vol. 1: Vocale. Leipzig: T.O. Weigel's Verlag. Print. (In Ger.)
7. Reformatskii, A.A. 1963. “K voprosu o fono-morfologicheskoi delimitatsii slova”. In Morfologicheskaya tipologiya i problema klassifikatsii yazykov. Moscow; Leningrad: Nauka. Pp. 60–76. Print. (In Russ.)
8. Reformatskii, A.A. 1966. “Ierarkhiya fonologicheskikh edinits i yavleniya singarmonizma”. In Issledovaniya po fonologii. Moscow: Nauka. Pp. 184–198. Print. (In Russ.)
9. Reformatskii, A.A. 1970. “Singarmonizm kak problema fonologii i obshchei lingvistiki”. In Tyurkologicheskie issledovaniya. Frunze: Ilim. Pp. 101–105. Print. (In Russ.)
10. Kyazimov, F.A. 1954. “Printsipy singarmonizma v azerbaidzhanskom yazyke”. Izvestiya OLYa AN SSSR 13 (1): 81–88. Print. (In Russ.)
11. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'. 1979. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Print. (In Russ.)
12. Mel'nikov, G.P. 1965. “O vzaimootnoshenii agglutinatsii i singarmonizma”. In Morfologicheskaya tipologiya i problema klassifikatsii yazykov. Moscow; Leningrad: Nauka. Pp. 298–301. Print. (In Russ.)
13. Borogoditskii, V.A. 1933. Etyudy po tatarskomu i tyurkskomu yazykoznaniiyu. Kazan': Tatizdat. Print. (In Russ.)
14. Mel'nikov, G.P. 1962. “O nekotorykh tipakh slovorazgranichitel'nykh signalov v yazykakh tyurkskikh i bantu”. Narody Azii i Afriki 6: 127–141. Print. (In Russ.)
15. Gadzhieva, N.Z. 1996. “Tyurkskie yazyki”. In Yazyki mira. Tyurkskie yazyki. Moscow: Indrik. Pp. 17–34. Print. (In Russ.)
16. Petrunicheva, Z.N. 1960. Yazyk telugu. Moscow: Izd-vo vost. liter. Print. (In Russ.)

17. Sakchar, Ch., and Yu.Ya. Glazov. 1961. *Yazyk malayalam*. Moscow: Izd-vo vost. liter. Print. (In Russ.)
18. Babakaev, V.D. 1961. *Assamskii yazyk*. Moscow: Izd-vo vost. liter. Print. (In Russ.)
19. Tsereteli, K.G. 1964. *Sovremennyy assiriiskii yazyk*. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
20. Mel'nikov, G.P. 1965. "Vzaimoobuslovennost' struktury yarusov v yazykakh semitskogo stroya". In *Semitskie yazyky Proceedings*, Oct., 26—28, 1964. Vol. 2. Moscow. Pp. 793—817. Print. (In Russ.)
21. Ol'derogge, D.A. 1963. "K voprosu o granitsakh slova v yazykakh neflektivnogo stroya". In *Morfologicheskaya struktura slova v yazykakh razlichnykh tipov*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR. Pp. 190—192. Print. (In Russ.)
22. Mel'nikov, G.P. 1962. "Nekotorye sposoby opisaniya i analiza garmonii glasnykh v sovremennykh tyurkskikh yazykakh". *Voprosy yazykoznanija* 6: 31—53. Print. (In Russ.)
23. Greenberg, J.H. "Vowel Harmony in African languages". In *Actes du Second colloque international du linguistique negro-africaine*. Dakar: Universite de Dakar. Pp. 33—38. Print.
24. Serebrennikov, B.A. 1965. "Ob ustoychivosti agglutinativnogo stroya". In *Morfologicheskaya tipologiya i problema klassifikatsii yazykov*. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 7—26. Print. (In Russ.)
25. Boduen de Kurtene, I.A. 1963. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu*. Vol. I. Academy of Sciences of the USSR. Print. (In Russ.)
26. Mel'nikov, G.P. 1966. "Retsenzija na knigu: Cherkasskii M.A. Tyurkskii vokalizm i singarmonizm: Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya". *Voprosy yazykoznanija* 5: 129—138. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Валентинова Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов. E-mail: valentininova_oi@pfur.ru
ORCID 0000-0002-8510-8701; elibrary SPIN 6986-9081.

Рыбаков Михаил Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов. E-mail: rybakov_ma@pfur.ru
ORCID 0000-0001-9444-3889; elibrary SPIN 6890-7000.

Bio Note:

Olga I. Valentinova is a Doctor in Philology, professor of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University). E-mail: valentininova_oi@pfur.ru
ORCID 0000-0002-8510-8701; elibrary SPIN 6986-9081.

Mikhail A. Rybakov is a Candidate in Philology, associate professor of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University). E-mail: rybakov_ma@pfur.ru
ORCID 0000-0001-9444-3889; elibrary SPIN 6890-7000.

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-143-152

Научная статья

Оскорбление языка как феномен современного билингвального коммуникативного пространства Беларуси

А.А. Лавицкий

Витебский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
Международный университет МИТСО
Республика Беларусь, 210010, Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А

Аннотация. В Беларуси, конституционно узаконившей белорусско-русское двуязычие, имеющаяся правовая база в области языковой политики длительное время обеспечивала гражданское согласие в вопросах использования и функционирования обоих государственных языков. Однако в последние годы проявились отдельные негативные явления, связанные со сложившимися особенностями организации коммуникативного взаимодействия. В частности, появился такой вид правонарушения, как оскорбление языка. Для белорусского лингвоправового дискурса это новый феномен, интерес к которому предопределил **цель** предпринятого исследования — изучить феномен оскорбления языка с позиции современной белорусской лингвоправовой экспертологии. **Материалы и методы.** Исследованию подвергнуты материалы дел об административных правонарушениях, сопряженных с нарушением законодательства о языках. Методология работы включала метод параметризации, логико-лингвистический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализы. **Результаты.** В проведенном исследовании внимание было обращено как к теоретическому изучению феномена оскорбления с позиции судебной лингвистической экспертологии, так и практическому анализу конфликтогенных текстов. В отличие от оскорбления личности, где значимыми являются характеристики параметров фактологичности, атрибутированности и ненормативности, признавая наличие факта оскорбления языка, правоприменительная практика отталкивается лишь от параметра атрибутированности, то есть наличия в содержании речевого высказывания лексики, принижающей язык, понижающей его статус. Полученные результаты свидетельствуют об особом отношении белорусской системы права к языку. Во-первых, признание возможности оскорбления языка — это показатель его особого статуса в ряду иных культурных артефактов. Во-вторых, судебная практика проявляет уважение к языку как сверхсущности, стоящей выше категории личности.

Ключевые слова: оскорбление языка, юрислингвистика, лингвоюрисдика, белорусский язык, русский язык, белорусско-русский билингвизм

© Лавицкий А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.12.2020

Дата принятия к печати: 14.03.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Лавицкий А.А. Оскорбление языка как феномен современного билингвального коммуникативного пространства Беларуси // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 143—152. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-143-152

Research Article

Insult of the Language as a Phenomenon of the Modern Bilingual Communication Space in Belarus

A.A. Lavitski

Vitebsk Branch of the Federation's of Trade Unions Educational Institution of Belarus
International University «MITSO»
8A, M. Shagall St., Vitebsk, 210010, Belarus

Abstract. In Belarus the Belarusian-Russian bilingualism is legalized constitutionally and the existing language legal framework has a long-standing basis for civil agreement on the use and functioning of both state languages. However, in recent years there have appeared a number of negative phenomena aroused by certain shifts in the structure of the communicative interactions. This refers, in particular, to a recently defined offence of insult of the language. This phenomenon is new to the Belarusian linguistic-legal discourse and the interest in it predetermined **the purpose** of this research, namely, to study the phenomenon of insult of the language from the standpoint of modern Belarusian linguistic legal expertise. **Materials and methods.** The research is based on records of administrative offences that violate the language regulations. The methodological basis comprises the method of parameterization and the logical-linguistic, comparative and lexical-semantic analyzes. **Results.** The research carries out both the theoretical analysis of the phenomenon of insult of the language from the standpoint of linguistic expertise and the practical analysis of conflict-prone texts. Unlike personal insults, where the defining parameters are factfulness, attributiveness and non-normativity, insults of the language are only defined in legal practice by the parameter of attributiveness, i.e. by the presence of words in the remark that derogate the language and demean its status. The obtained results indicate that the Belarusian legislation system treats the language with a special regard. Firstly, acknowledgement of the fact that the language can suffer an insult proves its special role among other cultural artifacts. Secondly, the legal practice demonstrates respect for the language and regards it as a super entity that stands above the category of personality.

Key words: insult of the language, legal linguistics, linguistic legislation, the Belarusian language, the Russian language, the Belarusian-Russian bilingualism

Article history:

Received: 03.12.2020

Accepted: 14.03.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Lavitski, A.A. 2021. “Insult of the Language as a Phenomenon of the Modern Bilingual Communication Space in Belarus”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 143–152. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-143-152

Введение

Вопросы диалектического взаимодействия языка и права стали объектом пристального внимания исследователей в 1980 годах прошлого столетия, создав прочный фундамент формирования нового перспективного направления — юридической (правовой) лингвистики. Научный интерес юрислингвистики включает исследования языка как облигаторного компонента системы функционирования правовой нормы; средства совершения преступного деяния; объекта правового регулирования. Последний аспект позволил оформиться обособленной юрислингвистической подотрасли — лингвоюристике, занимающейся изучением отношения права к языку, то есть юридическими аспектами функционирования языка. Проблемы правового статуса языка также лежат в плоскости исследовательского интереса политической лингвистики. Один из активных конструкторов данного направления Я. Блуммерт писал о том, что политическая лингвистика является не чем иным, как изучением языковой политики [1. С. 48]. Исследованием юридической регламентации и границами действия законов о языке занимается также социолингвистика. Н.Б. Мечковская посвящает этой тематике отдельный раздел, обосновывая необходимость этого тем фактом, что «в многоязычном социуме статус и функции языков должны быть определены законом» [2. С. 120]. Полагаем, что это вполне закономерно, ибо отношение права к языку имеет диффузный характер и обращаться к данной проблематике с позиции различных направлений (лингвоюристики, политической лингвистики, коммуникативной лингвистики, социолингвистики и др.) просто необходимо. Только такой подход позволит интегрировать исследовательские результаты «в единые системы для решения сложных научных и практических задач» [3. С. 7].

Включение данной проблематики в фокус нашего внимания является неслучайным. Дело в том, что с середины 1990 годов правовое регулирование языковой политики в Республике Беларусь, конституционно узаконившей белорусско-русское двуязычие, обеспечивало гражданское согласие в вопросе использования и функционирования обоих государственных языков. Разумный и взвешенный подход белорусских властей, думается, был продиктован пониманием очевидной значимости языка как важнейшей составляющей государственной идеологии. Неслучайно У.М. Бахтикиреева прямо указывает на тот факт, что «непродуманная и неадекватная... языковая политика и языковое планирование подтачивают го-

сударственную систему изнутри подобно ржавеющей шестеренке в механических часах, постепенно подвергающей коррозии всю часовую систему» [4. С. 242]. Даже отсутствие паритета в использовании языков (во всех сферах лично-бытовых и социально-экономических контактов доминирует русский язык) не вызывало серьезной общественной озабоченности, а мероприятия, направленные на нивелирование тенденции снижения количества этнических белорусов, считающих родным национальный язык, показали на практике свою эффективность (по данным республиканской переписи населения в 1999 году, 85,6% белорусов назвали родным белорусский язык, в 2009 году эта цифра составляла 60,8%, в 2019 году — 61,2%). В то же время в белорусской билингвальной коммуникативной среде в последние годы стали проявляться отдельные негативные явления — пренебрежение языковой толерантностью. Доказательством тому стали прецеденты такого противоправного поведения, как *оскорбление языка*. Для лингвоправового дискурса Беларуси этот феномен является абсолютно новым, хотя ответственность за такое преступление была введена в 1999 году. Кроме того, факт, что с 1993 года правоприменительная практика не сталкивалась с вопросами нарушения законодательства о языке, инициирует проведение широкой дискуссии по осмыслению негативных проявлений в двуязычном коммуникативном пространстве Беларуси.

Цель настоящего исследования — изучить феномен оскорбления языка с позиции современной белорусской лингвоправовой экспертологии.

В качестве фактических данных были использованы материалы дел об административных правонарушениях, сопряженных с нарушением статьи 9.22 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь «Нарушения законодательства о языках». Методологическую базу исследовательской работы составили метод параметризации, логико-лингвистический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализ.

Обсуждение

Правовое регулирование законодательства о языках в Республике Беларусь обеспечивается достаточно серьезным объемом нормативных документов: Конституцией (ст. 17 (определение статуса государственных для белорусского и русского языков), ст. 50 (право пользоваться родным языком, выбирать язык общения)), Законом о языках, Законом о национальных меньшинствах, Законом об обращениях граждан и др. Кроме того, страна ратифицировала многие межгосударственные и международные правовые акты (Европейская культурная конвенция, конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Европейская хартия региональных языков или языковых меньшинств и др.). Соблюдение юридических норм, закрепленных в законодательстве, фактически же регламентируется Кодексом об административных правонарушениях РБ, ст. 9.22 «Нарушение законодательства о языках» которого влечет наложение штрафа за публичное оскорбление, порочение государственных и других национальных языков, создание препятствий и ограничений в пользо-

вании ими, проповедь вражды на языковой почве. Справедливости ради следует отметить, что белорусское уголовное право также предусматривает наказание за нарушение принципов языковой толерантности, например, ст. 130 «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, реабилитация нацизма», ст. 190 «Нарушение равноправия граждан». Однако в данном случае язык выступает как предмет правового контроля либо средство реализации противоправного деяния. И только административное законодательство призвано защищать сам язык. Иными словами, с позиции указанной статьи Кодекса об административных правонарушениях он рассматривается как объект юридического регулирования и субъект нормативно-правовых отношений.

С точки зрения теории лингвистики такой подход — очередное доказательство того, что язык представляет собой живой организм. Более того, как субъект правовой системы он очеловечивается, получает характеристики личности, что, например, неприменимо к другим культурным артефактам: памятник архитектуры, например, можно осквернить, над историко-культурной ценностью — надругаться, но только язык можно оскорбить. Кроме того, очевидно, что с позиции права под защитой находится статика культурных символов, совокупность их количественных и качественных характеристик (их нельзя необоснованно изменять, воздействовать на внешний вид и т.д.). Язык в этом смысле исключение, «он имеет особенность развиваться и изменяться с течением времени» [5. С 19], поэтому его параметры не рассматриваются в процессуальной деятельности. В юридическом аспекте значим сам факт наличия объекта, т.е. языка, требующего правовой помощи.

Полагаем, что сказанное является проявлением не столько юридической, сколько политико-идеологической прозорливости белорусского национального законодательства в области вопросов языковой политики. Это, с одной стороны, указание на глубокий уровень уважения к языку, а с другой — показатель его значимости в сфере государственного строительства.

Еще более интересные особенности юридической охраны языка обнаруживаются в процессе анализа процессуально-судебной практики по рассмотрению административных дел об оскорблении языка. Дело в том, что правовая норма определяет оскорбление как «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме» (ст. 9.3 Кодекса об административных правонарушениях РБ). С позиции судебной лингвистической экспертологии идентификацию данного вида правонарушения, совершаемого вербальным способом, обеспечивает облигаторное наличие в исследуемом тексте трех параметров: умышленности, атрибутированности и ненормативности.

Первый аспект представляется наиболее сложным для экспертного изучения ввиду отсутствия верифицируемой методологии установления признаков умышленности речевого высказывания. В лингвистике принято оперировать понятием интенции, которая напрямую не связана с намерением, ибо намерение — это лишь один из видов интенциональности [6. Р. 37]. Умысел относят к сфере права, где он определяется как одна из форм вины и смягчающее или отягчающее обстоятельство совершения противоправного деяния. Однако очевидно, что данная категория имеет диффузный характер и подверглась терминологическому транс-

феру в исследовательское поле юрислингвистики (о динамике этих процессов писали Н.Д. Голев и Н.О. Матвеева [7. С. 202].), где может определяться как «осознаваемая субъектом форма реализации намеренности действия, детерминированного мотивом» [8. С. 193]. Несмотря на это, в практике лингвоправовой экспертной работы характеристика умышленности речевого высказывания чаще всего подменяется параметром фактологичности, т.е. установлением признаков субъективности содержания изучаемого речевого акта (поиск соответствующих вербальных маркеров: *думается, приходилось слышать, наверное, видимо* и т.п.).

Описание атрибутированности высказывания ориентировано на его глубокий семантический анализ, призванный обнаружить наличие в содержании лексических единиц, корректирующих «образ лица в худшую сторону за счет понижения статусного положения относительно говорящего» [9. С. 97]. В этом случае специалист обращается к изучению семантических значений, зафиксированных в различных словарных источниках и позволяющих достаточно достоверно установить смысл как всего текста, так и его отдельных лексических элементов.

Последний параметр — ненормативность — также неоднозначно понимается в экспертном сообществе. Чаще всего к ненормативным лексемам относят единицы, имеющие специальные стилистические пометы в словарных источниках (*бран., руг., фам., сниж.* и др.) либо зафиксированные в специализированных изданиях инвективной лексики и матизмов. В.И. Жельвис, в свою очередь, полагает возможным расширить границы значимой для судебной лингвистической экспертологии обценной лексики, включив в ее состав различного рода проклятия, вербальные проявления богохульства, эвфемизмы, жаргонные выражения, ксенофобские прозвища и клички [10. С. 198—199]. Не вдаваясь в пространные дискуссии относительно верности того или иного подхода, отметим лишь, что последний подход пока не нашел должного, как нам кажется, отражения в лингвоправовой экспертной практике.

Представленный краткий экскурс позволяет далее обратиться к исследованию фактического материала — прецедентным делам по правовому преследованию за оскорбление языка. Первый такой факт был зафиксирован в конце 2016 года. В официальной фан-группе футбольного клуба «Славия» (г. Мозырь) были размещены сообщения о новом рекламном бигборде команды и его фотография. Слоган, опубликованный на бигборде, звучал: «Разам ствараем гісторыю нашага горада!» (Вместе создаем историю нашего города!). Среди комментариев к размещенному посту выделялся следующий: «Почему, почему блин, даже хорошее дело — и все равно через жопу сделали? Зачем тут всрался белорусский язык?» Одного из посетителей страницы футбольного клуба возмутил этот факт, и в личной переписке он потребовал (на белорусском языке) от автора конфликтного текста публично извиниться, а после полученного отказа, мотивированного незнанием белорусского языка, обратился в местный исполком и прокуратуру. Последняя приняла решение возбудить дело об административном правонарушении. Обвиняемый признал вину, раскаялся и выплатил минимальный штраф, предусмотренный ст. 9.22 Кодекса об административных правонарушениях РБ.

Так как лингвистическая экспертиза по описанному делу не назначалась, считаем возможным предпринять попытку смоделировать ее в настоящей статье. Для

лингвоправовой оценки текст поста в социальной сети дадим краткую характеристику указанным выше параметрам, идентифицирующим речевое высказывание как оскорбительное. В первую очередь, доказательства требует наличие фактологичности анализируемого речевого высказывания. На формально-синтаксическом уровне текст представляет собой два вопроса, то есть не является выражением факта. Однако логико-лингвистический анализ вербального акта позволяет выявить в первом предложении два утвердительных тематических блока: 1) сделано хорошее дело; 2) дело сделано плохо («через жопу»). Иными словами, это является риторическим вопросом, имеющим фактологичную основу. Последующее предложение является вопросительным. Исследование второго параметра — атрибутированности — показывает, что в тексте отсутствуют лексические единицы, негативно характеризующие белорусский язык. Данный вывод позволяет не обращаться к дальнейшему выявлению обценной лексики в анализируемом текстовом материале, хотя, очевидно, что слово «жопа» принадлежит к указанному типу слов, но при этом не относится к описанию объекта правовой защиты — белорусскому языку. Исходя из сказанного, можно сделать вывод об отсутствии в прецедентном тексте лингвоправовых признаков совершения преступления, сопряженного с оскорблением.

Следующий пример датируется второй половиной 2019 года. Специалист в области IT опубликовала в социальной сети Facebook пост следующего содержания: «Я знаю 4 (языка — примечание наше. А.Л.), кроме языков программирования. Естественно уродский беляз и не рассматривала для изучения. Намеренно. Свой быдлоязык сами учите». По этому поводу общественные активисты написали обращение в местный исполнительный комитет, который, в свою очередь, перенаправил его в милицию, где и было принято решение о возбуждении дела об административном правонарушении. Судья постановил наложить штраф на нарушителя.

Интересно также и то, что в период процессуально-следственных мероприятий была предпринята попытка организовать кампанию по поддержке обвиняемой. В частности, создана электронная петиция, адресованная управлению внутренних дел. Однако общественного резонанса она не получила, так как была поддержана только 45 пользователями.

Как и при рассмотрении первого примера, обратимся к краткому экспертному анализу прецедентного текста (в процессе следственных и судебных мероприятий специальная экспертиза не проводилась). Так, рассматривая фактологичность вербального материала, можно сделать вывод об отсутствии в нем маркеров, выражающих субъективность. Об этом свидетельствует и анализ текста на синтаксическом и логико-лингвистическом уровне (как методологический принцип экспертной работы обоснован в работе А.Н. Баранова [11. С. 32]). При изучении параметра атрибутированности, то есть поиске лексических единиц, несущих негативную семантическую окраску объекта правовой защиты, становится очевидно, что слова *уродский*, *быдло* статусно понижают белорусский язык, умаляя его перед другими. Об этом свидетельствуют зафиксированные в словарях значения данных лексем: *уродский* — общеотрицательный эпитет (плохой, неинтересный), имеющий ярко выраженные недостатки; *быдло* — тупой, безвольный,

покорный насилию, низкой духовной культуры. Однако только вторую лексику можно отнести к ненормативным. Это доказывается наличием соответствующих стилистических помет в разных лексикографических источниках: *бран.* (Словарь Ушакова), *прост. презр.* (Словарь Ожегова). Таким образом, можно заключить, что приведенный пример конфликтогенного текста с позиции судебной экспертологии несомненно можно отнести к проявлению вербального оскорбления языка.

Приведем еще несколько примеров, квалифицированных белорусской судебной системой как оскорбление языка.

Жительница провинциального г. Речица опубликовала на странице местного новостного паблика пост следующего содержания: «Белорусский язык неприятен на слух. Да и вообще, белор. язык — это нелепое ассорти из русского и польского». С позиции лингвоправовой экспертологии указанное сообщение очевидно не соответствует параметру ненормативности. Оно является фактологичным, имеет в своем содержании лексику, негативно характеризующую белорусский язык. За публикацию поста «Белорусский язык — это разлагающий и загнивающий труп, который уже давно порабы закопать поглубже!» (орфография и пунктуация сохранены — *А.Л.*) на этой же информационной площадке был оштрафован бывший сотрудник органов правопорядка. При этом, как и в предыдущем примере, текст сообщения не отвечает критерию ненормативности. Последний из приведенных примеров рассматривался судом с привлечением мнения эксперта, в качестве которого выступил известный белорусский специалист профессор В.И. Коваль. В целом результаты исследования соответствуют сделанным нами выводам о фактологичности высказывания и соблюдении параметра атрибутированности. Вопрос о наличии в речевом акте неприличной формы перед экспертом не ставился.

Заключение

Прецедентные для Беларуси случаи судебных разбирательств, предметом рассмотрения которых были публичные оскорбления белорусского языка, показывают, что в отличие от оскорбления личности, где обязательными признаками являются наличие умысла, негативной характеристики объекта описания и использование при этом обценной лексики, положительные судебные решения по делам об оскорблении языка выносятся только на основании соответствия конфликтогенного текстового материала параметру атрибутированности. Данный факт не следует понимать как доказательство совершения судебных ошибок. Дело в том, что примененная параметрическая модель используется при рассмотрении дел об оскорблении личности. Судебная практика же демонстрирует иной подход в отношении языка. Полагаем, это показатель высочайшего уровня уважения к языку, признания его сверхсущности, стоящей выше категории личности. Придание белорусской судебной системой особого статуса языку — это идеологическая доминанта государственной политики и проявление ее дальновидности в вопросах языкового планирования.

Список литературы

1. *Blommaert J.* Language and politics, language politics, political linguistics // *Belgian journal of linguistics*. 1997. № 11. P. 45–67.
2. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000.
3. *Маслова В.А.* Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре // *Гуманитарный вектор*. 2018. № 13 (1). С. 6–11.
4. *Бахтикиреева У.М.* К вопросу о роли языка в национальных конфликтах // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международ. конф. (Москва, 16–19 сентября 2014) / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 241–245.*
5. *Джусупов Н.М.* Активные стилистически релевантные процессы как результат выдвигения языковых девиаций (на материале английского и русского языков) // *Вестник РУДН: Вопросы образования: языки и специальность*. 2016. № 1. С. 19–27.
6. *Searl J.R.* *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. N.Y.: Basic Books, 1998.
7. *Голев Н.Д., Матвеева О.Н.* Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // *Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой культуры / под. ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006.*
8. *Маслова В.А., Лавицкий А.А.* Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов // *Политическая лингвистика*. 2019. № 6. С. 189–196.
9. *Осадчий М.* *Русский язык в судебном процессе*. М.: ЛЕНАНД, 2020.
10. *Жельвис В.И.* Слово и дело: юридический аспект сквернословия // *Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии / под. ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 2000. С. 194–206.*
11. *Баранов А.Н.* *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2012.*

References

1. Blommaert, J. 1997. “Language and Politics, Language Politics, Political Linguistics”. *Belgian journal of linguistics* 11: 45–67. Print.
2. Mechkovskaja, N.B. 2000. *Social'naja lingvistika: posobie dlja studentov gumanit. vuzov i uchashhihsja liceev*. Moscow: Aspekt Press. Print. (In Russ.)
3. Maslova, V.A. 2018. “Sovremennaja lingvistika — nauka o cheloveke, ego soznanii, jazyke i kul'ture”. *Gumanitarnyj vector* 13(1): 6–11. Print. (In Russ.)
4. Bahtikireeva, U.M. 2014. “K voprosu o roli jazyka v nacional'nyh konfliktah”. In *Jazykovaja politika i jazykovye konflikty v sovremennom mire* Proceedings (Moscow, September, 16–19, 2014). Eds. A.N. Bitkeeva, V.Ju. Mihal'chenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Pp. 241–245. Print. (In Russ.)
5. Dzhusupov, N.M. 2016. “Active Stylistically Relevant Processes as a Result of Foregrounding of Linguistic Deviations (Using the Materials of English and Russian)”. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Language and Education: Languages and Speciality* 1:19–27. Print. (In Russ.)
6. Searl, J.R. 1998. *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. NY: Basic Books. Print.
7. Golev, N.D., and O.N. Matveeva. 2006. “Lingvisticheskaja jekspertiza: na styke jazyka i prava”. In *Jurislingvistika-7: jazyk kak fenomen pravovoj kul'tury*. Edited by N.D. Goleva. Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta. Pp. 189–196. Print. (In Russ.)
8. Maslova, V.A., and A.A. Lavickij. 2019. “Vlast' politicheskaja i sudebnaja: transfer idej i terminov”. *Politicheskaja lingvistika* 6: 189–196. Print. (In Russ.)
9. Osadchij, M. 2020. *Russkij jazyk v sudebnom processe*. Moscow: LENAND. Print. (In Russ.)

10. Zhel'vis, V.I. 2000. "Slovo i delo: juridicheskiy aspekt skvernoslovija". In *Jurislingvistika-2. Russkiy jazyk v ego estestvennom i juridicheskom bytii*. Edited by N.D. Goleva. Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta. Pp. 194—206. Print. (In Russ.)
11. Baranov, A.N. 2012. *Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika*. Moscow: Flinta; Nauka. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций гуманитарного факультета Витебского филиала Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО». E-mail: anton_lavitski@mail.ru

Bio Note:

Anton A. Lavitski is a PhD., Head of the Chair of the Foreign Languages and Cross-Cultural Communication, Humanities Faculty, Vitebsk Branch of the Federation's of Trade Unions Educational Institution of Belarus International University "MITSO". E-mail: anton_lavitski@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-153-164

Научная статья

Вербализация концепта «къыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира

М.А. Ахматова, А.Т. Додуева, М.Б. Кетенчиев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Российская Федерация, 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Аннотация. В данной статье рассматривается концепт «къыш» (зима), который является одним из основных элементов концептосферы карачаево-балкарской языковой картины мира. Национально-культурная специфика исследуемого концепта выявлена на основе различных художественных произведений, фразеологизмов, пословиц и поговорок, а также словарных дефиниций. В работе представлена семантика лексических единиц, составляющих данный концепт, раскрыты его концептуальные признаки на основе различных ассоциаций носителей языка, произведен анализ языковой репрезентации и когнитивных характеристик данного концепта в карачаево-балкарской языковой картине мира, в связи с чем были рассмотрены паремиологические единицы, в которых представлена этнокультурная специфика карачаево-балкарского языка, особенности этнического мировидения и мировосприятия. Рассмотрены основные отличительные признаки зимы, атрибуты, также сопровождающие ее факторы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, концепт, концептуализация, антропоморфизм, картина мира, вербализация, природные явления

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.12.2020

Дата принятия к печати: 12.02.2021

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Ахматова М.А., Додуева А.Т., Кетенчиев М.Б. Вербализация концепта «къыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 153–164. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-153-164

© Ахматова М.А., Додуева А.Т., Кетенчиев М.Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Verbalization of the Concept of “Kysh” (Winter) in the Karachay-Balkar Language Picture of the World

M.A. Akhmatova, A.T. Dodueva, M.B. Ketenchiev

Kabardino-Balkar state University named after Kh.M. Berbekov
173, Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russian Federation

Abstract. This article discusses the concept of “kysh” (winter), which is one of the main elements of the concept sphere of the Karachay-Balkar language picture of the world. The national and cultural specificity of the concept under study is revealed on the basis of various works of art, phraseological units, proverbs and sayings, as well as dictionary definitions. The paper presents the semantics of the lexical units that make up this concept, reveals its conceptual features based on various associations of native speakers, analyzes the linguistic representation and cognitive characteristics of this concept in the Karachay-Balkar language picture of the world, and therefore considers paremiological units that represent the ethno-cultural specifics of the Karachay-Balkar language, features of the ethnic worldview and world perception. The main distinguishing features of winter, attributes, and accompanying factors are considered.

Key words: karachay-balkar language, concept, conceptualization, anthropomorphism, worldview, verbalization, natural phenomena

Article history:

Received: 12.12.2020

Accepted: 12.02.2021

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Akhmatova, M.A., A.T. Dodueva, and Ketenchiev M.B. 2021. “Verbalization of the Concept of “Kysh” (Winter) in the Karachay-Balkar Language Picture of the World”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 153—164. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-153-164

Введение

Рассмотрение концептов в русле современной антропологической парадигмы дает возможность исследовать слово не только как языковой факт, но и как элемент культуры, отражающий мировоззрение народа и раскрывающий тесную связь между языком, культурой и этносом, так как «любая этнокультура существует и развивается в среде определенного этнического языка» [1. С. 268]. В парадигме современной лингвистики исследование национальных культур представляется достаточно актуальной проблемой. Дело в том, что культура народа вербализируется в его языке, поскольку именно в нем сосредоточены базовые

единицы культуры, то есть ключевые концепты, которые есть «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [2. С. 43]. Следует отметить, что термин «концепт» в современной науке о языке не имеет однозначной дефиниции и до сих пор дискутируется в специальных гуманитарных исследованиях. В восприятии человеком окружающего мира немалую роль играют природные явления, для обозначения которых используется лексика, которая «объективирует обыденные и сакральные представления о мире, репрезентирует хозяйственную деятельность этноса» [3. С. 94]. Результатом отражения взаимосвязи и взаимодействия человека и окружающей среды является языковая картина мира [4. С. 3], изучение которой необходимо при выявлении специфики национальной концептосферы, а также при описании концептов, составляющих ее, так как языковые знаки есть средство доступа к концептосфере человека [5].

На сегодняшний день имеется немало работ, в которых проводится структурно-семантический анализ лексических единиц, обозначающих атмосферные явления, в составе тематических групп «Атмосферные процессы» [6], «Состояние атмосферы», «Движение воздуха в атмосфере», «Вода в атмосфере» [7]; рассматриваются лексические единицы («ветер», «снег», «град», «роса») с учетом их семантического своеобразия в диалекте [8]; метеорологические явления в говорах [4]; национально-культурная специфика концепта «зима» в языковой картине мира эвенов [9]; анализ метеорологической лексики на материале русских и селькупских диалектов [3]; концептуализация природных явлений в карачаево-балкарской языковой картине мира [10] и др.

Целью нашего исследования является выявление и описание специфики вербализации концепта «кыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира, в рамках которого предполагается решение следующей задачи: определить национально-культурную специфику данного концепта на материале различных фольклорных и художественных текстов. Предметом исследования являются структура и средства языковой экспликации означенного концепта.

Обсуждение

Концепт «кыш» (зима) представляется весьма релевантным для национальной культуры карачаевцев и балкарцев. Материалы, репрезентирующие его, достаточно четко эксплицируют специфику этнического мировоззрения карачаевцев и балкарцев, а также характер восприятия ими окружающей среды. Основным отличительным признаком зимы в их языковой картине мира является «кяр» (снег): кяр — Кышша тыйыншлы (погов.) (Снег — признак зимы). Данная лексема выступает и в позиции определения — снежный: а) сделанный из снега (кяр тёбе (снежная куча)); б) покрытый снегом: кяр басхан (заснеженный) [11. С. 561].

Сопровождающими факторами зимы являются: затвердевшая земля (бузлауук / бузкьаудан (гололед)), замерзшая вода (чыран (ледник), бокьур буз / кьысыр буз (очень твердый лед), элхуур / ахуюл (ледоход; полынья)), сильный ветер, метель, буран (бурдум / гауел (круговерть), гылан (вьюга, метель), борангылан (сильная вьюга), жел-боран (метелица)). Зима ассоциируется с холодом, который

в карачаево-балкарском языке обозначается лексемой «сууукъ / сууукълукъ» (холод, мороз): кыш суугъу (зимняя стужа); сууукъ кысды (тутду, тюшдю) (наступить (о морозе, холоде, стуже)) [12. С. 236]. В народе говорят: Кышхабиш биши — сууукъ тюшдю (посл.) (Мушмула поспела — мороз наступил); Такъюзок биши — кыш тюшдю (погов.) (Поспела рябина — наступила зима).

Лексема «кыяма», употребляющееся обычно в значении ‘светопреставление’, репрезентирует и понятие «стужа, сильный холод»: кыш — кыяма [11. С. 808]: Кышны кыямасы кетип, орунуна жылы жаз, берекетли жай айлары келгенликге, халкны кыйынлыгы, азабы, мугурлукъ жашауу кетмейди (Несмотря на то, что на смену зимней стуже приходят теплые весенние, полные изобилия летние месяцы, не проходит трудная, угнетенная жизнь народа).

Предвестником зимы, началом морозных дней считается кырау — снежный покров, образующийся на поверхности чего-либо в морозную погоду: Кышны кёзю — кырау (погов.) (Глаз зимы — заморозки). Это подтверждается и данными Этимологического словаря тюркских языков, в котором слово «кырав» имеет значение ‘иней; изморозь; влажность, замерзающая на стенах, деревьях и пр. в сырые холодные дни; осенне-летние заморозки; заморозки’ [13. С. 232]: кырдыкга кырау тюшгенди (трава покрылась инеем); тереклени кырау басханды (на деревьях изморозь); кырау ура башлаганды (наступили заморозки), кырау кыакды (наступили заморозки).

Другой атрибут начала зимы — кырпакъ (пороша): кырпакъ этерге (запорошить); Жаз башы — жабалакъ, кюз арты — кырпакъ (Ранней весной — вешний снег, поздней осенью — пороша). В тюркских языках в слове «қурақ» выделяют основу *qyr-*, отождествляемую с *qyr-* (уничтожать) или *qyr-* (крошить, размельчать) и аффикс *-paq* [14. С. 28]. Сопровождающим фактором зимней погоды иногда является туман. По данным Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, лексема «tuman» образована от глагольной основы *tum-* ~ *tuma-* (обволакивать(ся)). Глагольная основа *tuma-* может быть производной от *tum*, тождественной тур. диал. *tum* (роса) [14. С. 34].

Карачаевцы и балкарцы различают большое количество разновидностей снега, что представлено в языке словами и дескрипциями типа жабалакъ (снег хлопьями, крупный снег), кырпакъ / ууакъ къар (пороша; мелкий снег), жумушакъ къар / кзургъакъ къар (пушистый снег), ауур къар (тяжелый снег), кылын къар (густой снег), акырын / тынч къар (тихий снег), жубу къар (мохнатый снег). В большинстве из них ядерная лексема «къар» сочетается с различными адъективными словами, что дает возможность передать различные характеристики снега.

В семантическое поле лексемы «къар» в карачаево-балкарском языке входит множество устойчивых сочетаний: къар бурчакъчыкъ / къар хурттак (снежинка), къар жуммакъ / къар тугул (снежок, снежный ком), къар суу (талая вода), къар юзюлген (лавина), курт/кюрт (сугроб).

Снежный покров или корка, образуемая на поверхности снега, называется кыбырчакъланнган къар от кыбырчакъ (твердый, затянутый (покрытый) твердый; наст): кыарны юсю кыбырчакъланнсанды (верхний слой снега покрылся

настом). Также можно выделить басылгъан къар / аууур къар (плотный, слежавшийся снег, который предстает как нечто осевшее: Басылгъан къар ауур болады (Слежавшийся снег бывает тяжелым)).

В карачаево-балкарском языке наиболее используемыми эпитетами для характеристики снега являются акъ (белый), таза (чистый), биринчи (первый), жангы (новый): Жетдинг, таза къар, Сюеме сени. Сенича, жангы Кюнлерим мени! (Чистый снег, ты пришел, /Люблю (я) тебя. Такие же, как ты/ Мои новые дни!), Юйлени да, Жолланы да жаба, Тураса, жангы къарчыгъым, Жауа. Жау, эрттен къарчыкъ (Накрываешь дома, дороги, (мой) новый (первый) снег. Падай, утренний мой снежок) [15. С. 50].

В наивной этноязыковой картине мира снег может представляться в виде округлых льдинок, т.е. града — буз къар (ледяной снег): Жайгъыда — бишген харбызла, Къышхыда — буз кибик къар (Летом — спелые арбузы, зимой — ледяной снег (град)) [15. С. 537].

Снежная масса, низвергающаяся с горного склона с огромной разрушительной силой, способной с легкостью смести все, что находится на ее пути, называется къар юзюлген (лавина): Къар юзюлгенден къутулгъан жолоучу Келтиргенча суймеклигин юйюне, Шахарым, тюшюмде кёрюп туруучу, Келтирдим суймеклигим кесинге (Как путник, вырвавшийся из-под лавины, принес домой любовь свою, Город мой, который мне всегда снился, Я принес свою любовь тебе) [15. С. 316].

В карачаево-балкарском языке процесс выпадения снега передается путем присоединения в лексеме «къар» следующих глаголов: тюшеди, себелейди, жабалайды, жауады и др. Глагол «себелейди» используется для обозначения процесса выпадения мелкого снега, а «жабалайды» — для крупного снега, снега хлопьями. Для обозначения снегопада, сопровождающегося ветром, в языке используются глаголы «боранлайды», «борайды» (вьюжит): Къар жауады, борайды, Байны неси къорайды? (Снег идет, метелит, Что богач теряет?) [16. С. 134]. Снег с дождем передается сочетанием жауун къатыш къар (мокрый снег): Жауун къатыш къар жауду жерге (Мокрый снег выпал на землю) [17. С. 132].

Снегопад имеет разную интенсивность. Снег может идти тихо, медленно: Къар тынч жауа турады Эски къала юсюне, Жангы школ агъарады, — Къарайма эки-сине (Снег тихо падает на Старую крепость, Новая школа белеет (под снегом), — Я смотрю на них) [15. С. 348], Къарайма да бу акъырын къаргъа, Эсиме кёп зат тюшеди (Смотрю на медленно падающий снег, И многое вспоминаю) [15. С. 365]; непрерывно: Жашы, эсирип, ауады, Къар а, тынмай, жауады (Сын валяется пьяный, А снег, не переставая, идет) [16. С. 134]; сильно (с ветром, метелью): Жалчылыгъыны юч жылында Масхутну къошу болгъан къышлыкъгъа аллай къар боран бла келди да, аны татлы умутларын къан бла къусдурду (На третьем году батрачества Масхута на зимовку, где находилась его кошара, пришел такой снег с метелью, что заставил его все свои мечты кровью выхаркать).

В карачаево-балкарском языке снег номинируется не только по своему размеру и характеру выпадения, но и по времени выпадения. Концепту «къар» присущи темпоральные характеристики, которые создаются при помощи лексем,

репрезентирующих время, — эрттен(лик) (утренний), кече (ночной), бюгюнгю (сегодняшний), тюненеги (вчерашний) и др.: Юйлени да, Жолланы да жаба, Тураса, жангы кьарчыгьым, Жауа. Жау, эрттен кьарчыкь (Выпадая, ты накрываешь дома и дороги, мой новый снежок. Падай, утренний снежок) [15. С. 101]. Бир жарыкь тойгьа ашыкьгьанча сенде, Будуман болуп жетди кече кьары (Быстро начался ночной снег, будто спешил на светлый праздник) [15. С. 344].

В качестве «репрезентантов основных устойчивых структур нашего сознания» часто выступают пословицы [18. С. 124]. Так, например, в паремиологическом фонде карачаево-балкарского языка обнаруживается значительное количество пословиц и поговорок, в состав которых входят лексемы «кьыш» (зима) и «кьар» (снег), выражающие различные концептуальные признаки:

— враг: Кьыш бла жау бирди (Зима и враг одно и то же). Кьыш дегенинг кьылыч кибик (Зима как меч). Кьыш сууугьун кььргюзюр, душман жаулугьун кььргюзюр (Зима покажет (свой) холод, враг — (свою) вражду);

— изобилие: Кьыш кьарлы болса, жай барлы болур (Если зима будет снежная, лето будет плодородное). Кьар — тобукьдан, ханс — белден (Снег — по колено, трава — по пояс). Кьар кьеп жауса, битим кьеп болур (Будет много снега, будет большой урожай). Кьарлы кьышны жазы битимли болур (Снежная зима — предвестница урожайного лета);

— испытание: Бакь-бакь этген текени кьар жаугьанда кььрюрбюз, батырсынган жигитни жау келгенде кььрюрбюз (Чрезмерно блеющего козла испытаем снегом, а смельчака — противником). Жангы кьарда алгьа барма, ууакь чырпыда/чыбыкьда артха кьалма (Не иди первым по свежему снегу, не иди последним через мелкий кустарник); Кьар акь болгьандан не хайыр — юшютеди (Нет смысла в том, что снег белый — морозит);

— основа чего-л.: Кьар болмай, сууукь болмаз, мал болмай, жууукь болмаз (Без снега нет холода, без богатства нет родственников). Кьаты ашлыкь жетгинчи, кьар кьууут аш болур (Пока не поспеет зерно, снег будет толокном). Кьарда ыз кьалыр, халкьда адет кьалыр (На снегу останется след, а в народе обычай).

Небезынтересен и фразеологический фонд карачаево-балкарского языка, в котором представлена его этнокультурная специфика, особенности этнического мировидения и мировосприятия. Фразеологические единицы со стержневым компонентом *кьар* выражают различные черты характера человека:

— бедный: жазгьы кьарча (кьар кибик) (подобно весеннему снегу): Хасанны битеу ырысхысы жазгьы кьар кибик бошалды да кьалды (Все богатство Хасана растаяло подобно весеннему снегу);

— злой: кьарамы кьар жаудургьан (от одного взгляда снег пойдет): Сизге кьарамы кьар жаудургьан ана керек эди (Вам нужна была мать, от взгляда которой снег бы пошел);

— хитрый: кьарда ыз кьоймагьан: Масхут кьарда ыз кьоймагьан, хыйлачы адамды (Масхут хитрый человек, который на снегу не оставит следа).

Сделанные человеком наблюдения за явлениями, связанными с непогодой, наступающими холодами, передаются через приметы, которые эксплицируют:

— поведение животных: Малла кьадалып отласала, хауа тюрленир (Если скот упорно щипает траву — погода испортится). Кьаргьа кьычыргьанлыкьгьа, кьар

жаумайды (От того, что ворона каркает, снег не выпадет). Къаргъа келсе, къар эрир (Прилетит ворона — снег растает);

— природные явления: Кюз артында кёк кюкюресе, кышы сууукъ болур (Если поздней осенью будут громы — зима будет холодной). Къара (къарсыз) кыш ауруулу болур (Зима без снега — к болезням). Кышны аллы зыбыр болса, арты жумушакъ болур (Если начало зимы будет колючим, то конец будет мягким). Туманла кёп басып, бийиклеге къар жауса, кюн аязыр (Если туман густой и на вершинах (гор) выпадет снег — погода прояснится);

— действия человека: Кызы чоюнну тубюн кёп кырыса, тоюнда къар жауар (Если девушка любит соскребать со дна казана (остатки пищи), то на ее свадьбе выпадет снег) [19. С. 416—417].

Зима как часть календарного года карачаево-балкарцев делится на следующие периоды: токълутоймаз кюнле (дни, когда не насытятся барашек), на эти дни приходится и къоргъазин (зимнее солнцестояние), гитче чилле (малый чилле), уллу кыш чилле (большой чилле), сарытамыз (очень холодные дни, первые три дня после зимнего чилле), атсыз кюнле (шесть безымянных дней), балдражюз (самый холодный период зимы) [20. С. 456]. Кыш чилле озмай, кюн жылынмаз (Пока не пройдет зимний чилле, погода не потеплеет). Анда да бол, мында да бол, балдражюзде юйде бол (Будь и там, и тут, но в период балдражюз будь дома).

Другим не менее важным элементом зимы является буз (лёд): Башлагъанды къарны ийиси ура, Кыш жетер бизге къары, бузу бла (Уже пахнет снегом, Зима придет к нам со снегом, со льдом) [15. С. 247].

Лексема «буз» (лёд) носит общетюркский характер: buz I (лёд) [21. С. 130]. По данным Толкового словаря карачаево-балкарского языка лексема «буз» употребляется в значении 'лёд'; в позиции определения — 'ледяной' [22. С. 504].

Производные от слова «буз» (лед) — бузкъаудан и бузлауукъ обозначают понятие «гололедица, гололед» [22. С. 505—506]. Слово «бузлауукъ» используется и в позиции определения: обледенелый: бузлауукъ жер (обледенелая земля). Представления карачаево-балкарцев о льде эксплицируются посредством следующих устойчивых сочетаний и лексем: буз сьемек (сосулька), буз таякъ (сосулька), тау буз (ледник), буз таракъла (ледяные зубья), элхууур / ахуюл (ледоход), чыран (ледник; льдина) и др.

Как известно, основой льда является вода: суу болмаса, буз болмаз (без воды не будет льда). Холод же является условием образования льда: сууукъ кысса, буз къозлар (сильный холод способствует рождению льда). На способность увеличиваться, расти в размерах указывает глагол «къайна»: Чыран бузлай къайнагъанды, не сейир-тамашады», — деди ол ичинден (Удивительно, он увеличивается (в размере), словно замерзший водопад, — сказал он про себя) [23. С. 60]. Наивысшая степень твердости, крепости льда в языке передается сочетанием «кысыр буз» (плотный, крепкий).

В мировосприятии карачаевцев и балкарцев «лёд», с одной стороны, осмысливается как положительное явление (чистота, жизнь), с другой стороны, эмоционально-оценочная составляющая носит отрицательный характер: лёд — источник гибели, опасность: Буз жаугъанча, кыйынлыкъ жауады (Несчастье приходит подобно льду). Ключевыми средствами концептуализации льда являются

устойчивые словосочетания, эпитеты, метонимии (буз таш (очень холодный), кёк буз (голубой лёд), буз къарам (ледяной взгляд) и др.). На это обращают внимание и некоторые языковеды, исследуя проблемы, связанные с репрезентацией наименований месяцев в фольклоре и в художественных текстах этнокультурной направленности [24].

Рассмотрим некоторые когнитивные признаки, характерные для снега и льда как составляющих концепта «кыыш», выявленные на материале карачаево-балкарских художественных текстов:

— способность сиять: Кечеги таула жукълап ырахат, Жылтырайдыла къарлары (Вечерние горы спокойно спят, Снег на них сияет) [15. С. 62]. Тау башында буз жылтырайды, кёз къамата (На вершине горы лёд сверкает, ослепляя глаза);

— способность спасти/помочь: Къая, къар юзюлгени да Эллени жаудан къоруду (Обрушение скал и сход снежных лавин спасли села от врага) [15. С. 422];

— способность спускаться: Тауладан энип келген къар, Таудан энип келген кече Силкгенди акъ жамычысын (Снег, спустившийся с гор, В тот же вечер замел все (букв. потряс белую бурку)) [15. С. 272];

— способность промокнуть: Бызынгыны ауушунда Къарла жибийдиле, жаууннга тынгылай... (На Безенгийском перевале Снега мокнут под дождем (букв. прислушиваясь к дождю)) [15. С. 405];

— способность развлекать: Къарт ынна алгынча тебиретеди Жашындан тугъанны, бешик жыр айта, Хауа чыракъ жиплерин акъ этеди Къар, орамда сабийлени жубата (Бабушка, напевая колыбельную песню, качает внука, Снег на улице, окрашивая провода в белый цвет, развлекает детвору) [15. С. 429];

— способность наполнить все пространство: Къар толтурду аны аузун, Эки кёзюн къар толтурду (Снегом заполнился его рот, Глаза заполнились снегом) [15. С. 211];

— способность обмануть: Жазгы буз — алдауукъ (Весенний лёд — обманчив);

— способность вызывать ощущение жжения¹: Орайда! Тау башында да къар сууугъу кюйдюрю! (Орайда! На вершине горы мороз обожжет);

— способность охлаждать: Чиммакъ таула бийиклери алда, Къарла салкъыны энер аладан (Впереди белоснежные горные вершины, Снежная прохлада спустится с них) [15. С. 292]. Ол заманда Къарашауай ары кирип: «Мени ёсдюрген буз суммекле, болушугъуз!» — деп юфгюргенде, юйню тёрт мюйюшюнде буз тёбеле болдула (Войдя туда (внутри), Карашауай сказал: «Сосульки, выращившие меня, помогите!» — и во всех четырех углах дома образовались ледяные горки) [25. С. 94];

— способность придавать чему-л. белый цвет: Кыыш къары аны акъ этип къояды, Жай сакъ жауун башы бла барады (Зимний снег окрашивает его в белый цвет, Летний ливень идет по крыше) [15. С. 509];

— способность стать преградой: — Я Аллах, муну аягы тутмазча, Сен бир буз тау а эт! — деп, кюзгюсюн атды, дейди. Эмеген, андан а ёталмайын а, къайтып кетди, дейди (Бросила свое зеркало, сказав: «Боже, преврати это в ледник!» И Эмеген не смог преодолеть эту преграду и вернулся) [25. С. 162]. Къая, къар юзюлгени да алай кёп тыйганды жолун Атланы, ёгюзлени да, Жолоучу ауара болуп

¹ Словарь русского языка С.И. Ожегова. М.: Сов. энц., 1973. (Прим. ред.)

(Обрушение скал и сход снежных лавин препятствовали пути Коней и волов, Приводя путешественника в недоумение) [15. С. 422];

— опасность/смерть: Къууа, сюре кетип, бузгъа урсала, аты, бугъасы да къуту-лалмагъанды (Если загоняли на лед, ни кони, ни быки не могли спастись).

Заключение

Концепт «къыш» (зима) является одним из значимых элементов в концептосфере карачаево-балкарской языковой картины мира. Проанализированный нами материал показал, что паремиология и фразеология, а также примеры из художественной литературы, репрезентирующие данный концепт, характеризуют специфику этнического мировоззрения и мировосприятия карачаево-балкарцев. В результате анализа средств концептуализации снега в карачаево-балкарском языке было установлено, что наиболее релевантными признаками его в языковом сознании представителей данного этноса являются интенсивность выпадения, динамика проявления, продолжительность выпадения, объем. Фактологический материал карачаево-балкарского языка свидетельствует о том, что атрибутами зимы являются бузлауукъ / бузкъаудан (гололед), чыран (ледник), бокъур буз / къысыр буз (очень твердый лед), элхуур / ахуюл (ледоход; полынья), бурдум / гауел (круговерть), гылан (вьюга, метель), борангъылан (сильная вьюга), желборан (метелица), къырпакъ (пороша), къырау (заморозки). Разновидности снега номинируются как жабалакъ (снег хлопьями, крупный снег), къырпакъ / ууакъ къар (пороша; мелкий снег), жумушакъ къар / къургъакъ къар (пушистый снег), ауур къар (тяжелый снег), къалын къар (густой снег), акъырын / тынч къар (тихий снег), жубу къар (мохнатый снег). Когнитивные признаки, характерные для снега и льда, сопряжены с их способностью обмануть, стать преградой, обжечь, сиять и др.

Список литературы

1. *Воркачев С.Г.* Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Краснодар, 2003. Т. 17. Вып. 2. С. 268–276.
2. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
3. *Полякова Н.В.* Метеорологическая лексика селькупского и русского языков в сопоставительном аспекте // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. 10 (175). С. 94–97.
4. *Мельникова Е.Г.* Парадигматические отношения в лексике: на материале наименований погоды в псковских говорах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.
5. *Балашова Е.Ю.* Концепты «любовь» и «ненависть» // Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 1.
6. *Пыхтеева А.А.* Наименования явлений природы в говорах Среднего Прииртышья: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
7. *Макушева О.А.* Метеорологическая лексика в орловских говорах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 1994.
8. *Васильев В.П.* Русская метеорологическая лексика Кузбасса (значение, таксономия, функционирование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1986.

9. Кузьмина Р.П. Концепт «зима» в языковой картине мира эвенов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2018. № 10 (88). Ч. 2. С. 305—308.
10. Ахматова М.А. Этнокультурная специфика концептуализации природных явлений в карачаево-балкарской языковой картине мира (на примере концептов «ветер» и «дождь») // *Российская тюркология*. 2020. № 1-2. С. 5—21.
11. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Т. 2. Нальчик: Эль—Фа, 2002.
12. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Т.3. Нальчик: Эль—Фа, 2005.
13. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “К”, “Қ”*. Вып. второй / отв. ред. Г.Ф. Благова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
14. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп.* М.: Наука, 2001.
15. *Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1934—1962*. Нальчик: Эльбрус, 2007.
16. *Мечиев К.Б. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 2. Стихотворения и поэмы*. Нальчик: Эльбрус, 1989.
17. *Этезов О.М. Къаяла унутмагъандыла*. Нальчик, 1958.
18. *Сагдеева Ф.К., Гайнанова Д.Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа*. Казань: ИЯЛИ, 2017.
19. *Карачаево-балкарский фольклор / сост. Хаджиева Т.М.* Нальчик: Эль—Фа. 1996.
20. *Шаманов И.М. Календарь и календарная обрядность: Карачаевцы и Балкарцы / отв.ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев*. М.: Наука, 2014.
21. *Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак*. Л.: Наука, 1969.
22. *Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3 т. Т. 1*. Нальчик: Издательский центр «Эль—Фа», 1996.
23. *Шахмурзаев С.О. Танг аласында*. Нальчик, 1965.
24. *Ketenchiev M.B., Dodueva A.T., Uzdenova F.T., Khubolov S.M. Names of months and national linguistic picture of world on material of Karachai-Balkarian folklore and literature // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values*. 2019. Vol. 6. № S7. Article Number: 13.
25. *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев*. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994.

References

1. Vorkachev, S.G. 2003. “Kul’turnyj koncept i znachenie”. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* 17 (2): 268—276. Print. (In Russ.).
2. Stepanov, Yu.S. 1997. *Konstanty. Slovar’ russkoj kul’tury. Opyt issledovaniya*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul’tury». Print. (In Russ.).
3. Polyakova, N.V. 2016. “Meteorologicheskaya leksika sel’kupskogo i russkogo yazykov v sopostavitel’nom aspekte”. *TSPU Bulletin* 10 (175): 94—97. Print. (In Russ.).
4. Mel’nikova, E.G. 2004. “Paradigmaticheskie otnosheniya v leksike: Na materiale naimenovanij pogody v pskovskih govorah”. *Candidate of Philological Sciences Thesis. Tver’*. Print. (In Russ.).
5. Balashova, E.Yu. 2005. “Koncepty «lyubov’» i «nenavist’»”. In *Antologiya konceptov*. Eds. V.I. Karasik, I.A. Sternin. Volgograd. Vol. 1. Pp. 150—174. Print. (In Russ.).
6. Pyhteeva, A.A. 1978. “Naimenovaniya yavlenij prirody v govorah Srednego Priirtysh’ya”. *Candidate of Philological Sciences Thesis. Leninhrad*. (In Russ.).
7. Makusheva, O.A. 1994. “Meteorologicheskaya leksika v orlovskih govorah”. *Candidate of Philological Sciences Thesis. Orel*. Print. (In Russ.).
8. Vasil’ev, V.P. 1986. “Russkaya meteorologicheskaya leksika Kuzbassa (znachenie, taksonomiya, funkcionirovanie)”. *Candidate of Philological Sciences Thesis. Tomsk*. Print. (In Russ.).

9. Kuz'mina, R.P. 2018. "Koncept «zima» v yazykovoј kartine mira evenov". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 10 (88): 305–308. Print. (In Russ.).
10. Ahmatova, M.A. 2020. "Etnokul'turnaya specifika konceptualizacii prirodnyh yavlenij v karachaevo-balkarskoј yazykovoј kartine mira (na primere konceptov "veter" i "dozhd")". *Rossijskaya tyurkologiya* 1-2: 5–21. Print. (In Russ.).
11. *Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka*. 2002. In 3 vol. Vol. 2. Nal'chik: Izdatel'skij centr «El'-Fa». Print. (In Karachay-Balkar).
12. *Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka*. 2005. In 3 vol. Vol. 3. Nal'chik: Izdatel'skij centr «El'-Fa». Print. (In Karachay-Balkar).
13. *Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "K", "K,"* 1997. Issue 2. Edited by G.F. Blagova. Moscow: «Yazyki russkoј kul'tury». Print. (In Russ.).
14. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika*. Moscow: Nauka, 2001. Print. (In Russ.).
15. Kuliev, K.SH. 2007. *Sobranie sochinenij*: in 6 vol. Vol. 1. *Stihotvoreniya. 1934–1962*. Nal'chik: El'brus. Print. (In Karachay-Balkar).
16. Mechiev, K.B. 1989. *Sobranie sochinenij*: in 2 vol. Vol. 2. *Stihotvoreniya i poemy*. Nal'chik: El'brus. Print. (In Karachay-Balkar).
17. Etezov, O.M. 1958. *K"ayala unutmag"andyala*. Nal'chik. Print. (In Karachay-Balkar).
18. Sagdeeva, F.K., and D.R. Gajnanova. 2017. *Tatarskij koncept kak ob"ekt lingvokul'turologicheskogo analiza*. Kazan': IYALI. Print. (In Russ.).
19. *Karachaevo-balkarskij fol'klor*. 1996. Ed. by Hadzhieva T.M. Nal'chik: Izdatel'skij centr «El'-Fa». Print. (In Karachay-Balkar).
20. Shamanov, I.M. 2014. "Kalendar' i kalendarnaya obryadnost". In *Karachaevcy i Balkarcy*. Eds. Karaketov, H.-M.A. Sabanchiev. Moscow: Nauka: 453–474. Print. (In Russ.).
21. *Drevnetyurkskij slovar'*. 1969. Eds. V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. Leningrad: Nauka. Print. (In Russ.).
22. *Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka*. 1996. In 3 vol. Vol. 1. Nal'chik: Izdatel'skij centr «El'-Fa». Print. (In Karachay-Balkar).
23. Shahmurzaev, S.O. 1965. *Tang alasynda*. Nal'chik. Print. (In Karachay-Balkar).
24. Ketenchiev, M.B., A.T. Dodueva, Uzdanova, F.T., and S.M. Khubolov. 2019. "Names of months and national linguistic picture of world on material of Karachai-Balkarian folklore and literature". *Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values* 6 (7). Article Number: 13. Print.
25. Narty. *Geroicheskij epos balkarcev i karachaevcев*. 1994. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura». Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Ахматова Мария Ахматовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-0507-395X

Додуева Аминат Таубиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. E-mail: daminat57@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8279-9618

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович — доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. E-mail: ketenchiev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1656-8368

Bio Notes:

Mariyam A. Akhmatova is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Department of Karachay-Balkar Philology of Kabardino-Balkar State University. E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0507-395X

Aminat T. Dodueva is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Karachay-Balkar Philology of Kabardino-Balkar State University. E-mail: daminat57@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8279-9618

Mussa B. Ketenchiev is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Karachay-Balkar Philology of Kabardino-Balkar State University. E-mail: ketenchiev@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1656-8368

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-165-175

Научная статья

Русская классика в транскультурном каноне США

Е.М. Бутенина

Дальневосточный федеральный университет
Приморский край, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Аннотация. Проблема канона — избранной части классики, наиболее широко изучаемой и преподаваемой в учебных заведениях, — относится к важнейшим в системе мировой литературы. В статье кратко рассматривается становление литературного канона США с середины XIX века и более подробно — формирование русского сегмента в транскультурном варианте канона с конца XX века.

В истории формирования национального канона США выделяются институциональная, или социологическая, модель (Джонатан Каллер, Стенли Фиш, Пол Лаутер), согласно которой социальные институты реагируют на идеологические запросы, и модель эстетическая, воплощенная шекспироцентричным «Западным канонам» Гарольда Блума. Актуальный подход к канону предполагает учитывание обеих моделей, а также восприятие канона как памяти культуры.

Важнейшим средством документирования канона являются учебные антологии. На их материале в американской литературе XX века исследователи выделяют три фазы, сформированные ведущими литературно-критическими тенденциями: историографической (1919—1946), новокритической (1947—1967) и мультикультурной (1967 — настоящее время).

На основе анализа Нортонской и Лонгмановской антологий, а также популярного учебника-хрестоматии «Бедфордское введение в литературу» с конца XX века по настоящее время в статье выделяется ядро русского сегмента в транскультурном каноне США, послужившее объектом художественной реинтерпретации в современной литературе США. Естественным продолжением представленного в работе исследования станет изучение канона русской литературы в специализированных изданиях для выявления целостной картины русско-американского культурного трансфера.

Ключевые слова: канон, русская классика, литература США, культурный трансфер

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.12.2020

Дата принятия к печати: 14.02.2021

Модератор: О.А. Валикова

© Бутенина Е.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Бутенина Е.М. Русская классика в транскультурном каноне США // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 165—175. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-165-175

Research Article

Russian Classics in the USA Transcultural Canon

Е.М. Butenina

Far Eastern Federal University
10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation

Abstract. The issue of the canon (the most studied and taught classics) is one of the most important in the world literature system. The paper briefly outlines the formation of the USA literary canon since the middle of the 19th century and details the formation of the Russian segment in the transcultural canon since the late 20th century.

In the history of the USA canon formation, the institutional or sociological model (Jonathan Culler, Stanley Fish, Paul Lauter), which argues that social institutions respond to ideological demands, and the aesthetic model embodied by Harold Bloom's Shakespeare-centered "Western Canon" stand out. An up-to-date approach to the canon assumes taking both models into account, as well as the perception of the canon as cultural memory. Anthologies are most important sources of documenting the canon. For the 20th century American literature researchers distinguish three phases formed by the leading literary trends: historiographic (1919—1946), new critical (1947—1967) and multicultural (1967—present). Based on the analysis of *Norton* and *Longman* anthologies, as well as a popular textbook *The Bedford Introduction to Literature* since the late 20th century to the present, the paper highlights the Russian core in the USA transcultural canon, which became the source of creative reinterpretation in contemporary literature. The present research is to be continued through the study of the Russian literature canon in specialized editions to outline a comprehensive history of the Russian-American cultural transfer.

Key words: canon, Russian classics, USA literature, cultural transfer

Article history:

Received: 05.12.2020

Accepted: 14.02.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Butenina, E.M.. 2021. "Russian Classics in the USA Transcultural Canon". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 165—175. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-165-175

Введение

Проблема канона — избранной части классики, наиболее широко изучаемой и преподаваемой в учебных заведениях, — относится к важнейшим в системе мировой литературы. С тех пор как в конце XVIII века немецкие романтики ввели идею о национальной литературе как формирующей ценностной основе нации-государства (до этого основу европейского гуманитарного образования составляла античная классика), в гуманитарных науках ведутся дискуссии о принципах формирования национального канона. В статье кратко рассматривается становление литературного канона США с середины XIX века и более подробно — формирование русского сегмента в транскультурном варианте канона с конца XX века на материале антологий, учебных и справочных изданий.

Становление национального литературного канона США

В англоязычном литературоведении давно отмечена важная роль образовательных учреждений в создании и поддержании статуса литературных произведений: в Великобритании об этом писал еще Мэтью Арнольд в программном эссе «Литературное влияние академий» (“*The Literary Influence of Academies*”, 1864), в США — гарвардский профессор Ирвинг Бэббит в книге «Литература и американский колледж» (“*Literature and the American College*”, 1908), критик и преподаватель Колумбийского университета Лайонел Триллинг в эссе «О преподавании современной литературы» (“*On the Teaching of Modern Literature*”, 1966). В то же время до середины XX века некоторые исследователи и писатели подчеркивали, что национальная классика является естественным выражением национального характера [1—4]: как заметил Олдос Хаксли, «нации во многом изобретались поэтами и романистами» [3. Р. 50].

Работы конца XX века вновь обращают внимание на конструирование национальной идеи и, соответственно, национального литературного пантеона под воздействием социальных, экономических, политических и культурных факторов. Знаковыми метафорами для изучения формирования наций стали названия основополагающих исследований в этой области: «Воображаемые сообщества» Бена Андерсона (1983) и «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума (1983) [5—10].

Конструктивистский подход отличает также многие современные исследования по истории создания национальных канонов и их преподавания в высших учебных заведениях. На материале английской литературы можно отметить движение вглубь истории для установления момента начала формирования канона: в работе 1988 года оно датируется второй половиной XVIII века (поскольку с 1748 года Адам Смит начал читать первые университетские курсы по литературе в Эдинбургском университете, а в 1774 году был издан закон об авторском праве), а в работе 1992 года — концом XVII века [11; 12]. Изучение подобных работ позволяет приблизиться к диахроническому пониманию важности роли университетов, издательского бизнеса и статусных лиц в конструировании национального пантеона.

В США идея о необходимости существования национального канона практически совпадает с моментом легитимации писательского права интеллектуальной собственности в Англии и появляется одновременно с формированием новой нации, остро ощущающей потребность подчеркнуть отличие американской культурной идентичности от английской. Основы, утвердившие индивидуализм как воплощение национального духа, были заложены в американский канон к середине XIX века, когда были опубликованы эссе Эмерсона «Доверие к себе» (1841), а также романы Купера, «Алая буква» Готорна (1850) и «Моби Дик» Мелвилла (1851)¹. С конца XIX века отдельные произведения американских писателей преподаются в колледжах и университетах, первый учебник по американской литературе в 1896 году создал Д. С. Харт, однако программы по литературе формируются только в XX веке. Примечательно, что первые курсы по литературе США включали Ирвинга, Купера, Эмерсона, Готорна, Лонгфеллоу, Уиттьера, По, Холмса, «иногда Торо или миссис Стоу, но не Уитмена или Мелвилла» [14. P. 245; 15].

Первая половина XX века отличается относительной стабильностью в американском каноне, однако после Второй мировой войны благодаря усилиям последователей школы «новой критики» статус классиков приобрели Фицджеральд, Хемингуэй, Фолкнер. В этот период в англоязычных литературоведческих исследованиях доминирующее положение постепенно занимает институциональная, или социологическая, модель канонобразования (Джонатан Каллер, Стенли Фиш, Пол Лаутер). Важнейшей работой в этом направлении стала книга последователя Бурдые Джона Гиллори «Культурный капитал: проблема формирования литературного канона» (1993), где доказывается, что канон формируется под воздействием идеологических запросов, а школы как социальные институты реагируют на эти запросы [16]. Институциональной модели противостоит модель эстетическая, воплощенная шекспироцентричным «Западным каноном» Гарольда Блума (1994).

Нельзя исключать эстетику творчества и сводить писательскую работу к «сенсационному дизайну» [17], нужно учитывать обе составляющие [18; 19]. В российском литературоведении такой подход отражается в актуализации метафоры канона как памяти культуры: «Если понимать каноничность как меру исторически длящейся воспроизводимости, то канон действительно, буквально, оказывается мнемотехнической системой... и человек, и национальная культура не отбирают, выбирают, включают и исключают, а запоминают» [20. С. 68—69; 19; 21]. Авторы коллективной монографии о поэтическом школьном каноне России пытаются определить мнемонический («меморативный», «припоминаемый») пантеон в сознании русских читателей начала XXI века как фрагмент национальной коллективной памяти [22].

¹ Интересно, что сопоставительное исследование о выражении американского и канадского характеров в национальных литературах обнаруживает в Канаде, несмотря на ее сходство с историческим опытом США, значительно больший акцент на ценности семьи и совместных усилиях в достижении цели [13].

Обсуждение

Формирование транскультурного канона в США

«Канонические войны» 1980—1990 годов сформировали новую научную дисциплину — теорию канона (Canon Theory) — и подвергли пантеон «мертвых белых мужчин» невиданной «ревизии» [23. С. 6]. Благодаря усилиям противников старого канона в университетские курсы по литературе вошли тексты представителей многих групп, прежде лишенных голоса из-за социальной, гендерной и этнокультурной дискриминации. Стало очевидно, что канон — не монолитная целостность. Широкое распространение получила классификация шотландского жанроведа Аластера Фаулера, выделившего официальный и индивидуальный, потенциальный (все письменные и устные тексты) и доступный каноны, из которых формируется селективный канон, в том числе педагогический [18. Р. 97—99].

Историю диахронических и временных канонов можно проследить на материале учебных антологий — важнейшего средства документирования канона. В США первым эмпирическим исследованием такого рода стала монография Джозефа Ксиксилы «Каноны по соглашению. Критические тенденции и антологии американской литературы» (2004). Анализируя несколько десятков университетских антологий, изданных с 1919 по 1999 год, Ксиксила заключает, что три фазы в каноне американской литературы XX века сформированы ведущими литературно-критическими тенденциями: историографической (1919—1946), новокритической (1947—1967) и мультикультурной (1967 — настоящее время) [24. Р. 37—38].

«Хитовская антология» (“The Heath Anthology of American Literature”), с 1990 года переизданная несколько раз, — яркий пример мультикультурного подхода в преподавании американской литературы, поскольку в ней представлены авторы практически всех этнических традиций США. В работе «Каноны и контексты» (1991) главный редактор антологии Пол Лаутер анализирует сложный процесс преодоления консервативных принципов в системе гуманитарного образования и объясняет свой подход к проблеме критики канона (canonical criticism): необходимо формировать компаративную дисциплину «Литературы Америки», что позволит оценить «англо-европейские мужские голоса... в хоре американской культуры» [25. Р. 51].

На ранней стадии формирования транскультурного канона США заметно лишь постепенное добавление в него литератур стран Западной Европы. Однако к началу 1990-х годов в новый американский канон все более явно включается и русская литература, что особенно наглядно можно увидеть на примере фундаментальных (в среднем около двух тысяч страниц) и наиболее авторитетных в США Нортонской и Лонгмановской антологий (о мультикультурной идеологии редакторов «Нортонской антологии» при выборе текстов современных американских авторов [26]).

В расширенное издание «Нортонской антологии мировых шедевров» включены «Пиковая дама», «Записки из подполья», «Смерть Ивана Ильича» и «Вишневый сад» [27]. За исключением «Пиковой дамы», те же произведения появляются и в многотомной «Нортонской антологии мировой литературы», четвертое

издание которой вышло в 2018 году [28]. В «Нортонской антологии западной литературы» к ним вновь добавляется «Пиковая дама», а также «Шинель» и «Дама с собачкой» [29]. Наконец, в антологии «Нортонское введение в литературу» русская классика представлена только «Дамой с собачкой» (в разделе «Место действия») и «Вишневым садом» (в разделе «Драма») [30].

Такой же выбор сделан и в известном в США учебнике-хрестоматии «Бедфордское введение в литературу», с 1990 года выдержавшем одиннадцать переизданий с незначительными изменениями [31]. Бессменный составитель этого издания Майкл Мейер ставит своей задачей представить «альбом мировой литературы», современной и классической, в комплексе межкультурных интертекстуальных связей. Поэтому за чеховской «Дамой с собачкой» следует одноименная модернизация Дж. К. Оутс, написанная с женской точки зрения. Кроме того, русская классика присутствует в антологии опосредованно, в лице Татьяны Толстой, «правнучатой племянницы Льва Толстого» [32. Р. 522]. Этот медиаторский принцип (в котором важна роль культурного посредника) в отборе текстов встречается и в хрестоматии по XX веку, «Один мир литературы», где Толстая представлена не только как «дальняя родственница Льва Толстого» и «внучка значительного романиста Алексея Толстого», но и как приглашенный преподаватель русской литературы в американских университетах [33. Р. 662]¹.

В «Лонгмановскую антологию мировой литературы» под общей редакцией Дэвида Дэмроша, одного из ведущих специалистов по исследованию системы мировой литературы, включены те же произведения Достоевского, Гоголя и Чехова, что и в «Нортонских антологиях», — «Записки из подполья», «Шинель» и «Дама с собачкой», — но сделан выбор в пользу других текстов Пушкина («Медный всадник», «Вновь я посетил...», «Осень» и отрывок из «Евгения Онегина», а не «Пиковая дама») и Толстого («После бала», а не «Смерть Ивана Ильича») [34]. В «компактной», однотомной, версии сохранены «Медный всадник», «Записки из подполья» (за которыми следуют отрывки из книг Ницше в рубрике «Резонанс») и «Дама с собачкой», текст Толстого заменен на «Смерть Ивана Ильича», а «Шинель» исключена [35].

К началу нынешнего века все более системный характер приобретают и справочные издания по мировой литературе. В их числе — «Хронология мировой литературы» Джорджа Т. Куриана (2003), составителя многих энциклопедий. Как поясняет автор, его книга включает канон с VII века до н.э. до конца XX века, но не ограничивается им. XIX век выделяется особо как период, когда «впервые такие страны, как США и Россия, начали вносить вклад в литературный канон, и стала формироваться глобальная литературная деревня» [36. Р. 89]. Как и многие другие исследователи, в числе основных причин формирования канона мировой литературы Куриан называет повышение уровня грамотности, развитие художественного перевода и удешевление печатного производства. Краткие сведения о ведущих писателях даются в порядке их значимости, определяемой автором по

¹ Данная хрестоматия литературы «со всех населенных континентов» — пример удачного подхода к изучению текстов как по национальному, так и по тематическому принципу (с выделением различных жанров внутри разделов).

«влиянию на последующие поколения и количеству переводов произведений на другие языки»; если сосредоточиться на прозаиках и авторах, совмещавших разные жанры, то для XIX века этот ряд выглядит так: Достоевский, Диккенс, Толстой, Пушкин, Бальзак, Генри Джеймс, Гоголь, Джейн Остин, По, Флобер, Чехов, Марк Твен, Вальтер Скотт [36. Р. 90—92]. Последнее место среди русских писателей, отведенное в этом «рейтинге» Чехову, противоречит его включению во все антологии по мировой литературе, описанные выше: нередко именно Чехов, а не Достоевский и Толстой, является единственным классиком, репрезентирующим русскую литературу.

В качестве примера еще более широкого охвата авторов можно привести двухтомный Справочник по мировой литературе (2003), впервые изданный в 1984 году под названием «Великие иностранные писатели» и переиздававшийся в 1995 году. Поскольку издание задумано как дополнение к аналогичному справочнику по американской и британской литературам, то их оно не включает, что позволяет полнее представить литературы других стран от античности до современности. В частности, этот справочник — достаточно редкий пример англоязычного издания, где можно найти информацию о Грибоедове, Лермонтове, Гончарове и русских прозаиках XX века. К числу достоинств книги можно также отнести алфавитные и хронологические указатели всех рассматриваемых писателей и произведений (в каждом списке свыше пятисот позиций) и авторские словарные статьи с подробной библиографией переводов и литературоведческих работ. К числу недостатков — отсутствие разделения материала на национальные традиции, как это было сделано, например, в упоминавшейся выше антологии «Один мир литературы». Если воспользоваться американской социокультурной метафорой, то в данном случае наблюдается движение вспять: от модели «лоскутного одеяла», где можно выделить отдельные составляющие, к модели «плавильного тигля».

Однако даже если англоязычный читатель начнет знакомство с русской классикой, следуя алфавитному принципу данного Справочника (что создает обратный хронологический порядок), внутри словарных статей он может получить ценные ориентиры: Чехов — «ведущий мастер рассказа и драмы в русской литературе эпохи модерна, где доминируют поэзия и роман», Достоевский «возвышается над постгоголевским “гражданским реализмом”», «вклад Гоголя в удивительный ренессанс русской литературы XIX века превзойден только Пушкиным» [37. Р. 230; 284; 394]. Статьи об авторе отсылают ко второму тому, где дается более подробная информация о произведениях: следуя английскому алфавиту, для Чехова — это все знаменитые пьесы и «Дама с собачкой», для Гоголя — «Ревизор», «Записки сумасшедшего» и «Мертвые души», для Достоевского — «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Идиот» и «Записки из подполья», для Пушкина — «Медный всадник» и «Евгений Онегин», для Толстого — «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната» и «Война и мир». Главное отличие этого ряда от традиционного русского канона заключается, пожалуй, в отсутствии петербургских повестей Гоголя и лирики Пушкина.

Помимо описанного Справочника по мировой литературе в издательстве «Гейл», специализирующемся на издании учебных книг, вышла и чрезвычайно

полезная Контекстуальная энциклопедия мировой литературы (2009). Для понимания места русской классики в мировом литературном процессе важны подобные комментарии авторов справочных статей: «Среди европейских писателей XIX века Федор Достоевский — ведущий романист модерности»; «создатель современного рассказа» Гоголь — писатель, которого еще предстоит постичь (при этом приводятся слова английской романистки А.С. Байетт, сравнивающей Гоголя с Диккенсом за дар оживлять воображаемое); в «Евгении Онегине» Пушкин создал особую поэтическую форму, получившую название «пушкинский сонет»; романы Толстого остаются в числе лучших образцов этого жанра [38. Р. 490, 705—707, 1263, 1551]. Данную энциклопедию отличает выраженная учебная направленность: после каждой статьи даются вопросы и задания, предлагающие студентам соотнести классику и современность. Так, влияние толстовской философии предлагается найти в работах Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, а описание крепостных у Тургенева сопоставить с изображением рабства у афроамериканских писателей [38. Р. 1552, 1583].

Заключение

Проведенный обзор антологий и учебно-справочных изданий демонстрирует продуктивность транскультурного подхода к канону, поскольку он позволяет выявлять закономерности и проводить параллели в развитии мировой литературы. Однако при использовании этого подхода следует учитывать и жанровую, и тематическую составляющую, чтобы не создавать таких курьезных соположений, как в антологии «А сейчас — читайте: Курс по мультикультурному чтению» (1999), где фрагмент из «Макбета» расположен рядом с отрывком из комической пьесы Чехова «Медведь» для демонстрации «разнообразия драматургических приемов» [39. Р. 25—27].

На основе анализа Нортонской и Лонгмановской антологий, а также популярного учебника-хрестоматии «Бедфордское введение в литературу» с конца XX века по настоящее время удалось выявить ядро русского сегмента в транскультурном каноне США: это «Медный всадник» (реже «Пиковая дама» и «Евгений Онегин»), «Шинель», «Записки из подполья», «Смерть Ивана Ильича», «Дама с собачкой» и «Вишневый сад». Можно сказать, что в этом ядре доминирует петербургская тема, сопряженная с экзистенциальной. Вполне закономерно, что некоторые из перечисленных текстов стали объектами художественной реинтерпретации: в последние десятилетия в литературе США появился роман в стихах «Золотые ворота», написанный онегинской строфой, по крайней мере три рассказа-вариации «Дамы с собачкой» и три вариации гоголевских повестей «Шинель», «Нос» и «Портрет» [40; 41].

Список литературы

1. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. London: Verso, 1983. 224 p.
2. *Goldmann L.* The Hidden God: A Study of Tragic Vision in the Pensées of Pascal and the Tragedies of Racine. London: Routledge and Kegan Paul, 1964.

3. *Huxley A.* Texts and Pretexts. London: Chatto & Windus, 1959.
4. *Leavis F.R.* The Great Tradition: George Eliot, Henry James, Joseph Conrad. New York: G.W. Stewart, 1948.
5. *Benedict B.M.* Making the Modern Reader: Cultural Mediation in Early Modern Literary Anthologies. Princeton, N.J: Princeton University Press, 1996.
6. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Rangers. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
7. *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany / R. Brubaker. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
8. *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
9. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983.
10. *Wolff J.* The Social Production of Art / J. Wolff. New York: New York University Press, 1981.
11. *Douglas L.P.* The Eighteenth Century Invents the Canon // Modern Language Studies. 1988. № 18. P. 17–37.
12. *Court F.E.* Institutionalizing English Literature: The Culture and Politics of Literary Study, 1750–1900. Stanford: Stanford University Press, 1992.
13. *Corse S.M.* Nationalism and Literature. The Politics of Culture in Canada and the United States. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997.
14. *Hubbell J.B.* Who Are the Major American Writers? A Study of the Changing Literary Canon. Durham, NC: Duke University Press, 1972.
15. *Lauter P.* A Small Survey of Introductory Courses in American Literature // Women's Studies Quarterly. 1981. P. 9–12.
16. *Guillory J.* Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
17. *Tompkins J.* Sensational Designs: The Cultural Work of American Fiction 1790–1860. New York: Oxford University Press, 1985.
18. *Fowler A.* Genre and the Literary Canon // New Literary History. 1979. Vol. 11. No. 1. P. 97–99.
19. *Golding A.* From Outlaw to Classic: Canons in American Poetry. Madison: Wisconsin University Press, 1995.
20. *Гронас М.* Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–69.
21. Ценности, каноны, цены: текст как средство межкультурного обмена: материалы VII Фулбрайтской гуманитарной летней школы / ред. Т.Д. Венедиктова. М.: Издательство МГУ, 2005.
22. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии / ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту: University of Tartu Press, 2013.
23. *Гронас М.* Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х — 90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 6–18.
24. *Csicsila J.* Canons by Consensus. Critical Trends and American Literature Anthologies. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 2004.
25. *Lauter P.* Canons and Contexts. New York: Oxford University Press, 1991.
26. *Делазари И.А.* Онтология антологии: современная американская проза по версии издательства “NORTON” // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 265–286.
27. The Norton Anthology of World Masterpieces: Expanded Edition in One Volume / Ed. M. Mack. New York: Norton, 1997.
28. The Norton Anthology of World Literature. Vol. E. / M. Puchner et al. New York: Norton, 2018.
29. The Norton Anthology of Western Literature. Vol. 2. / M. Puchner et al. New York: Norton, 2014.
30. The Norton Introduction to Literature / K.J. Mays. New York: Norton, 2016.
31. The Bedford Introduction to Literature / M. Meyer. Boston: Bedford Books of St. Martin's Press, 2016.
32. The Bedford Introduction to Literature / M. Meyer. Boston: Bedford Books of St. Martin's Press, 1993.

33. *One World of Literature* / S.G. Lim, N.A. Spencer. Boston: Houghton Mifflin, 1993.
34. *The Longman Anthology of World Literature. Vol. E: The Nineteenth Century* / D. Damrosch. London: Pearson Longman, 2004.
35. *Longman Anthology of World Literature: The Compact Edition* / D. Damrosch. London: Pearson Longman, 2007.
36. Kurian G.T. *Timetables of World Literature*. New York: Facts on File, 2003.
37. *Reference Guide to World Literature* / S. Pendergast, T. Pendergast. Detroit: St. James Press (Gale Group, Inc.), 2003. Vol. 1. Authors.
38. *Gale Contextual Encyclopedia of World Literature* / A. M. Hacht, D. D. Hayes. (eds). Detroit: Gale Cengage Learning. 2009.
39. *Now Read On: A Course in Multicultural Reading* / J. McRae, M.E. Vethamani. London; New York: Routledge, 1999.
40. Бутенина Е.М. Три американские вариации «Дамы с собачкой» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1. С. 100—104.
41. Бутенина Е.М. «Чужое слово проступает...»: рецепция русской классики в прозе США второй половины XX — начала XXI века. М.: ФЛИНТА, 2018.

References

1. Anderson, B. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso. Print.
2. Goldmann, L. 1964. *The Hidden God: A Study of Tragic Vision in the Pensées of Pascal and the Tragedies of Racine*. London: Routledge and Kegan Paul. Print.
3. Huxley, A. 1959. *Texts and Pretexts*. London: Chatto & Windus. Print.
4. Leavis, F.R. 1948. *The Great Tradition: George Eliot, Henry James, Joseph Conrad*. New York: G.W. Stewart. Print.
5. Benedict, B.M. 1996. *Making the Modern Reader: Cultural Mediation in Early Modern Literary Anthologies*. Princeton, N.J: Princeton University Press. Print.
6. *The Invention of Tradition*. 1983. Eds. E. Hobsbawm, T. Rangers. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
7. Brubaker, R. 1992. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Print.
8. Hobsbawm, E. 1990. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
9. Gellner, E. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell. Print.
10. Wolff, J. 1981. *The Social Production of Art*. New York: New York University Press. Print.
11. Douglas, L.P. 1988. "The Eighteenth Century Invents the Canon". *Modern Language Studies* 18: 17—37. Print.
12. Court, F.E. 1992. *Institutionalizing English Literature: The Culture and Politics of Literary Study, 1750—1900*. Stanford: Stanford University Press. Print.
13. Corse, S.M. 1997. *Nationalism and Literature. The Politics of Culture in Canada and the United States*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. Print.
14. Hubbell, J.B. 1972. *Who Are the Major American Writers? A Study of the Changing Literary Canon*. Durham, NC: Duke University Press. Print.
15. Lauter, P.A. 1981. "Small Survey of Introductory Courses in American Literature". *Women's Studies Quarterly* 1981: 9—12. Print.
16. Guillory, J. 1993. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago: University of Chicago Press. Print.
17. Tompkins, J. 1985. *Sensational Designs: The Cultural Work of American Fiction 1790—1860*. New York: Oxford University Press. Print.
18. Fowler, A. 1979. "Genre and the Literary Canon". *New Literary History* 11(1): 97—99. Print.
19. Golding, A. 1995. *From Outlaw to Classic: Canons in American Poetry*. Madison: Wisconsin University Press. Print.

20. Gronas, M. 2001. “Bezmyannoe uznavaemoe, ili kanon pod mikroskopom”. *Novoe literaturnoe obozrenie* 51: 68–69. Print.
21. Tsennosti, kanony, tseny: Tekst kak sredstvo mezhkul’turnogo obmena. 2005. VII Fulbraitovsk humanitarian summer school Proceedings. Ed. by T.D. Venediktova. Moscow: Izdatel’stvo MGU. Print. (In Russ.)
22. Khrestomatiinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon. 2013. *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii*. Ed. by A. Vdovin, R. Leibov. Tartu: University of Tartu Press. Print. (In Russ.)
23. Gronas, M. 2001. “Dissensus. Voina za kanon v amerikanskoi akademii 80-kh — 90-kh godov”. *Novoe literaturnoe obozrenie* 51: 6–18. Print. (In Russ.)
24. Csicsila, J. 2004. *Canons by Consensus. Critical Trends and American Literature Anthologies*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press. Print.
25. Lauter, P. 1991. *Canons and Contexts*. New York: Oxford University Press. Print.
26. Delazari, I.A. 2016. “Ontologiya antologii: sovremennaya amerikanskaya proza po versii izdatel’stva «NORTON»”. *Literatura dvukh Amerik* 1: 265–286. Print. (In Russ.)
27. *The Norton Anthology of World Masterpieces: Expanded Edition in One Volume*. 1997. Ed. by M. Mack. New York: Norton. Print.
28. *The Norton Anthology of World Literature*. 2018. Vol. E. Ed. by M. Puchner et al. New York: Norton. Print.
29. *The Norton Anthology of Western Literature*. Vol. 2. / M. Puchner et al. New York: Norton, 2014. 2816 r.
30. *The Norton Introduction to Literature*. 2016. Ed. by K.J. Mays. New York: Norton. Print.
31. *The Bedford Introduction to Literature*. 2016. Ed. by M. Meyer. Boston: Bedford Books of St. Martin’s Press. Print.
32. *The Bedford Introduction to Literature*. 1993. Ed. by M. Meyer. Boston: Bedford Books of St. Martin’s Press. Print.
33. *One World of Literature*. 1993. Eds. S.G. Lim, N.A. Spencer. Boston: Houghton Mifflin. Print.
34. *The Longman Anthology of World Literature*. 2004. Vol. E: The Nineteenth Century. Ed. by D. Damrosch. London: Pearson Longman. Print.
35. *Longman Anthology of World Literature: The Compact Edition*. 2007. Ed. by D. Damrosch. London: Pearson Longman. Print.
36. Kurian, G.T. 2003. *Timetables of World Literature*. New York: Facts on File. Print.
37. *Reference Guide to World Literature*. 2003. Vol. 1. Eds. S. Pendergast, T. Pendergast. Detroit: St. James Press (Gale Group, Inc.). Print.
38. *Gale Contextual Encyclopedia of World Literature*. 2009. Eds. A.M. Hacht, D.D. Hayes. Detroit: Gale Cengage Learning. Print.
39. *Now Read On: A Course in Multicultural Reading*. 1999. Eds. J. McRae, M.E. Vethamani. London; New York: Routledge. Print.
40. Butenina, E.M. 2015. “Tri amerikanskie variatsii «Damy s sobachkoi»”. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke* 1: 100–104. Print. (In Russ.)
41. Butenina, E.M. 2018. «Chuzhoe slovo prostupaet...»: Retseptsiya russkoi klassiki v proze SShA vtoroi poloviny KhKh — nachala KhXI veka. Moscow: FLINTA. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бутенина Евгения Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета. E-mail: butenina.em@dvf.ru

Bio Note:

Evgeniya M. Butenina is Doctor of Science, Professor, Linguistics and Intercultural Communication Department, Far Eastern Federal University. E-mail: butenina.em@dvf.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184

Научная статья

**«Образ мира, в слове явленный...»
(на материале творчества поэта-билингва
Бахыта Каирбекова)**

В.А. Маслова

Витебский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
Международный университет «МИТСО»
Республика Беларусь, 210010, Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А

Аннотация. Цель данной статьи — показать, что образ мира поэта-казаха, репрезентированный русским языком, отличается как от русского образа мира, так и от казахского, т.е. чужой язык способен трансформировать национальный образ мира. На материале творчества казахского поэта, переводчика Бахыта Каирбекова показана возможность формирования транснационального сознания через общечеловеческие и национальные образы. Его поэзия — это образное понимание мира. Обращение к его творчеству обусловлено не только его незаурядным талантом, но и тем, что нам почти неизвестно, каков современный казах, каков мир его древней родины. Это было достигнуто с помощью метода лингвокультурологической интерпретации, с помощью которого, во-первых, выявлялось несоответствие образов казахской и русской этнокультур, а во-вторых, фиксировалась трансформация национального образа мира.

Все основные проблемы, поднимаемые в поэзии Бахыта Каирбекова, рисуют образы казахской культуры, родина для него стала одним из главных аккордов творчества, но в его творчестве почти нет прямых номинаций (отечество, страна и др.), родина предстает через сопряженные образы коня, степи, приволья, рек, воды, гор, неба, звезд и т.д. Поэтический образ у него не есть фотографическая копия реального мира казаха (степь, горы и т.д.), в нем присутствует отношение изображаемого к эстетическим, нравственным и интеллектуальным ценностям своего народа.

Ключевые слова: поэтика, образ мира, миропостижение, мировосприятие, архетипы, онтология языка

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.12.2020

Дата принятия к печати: 14.03.2021

Модератор: О.А. Валикова

© Маслова В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Маслова В.А. «Образ мира, в слове явленный...» (на материале творчества поэта-билингва Бахыта Каирбекова) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 176–184. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184

Research Article

“The Image of the World in the Word Appeared...” (Based on the Creative Work of the Bilingual Poet Bakhyt Kairbekov)

V.A. Maslova

Vitebsk Branch of the Federation’s of Trade Unions Educational Institution of Belarus
International University «MITSO»
8A, M. Shagall str., Vitebsk, 210010, Belarus

Abstract. The purpose of this article is to show that the image of the world of the Kazakh poet, represented by the Russian language, differs both from the Russian image of the world and from the Kazakh, i.e. a foreign language is capable to transform the national image of the world. On the basis of the creative work of the Kazakh poet, translator Bakhyt Kairbekov, the possibility of forming a transnational consciousness through universal and national images is shown. The appeal to his work is due not only to his outstanding talent, but also to the fact that we almost do not know what a modern Kazakh is like, what the world of his ancient homeland is like, nevertheless we live side by side. It was achieved using the method of lingua-cultural interpretation, with the help of which, firstly, the discrepancy between the images of the Kazakh and Russian ethno cultures was revealed, and, secondly, the transformation of the national image of the world was recorded. All the main problems raised in the poetry of Bakhyt Kairbekov draw images of Kazakh culture, the Motherland for him has become one of the main chords of creativity, but in his work there are almost no direct nominations (fatherland, country, etc.), the homeland appears through conjugated images of a horse, heath, freedom, rivers, water, mountains, sky, stars, etc. His poetic image is not a photographic copy of the real world of a Kazakh (heath, mountains, etc.), it contains the attitude of the depicted person to the aesthetic, moral and intellectual values of his people.

Key words: poetics, the image of the world, transcendental, world-perception, archetypes, ontology of language

Article history:

Received: 03.12.2020

Accepted: 14.03.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Maslova, V.A. 2021. "The Image of the World in the Word Appeared ..." (Based on the Creative Work of the Bilingual Poet Bakhyt Kairbekov)". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 176—184. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184

Введение

На сегодняшний день отсутствует непротиворечивая теория поэтики, что на первый взгляд кажется странным: интерес к ней начинается еще в античности (Аристотель). Теория не складывается, вероятно, потому, что поэзия сложна и полна глубинными смыслами, которые трудноуловимы и трудноисчислимы.

Но теория поэзии важна и нужна, так как поэзия — одна из важнейших форм существования культуры, она взаимодействует с музыкой, живописью, философией, религией, психологией и др. А. Эйнштейн утверждал, что даже в научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии. Поэтому осмысление поэзии, попытка проникнуть в тайну ее воздействия — актуально не только для поэтики, но и для лингвистики в целом, теории культуры, философии и других областей знания. Знание законов и особенностей поэтического языка поможет вскрыть некаузальные отношения в мире, которые мало исследованы, но именно они помогают понять иные законы бытия.

Поэзия — это образное видение мира. Образ — это специфическая трансформация знаковой материи в смысловую, это преобразованный в искусстве фрагмент действительности. С помощью языковых знаков автор создает многомерные художественные миры, образы. По мнению Г.О. Винокура, всякому художественному слову свойственна «неизбежная образность каждого слова» [1]. Объединяясь между собой, такие слова создают голограмму мира, которую поэт учит нас видеть и понимать. Покажем это на примере: *Пламя плавно танцует в камине, / Что-то пламенное говорит* (Б. Беззубов). Образ танцующего пламени усиливается наречием *плавно*, создающим особую гармонию и покой, нарушаемый лишь *пламенными* речами о любви или еще каком-нибудь ярком позитивном чувстве. Г.В. Степанов утверждал: «художественное творчество есть прежде всего образотворчество, и первоэлементом его является слово-образ» [2. С. 135]. Универсальной для всех типов текстов является формула «Действительность — Смысл — Текст»; для художественных текстов она преобразуется в следующую: «Действительность — Образ — Текст» [2. С. 149].

Особое направление в разработке теории образа развивается Г.Д. Гачевым, Г.В. Степановым и др. Образ как лингвистическая категория рассматривается в трудах В.В. Виноградова, А.И. Ефимова, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, С.М. Мезенина, А.И. Федорова, Т.З. Черданцовой, С.М. Прокопьевой, Н.В. Павлович и др. С точки зрения лингвистов, языковой образ — это особое употребление языковых единиц, при котором возникает семантическая двуплановость. Мы рассматриваем в данной статье поэтический образ с позиции лингвокультурологии, т.е. как явление культуры. В образе целый мир культуры. Например, есенинский образ *Имба-старуха челюстью порога / Жует пахучий мякиш тишины* — ярчайшее

изображение наступающего вечера с его затишьем. Даже чуть-чуть изменив этот образ, мы разрушим всю картину, отнимем у нее национальный дух и местный колорит, тем самым уничтожим все стихотворение.

Поэтический образ самодостаточен, он создается звуком, ритмом, синтаксической конструкцией, графикой и т.д., чаще всего эти средства используются в совокупности, но иногда для создания яркого незабываемого образа достаточно одного. Так, К. Бальмонт широко пользуется звукописью, в его стихотворении «Шорохи» магия ритма и завораживающее колдовство звуков воздействуют на чувства человека, проникая в душу мимо рассудка: *Шорох стеблей, еле слышно шуршащих, / Четкое в чащах чирикание птиц, / Сказка о девах, в заклятии спящих, / Шелест седых, обветшавших страниц*. Шипящие и свистящие согласные создают картину загадочных шорохов ночной природы.

Поэтический образ возникает при сближении несходного (В.Б. Шкловский, Н.В. Павлович), например, глаза — рубины, глаза — стрелы, глаза — звезды. Чем дальше сближаемые объекты в реальном мире, тем ярче образ: *Ее глаза — как два тумана, / Полуулыбка, полуплач, / Ее глаза — как два обмана, / Покрыты мглой неудач* (Н. Заболоцкий).

Цель статьи — показать, что образ мира поэта-казаха, репрезентированный русским языком, отличается как от русского образа мира, так и от казахского, т.е. чужой язык способен трансформировать национальный образ мира.

Материал и методы. Материалом стала поэзия талантливого современного казахского поэта, переводчика Бахыта Каирбекова; методами исследования — такие общенаучные методы, как анализ, сравнение, обобщение. Использовался также контекстуальный анализ, элементы компонентного анализа, метода лингвокультурологической интерпретации. Метод лингвокультурологической интерпретации использовался с целью выявления и объяснения причин несовпадений образов казахской и русской этнокультур, отражающих национально-культурную специфику менталитета этносов.

Обсуждение

Онтологическим свойством поэтического языка является не только его самоценность (Малербо сравнивал его с танцем: если, например, идущий направляется к цели, у пляшущего нет цели, точнее, она в самом танце), но и уникальная глубина его смыслов, способных трансформировать национальную картину мира, если поэт пишет на чужом языке. Какие-то явления в поэтическом языке можно исследовать точно, в онтологии же абсолютного большинства других заложена принципиальная неточность, размытость. И тогда многое зависит от субъективного взгляда исследователя. Вероятно, таков поэтический образ.

Попытаемся посмотреть на сказанное с позиции Бахыта Каирбекова. Обращение к его творчеству обусловлено не только его незаурядным талантом, но и тем, что нам почти неизвестно, каков современный казах, каков мир его древней родины.

И хотя соплеменница поэта, сама очень тонкий лингвист, У. Бахтикиреева считает, что «целостность личности Бахыта и его творчество невозможно разделить, разложить по полочкам и вместить в папочки» [3. С. 392], все же попытаемся это сделать.

Как всякий хороший поэт, Бахыт Каирбеков пытается через поэзию найти ответ на важный для каждого человека вопрос: «Кто я?», т.е. стихи у него становятся способом постижения самого себя: *Я — наследник холмов, этих странных туманов («Духовнику»); Сейчас я — жеребенок, что, не чуя ног, / Вдруг впрыгнул в лето — как в мечту свою.* И если быть наследником своей земли характерно и для русского образа мира, то во втором двустишии он принимает сакральный для казаха образ коня, жеребенка. Этот образ хоть и используется в русской поэзии (например, у Марины Цветаевой чаще всего конь — стихия: *пожирающий огонь — мой конь*; через этот образ у нее представлена родина — *Ох, Родина-Русь / Неподкованный конь... зачарованный конь*), иногда лирический герой отождествляет себя с конем (*Я же и конь, / Я ж и погоня*), но никогда не «превращается» в коня, как у Б. Каирбекова. Девиз жизни у поэта тоже связан с этим образом: *Быть собою всегда! Быть в седле!* И даже сама жизнь для него — кочевье: *Я кочую в седле бессменно, / Не задумываясь о судьбе.* Жизнь в движении, в седле — это образ мира казаха.

Нарисованный им поэтический автопортрет — это сам процесс возрождение поэта после какого-то жизненного потрясения:

Автопортрет

Редкая удача: за хмельным дождем
Хлопотунья-ласточка залетела в дом,
Надо мной поникшим пронеслась стрелой
И опять порхнула в небо — в мир другой.

И как будто срезала пути надо мной
Ножницами-хвостиком! —
И с минуты той
Я поверил снова в чистый небосвод,
Солнце заревое нежно к сердцу льнет.

Я росой умылся и пошел босой,
Словно бог рожденный,
Горд своей судьбой.

Стихотворение наполнено народной стихией, в которой сливаются воедино и народные обычаи (символически разрезать пути малышу, чтобы он начал ходить; это делает ласточка своими *ножницами-хвостиком*), и древнее шаманство (*Солнце заревое нежно к сердцу льнет*), и его новое рождение в культуру (*Я росой умылся и пошел босой, / Словно бог рожденный...*).

Одной из наиболее важных в духовном миропостижении и опыте Бахыта Каирбекова является тема любви к родной земле, отчому дому, которая также имеет национальное преломление. Привязанность к родине в крови не только у славян, но и у казахов, которые с иронией относятся к сентенции: где прибыль, там

и родина, что характерно для нового поколения русских. Как известно, лексема «родина» имеет несколько значений: это страна, в которой человек родился и гражданином которой он является (*Не небесам чужой отчизны — Я песни родине слагал*. Н. Некрасов); это место зарождения, возникновения чего-либо. Синонимами к слову «родина» в русской культуре стали слова «отечество», «отчизна», «государство», «страна», «родная земля». У казахов это «степь», «вода», «горы», «кочевничество»:

Только нам дано, наверно, свыше
Кочевать всю жизнь из края в край!

В поэзии Бахыта Каирбекова, для которого родина стала одним из главных аккордов творчества, почти нет прямых номинаций (отечество, страна и др.), родина предстает через сопряженные образы степи, приволья, рек, воды, гор, неба, звезд:

Возвращаюсь в речное приволье
Из степей необъятной Арки,
И встречает меня синегорье,
Уже издали радуя видом своим.

Полукружьем раскроет объятя,
Напоит ледниковой водой,
Силы те, что дорогой растратил,
Знаю: мне возвратит он с лихвой.

Любовь к родине согревает и поддерживает лирического героя в трудные минуты, возвращает ему силы. Его родина — это суровый край, в котором проявляется истинная человеческая сущность: *Здесь холод веет с гор. / Здесь каждый человек / И муравей и бог.*

Бахыт Каирбеков кровно связан с востоком, его бытом, судьбою, духом:

Степь. Цикады. За речкою юрта.
Полог поднят.
Кизяк задымил...
Мир кочевья — родного уюта —
Где я не жил...
И вроде бы жил.

Мы видим, что поэтический образ родины он рисует с помощью казахских реалий: ослик, арба, лепешки, тандыр и др. Обращают на себя внимание такие строки: *Где я не жил... / И вроде бы жил*. Лирический герой вырос в условиях городской культуры, которая более интернациональна, национально индифферентна. Но он «вроде бы жил» — это память культуры, голос крови являют ему такой образ родины. Эти образ отличается от традиционного казахского образа, в котором кочевье — образ жизни, но не уюта. Поэзии Б. Каирбекова свойственна романтизация национальной природы, и этим его образ мира отличается от традиционного казахского, а от русского его отличают национальные реалии.

Восприятие родины поэтом — это непрестанно чередующиеся образы, все время теснящие друг друга реалии и впечатления, образующие жизнь:

Здесь осень, лето и весна —
Одна пора — всегда награда,
И дыня — солнце и луна.
А звезды — гроздь винограда.

Гранат — огонь, арбуз — вода,
Зеленый чай — душе отрада.
И царская поистине еда —
Плов золотой под сенью сада.

В его поэзии мы видим теснейшую связь с природой. Природа — это первоэлемент бытия, через призму которой поэт воспринимает время вообще (*Идет за верблюдом верблюд. / Тянется дней караван*) и время взросления, в частности: *Жеребенок веселого детства / Ускакал в непроглядную ночь*. Окружающая поэта природа, входя в его сознание и преломляясь в нем, приобретает значение сложных концептуальных метафор, творящих казахский образ мира: жеребенок детства.

Думается, что объяснить это можно, применив концепцию К.Г. Юнга об архетипах. Архетипы, по Юнгу, — это «психические первообразы, скрытые в глубине фундамента сознательной души». Это система установок, являющихся одновременно и образами, и эмоциями. Они передаются по наследству вместе со структурой мозга. Это как бы хтоническая часть души, то есть та часть, через которую душа связана с природой, землей. «Влияние земли и ее законов на душу проявляется в этих первообразах, пожалуй, особенно отчетливо» [4. С. 29]. Такими первообразами у Б. Каирбекова являются степь и конь (жеребенок).

В сознании поэта восприятие родины не связано с упоминанием памятников, скульптур, государственной символики, зданий (хотя много стихов о родном городе), зато много изображений специфических ландшафтов, животных, растений, птиц («Родословная травы», «Покинутое гнездо», «Сезон бабочек», «Кум-тыква», «Чернослив», «Цветущий урюк», «В горах», «Дождь — не гость», «Путь воды», «Обращение к песку» и др.).

Бахыт Каирбеков формирует свое видение мира не только на основе переработки собственного опыта, своих мыслей и переживаний, но и в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его предков, который зафиксирован в мифах и архетипах. Эпиграфом ко всему его творчеству можно было бы взять его же слова: «Я хочу обогреться у очага своей культуры». О народной культуре сказано много, по-разному, каждая ее деталь становится основой для формирования личности поэта:

Но всем я обязан двужильной домбре —
Судьбой и дорогой, что выбрал себе.

Поэт находится в гармонии с природой:

Солнце белесый паук —
Ткёт на окне паутину...

Культура — это «вторая природа», — утверждают философы [5. С. 59], потому что она возникла на основе отношения человека к природе. Именно природа дает Б. Каирбекову образы для мировосприятия: небесный свод так же отражает мир, как глаз коня: *Как конь, свой глаз — небесный свод — скосив.*

Степь для него не только раздолье, но место, где есть возможность уединиться. Поэт раскрывает нам книгу казахской Степи и учит ее читать и почитать:

Костер в степи — он к небу обращен
И языки его — молитвы сердца.

В этих строках выражено особое психологическое состояние лирического героя, когда то, на что не обращаешь внимания днем, ночью, при костре, становится очевидным: открывается путь к Богу, которому можно молиться всем сердцем, тогда случится обновление и очищение.

Бахыт Каирбеков — поэт, который не просто имеет дело с природой, он находится внутри нее и может перенести это ощущение в поэзию. Все природные первосущности его поэзии многолики, например, дождь: Капля дождя способна спасти жизнь: *Какая радость дождь! Полей обветренные губы, / Припавши к небесам, благодарят судьбу... Дождь — не гость. Он — собеседник старый. / Придет. И сядет. И заговорит.* Как видим, дождь — это жизнь и рождение нового одновременно, это собеседник и друг.

Заключение

Поэтическая картина мира Бахыта Каирбекова характеризуется субъективностью, эмоциональностью, творческой работой воображения, ассоциативностью. Его поэтический дискурс состоит из индивидуально-авторских текстов, которые являют собой, с одной стороны, субъективную, а с другой — национальную трактовку мира. Так, необычным для русского образа является понимание жизни как богатого восточного базара с его атрибутами: *Недаром говорят, — жизнь — торжище, базар, / Манят его роскошные прилавки! / И вот уже ты сам — его товар, / Растут тобой озвученные ставки.* Перед нами предстает целая система событий: зазевавшийся сам становится товаром, разменной монетой.

Поэзия обладает редкой способностью отчуждать мир человеческих чувств и переживаний, облекать его в слова и возвращать преобразенным, поэтому образ в поэзии не столько зрительная картинка, сколько модель событий реальности.

Список литературы

1. *Винокур Г.О.* Избранные труды по языкознанию и культуре речи. Стереотипное издание. М.: URSS, 2019.
2. *Степанов В.Г.* Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988.
3. *Бахтикиреева У.М.* Чрезвычайный и полномочный художник девятой территории мира // Б. Каирбеков. Навстречу солнцу. Дневник путешествий: Стихи, эссе / Б.Г. Каирбеков. Алматы, 2014.
4. *Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М.: Ренесанс, 1991.

5. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.

References

1. Vinokur, G.O. 2019. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'ture rechi. Stereotipnoe izdanie. Moscow: URSS. Print. (In Russ.)
2. Stepanov, V.G. 1988. Jazyk. Literatura. Pojetika. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
3. Bahtikireeva, U.M. 2014. "Chrezvychajnyj i polnomochnyj hudozhnik devjatoj territorii mira". In *B. Kairbekov. Navstrechu solncu. Dnevnik puteshestvij: Stihi, jesse.* Almaty. Print. (In Russ.)
4. Jung, K.-G. 1991. Arhetip i simbol. Moscow: Renesans. Print. (In Russ.)
5. Gachev, G.D. 1995. Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos. Moscow: Progress-Kul'tura. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, профессор кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций гуманитарного факультета Витебского филиала Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси Международного университета «МИТСО». E-mail: mvavit@tut.by

Bio Note:

Valentsina A. Maslova is a Professor, Professor of the Chair of Early Childhood and Preliminary Education, Faculty of Pedagogic, Vitebsk State University named after P.M. Masherov; Chair of the Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Humanities Faculty, Vitebsk Branch of the Federation's of Trade Unions Educational Institution of Belarus «International University «MITSO». E-mail: mvavit@tut.by

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-185-193

Research Article

Buryat Crossroads: Poetry and Mythological Thinking

Z.A. Kuchukova, L.B. Berberova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov
173, Chernyshevsky St., Nalchik, KBR, 360004, Russian Federation
Financial University under the Government of the Russian Federation
15, Verkhnyaya Maslovka, Moscow, 127083, Russian Federation

Abstract. The authors give a literary assessment of the monograph by I.V. Bulgutova «Buryat philosophical lyrics: mythopoetic foundations and traditions» with the involvement of some of her other works. A set of questions is studied related to the Buryat mythological school, the mythogenicity index of the Buryat professional literature, various types of mythological thinking, zoonymous mythical plots, the shamanistic cycle, the mythologization of history, and ethno-poetic constants. The practical part of the monograph under review is a mytho-ontological analysis of representative philosophical poetic texts by D. Ulzytuev, L. Tapkhaev, B. Syrenov, G. Radnaeva, R. Shoymardanova. Much attention is paid to the features of the Buryat Russian-language poetry, represented by the works of N. Nimbuev and B. Dugarov.

Key words: Buryat poetry, mythopoetics, philosophical lyrics, monograph, I.V. Bulgutova, constants, figurative system, bilingualism, intertext

Article history:

Received: 02.01.2021

Accepted: 14.03.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kuchukova, Z.A., and L.B. Berberova. 2021. "Buryat Crossroads: Poetry and Mythological Thinking". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 185–193. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-185-193

© Kuchukova Z.A., Berberova L.B., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Бурятский перекресток: мифомышление и поэзия

З.А. Кучукова, Л.Б. Берберова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Российская Федерация, 360004, КБР, Нальчик, Чернышевского, 173
Финансовый университет при Правительстве РФ
Российская Федерация, 127083, Москва, Верхняя Масловка, 15

Аннотация. Авторы дают литературоведческую оценку монографии И.В. Булгутовой «Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции» с привлечением и некоторых других ее работ. Исследован комплекс вопросов, связанных с бурятской мифологической школой, индексом мифогенности бурятской профессиональной литературы, разными типами мифомышления, зоонимическими мифосюжетами, шаманским циклом, мифологизацией истории, этнопоэтическими константами. Практическая часть рецензируемой монографии представляет собой мифоонтологический анализ репрезентативных философских поэтических текстов Д. Улзытуева, Л. Тапхаева, Б. Сыренова, Г. Раднаевой, Р. Шоймарданова. Большое внимание уделяется особенностям бурятской русскоязычной поэзии, представленной творчеством Н. Нимбуева и Б. Дугарова.

Ключевые слова: бурятская поэзия, мифопоэтика, философская лирика, монография, И.В. Булгутова, константы, образная система, билингвизм, интертекст

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.01.2021

Дата принятия к печати: 14.03.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кучукова З.А., Берберова Л.Б. Бурятский перекресток: мифомышление и поэзия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 185—193. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-185-193

Introduction

The modern globalizing and modernizing society with particular clarity shows the relevance of issues related to the preservation of the all-Russian socio-cultural identity, which consists of a multitude of “daughter identities”, which, according to the established tradition, have recently been clearly displayed on the covers of dissertations on Russian literature — the North Caucasus, Kalmykia, the Urals, Volga region, Karelia, Russian North, Siberia, Far East. This kind of geographical “mosaic” is perceived as an order to every Russian humanities scholar to study the ethnocultural characteristics of their own “homelandscape” [1. P. 30].

For a good reason modern politicians place the issue of preserving socio-cultural identity on the same logical level with the country's state security in terms of their vital importance. We may add to this the academic behest of the philosopher, culturologist and literary critic G.D. Gachev to preserve for the descendants that very magnificent “orchestra” of humanity, where each nation plays its own, well-defined musical instrument, where “the oboe is dear to the violin because one can do what another cannot” [1. P. 239].

In full accordance with these social challenges and the Gachev way of thinking, Irina Vladimirovna Bulgutova has written the monograph “Buryat Philosophical Lyrics: Mythopoetic Foundations and Traditions”, published in Ulan-Ude in 2017. The relevance of the study is due to the need for the modern Buryat literature to identify and scientifically comprehend its own historical roots, to measure the “culture-genic” potential and passionate power of the ancient mythopoetic matrices, capable (or not) still able to “ferment” literary texts.

Discussion

A few words about the specifics of the monograph. The fact is that, without exception, every nation on earth has a “mythological cradle”. At the same time, however, what matters is the distance or the degree of alienation of modern artistic culture of a given nation from the mythopoetic first bricks that laid its foundation. In this respect, the Buryat (Siberian) national culture can rightfully be ranked as “strongly mythogenic”. In fact, there is hardly any other nation on the “planet of people” whose social, communicative, cultural, spiritual self-realization is still in practice carried out through mythological ideas, shamanic ritual scenarios that are at arm's length. It's like mammoths being extinct long ago elsewhere, but grazing in someone's garden nowadays. Another specific feature of the investigated I.V. Bulgutova's mythological material is its tight interconnection with Buddhist religious beliefs, which, undoubtedly, make certain adjustments to the overall picture of the mythological ideas of the Buryats.

It is not an easy task to isolate mythologemes and archetypes remaining in such a heterogeneous, “stirring” material and trace their transhistorical and transcultural path with all possible refractions in other artistic worlds. Here, in many respects, the guarantor of scientific research success was the skill of I.V. Bulgutova to think systematically with the involvement of heuristic methods and many other related disciplines — folklore, ethnography, linguistics, psychology, pedagogy, archeology, philosophy, sociology, into her literary criticism. To her credit, she clearly speaks in terms of categories of the named sciences. But even more effective methodological support for her work is the fact that the author is an ethnophor, that is, a scientist who, by the will of fate, is placed at the epicenter of the studied ethnoculture, who knows all its nuances from the inside at the cognitive and scientific levels.

In the theoretical prerequisites for the study, the scientist examines the exploration degree of the parallel “myth — literature” in the world humanities. The methodological basis of the work is the legacy of G.D. Gachev, A.F. Losev, V.Y. Propp, V.N. Toporov, O. Freudenberg, J. Fraser, K. Jung. When researching issues related to mythopoetics, the author turns to the experience of Siberian literary scholars — G.O. Tudenova, T.N. Ochirova, L.S. Dampilova, T.M. Dugarzhapova, E.E. Baldanmaksarova. In order

to complete the picture, the author examines the essence of mythopoetics from an ethnographic, psychological, historical point of view, simultaneously identifying polyconceptual interpretations and approaches, as well as systematizing terms and concepts necessary for further analysis.

It should be noted that when working with sources, I.V. Bulgutova is not limited to approving quotations of her predecessors, but skillfully and methodically competently develops their thoughts in the direction provided by the search tasks of the monograph.

Figuratively speaking, from each of the studied authors the researcher takes the discursive “threads” connecting myth and literature, which, as a result of careful reflexive work, are formed into a single powerful theoretical “rope”, into the scientific concept that mythologism is directly related to the process of linguistic modeling and generation of ethnoculturally determined semiotic system. Solidarizing with M.M. Bakhtin, who noted that culture “is all located on the borders” [2. P. 282], I.V. Bulgutova chose the frontier, the borderline between mythology and literature, as the main place of her “working space”, tracing, recording and interpreting the entire conglomeration of direct and indirect “metaphorical metamorphoses” arising from the transition of the mental concept from the sphere of mythology to the sphere of professional literature.

The activities of the Buryat mythological school — this is how briefly we can specify the essence of the introduction to the monograph, where I.V. Bulgutova reproduces in a concise form the history of collection, attribution, systematization and scientific comprehension of numerous legends, traditions, fairy tales, shamanic poetic texts with their intra-genre and dialect modifications.

The author takes into account the conceptual provisions contained in the works of N.O. Sharakhshina “Myths of the Buryats”, L.S. Dampilova “Shamanic chants of the Buryats: poetics and symbolism”, S.I. Garmayeva “Typology of artistic traditions in the prose of Buryatia”, B.D. Bayartueva “Prehistory of Buryat-Mongol Literature”, E.A. Ulanova “Folklore in the context of Buryat verbal creativity”, T.B. Balarieva “Folklore and modern Buryat prose”, L.V. Babkinova “Mythopoetics of modern Buryat poetry”, O.A. Zabanova “Space and Time in the Poetry of L.D. Tapkhaev”, S.D.-N. Malzurova “Myth-folklore origins of the prose of the peoples of Siberia and Russian North of the 60s — 80s. of XX century”. As it is clear from the monograph, the main achievements of the Buryat mythological school by the end of the 20th century boil down to the following:

1) almost all mythological texts were written “under the dictation of the people” (V.G. Belinsky);

2) a mythological dictionary was created;

3) a scientific classification of Buryat myths (cosmogonic, anthropomorphic, matriarchal, magical, animistic) has been made.

All further research work of I.V. Bulgutova, with all the disciplining headings of subsequent chapters and sections, is devoted to the study and measurement of the mythogenicity index of Buryat fiction. The author is most interested in the link “myth and literature” with the definition of all possible correlations between these two systems (direct connection, allusion, echoing, opposition). In this respect, author’s “neurolinguistic” reasoning about two fundamentally different types of myth-thinking is of great scientific interest — that of a “traditionalist artist” and a “bilingual artist”.

I.V. Bulgutova defines the first case as the original unconscious mythologization, since a native speaker initially thinks in mythologemes, which are the living operators of the language. A “traditionalist artist” does not need to invent anything — everything is already in the resources of his native language, moreover, he has at his disposal synesthetic images, which are a plexus of wires of hearing, smell, touch, taste, vision [3. P. 124]. A completely different case is the conscious mythologization inherent in Russian-speaking Buryat artists, who are strong in their idiographic searches, aestheticization of mythologemes and archetypes, as well as literary games aimed at highlighting some subtle semantic facets of canonical myths.

As the researcher shows, at the initial stage, mythology is inseparable from the ontology of folk life, the thinking of “children of nature”. Mythology replaces all educational subjects from astronomy to biology; it is spread throughout the entire domesticated territory of the steppe dwellers in the form of “speaking” toponyms, oronyms, hydronyms, anthroponyms, calendrical and ritual texts. In full accordance with the theory of G.D. Gachev “Cosmo-Psycho-Logos” [1. P. 34], the researcher emphasizes the special status and the highest frequency of zoonymic myths in the Buryat artistic psyche due to the practical and emotional closeness of the representatives of these cattle herders to the representatives of the animal world. The author illustrates this with the unique texts “The Song of the Horse”, “The Song of the Dog”, “The Song of the Wolf”, “The Song of the Cow”, etc. Note that the animalistic theme “has a wide cultural significance, since the issues of ethics and aesthetics intersect here” [4. P. 20].

In the chapter “Myth and Epic Plot in Buryat Literature” I.V. Bulgutova explores the degree of plasticity and “malleability” of the mythological tools for recording events that are significant in the national history of Buryatia. It should be said that the entire chapter is actually a field of intersection of history with ontology. With reference to A.F. Losev, the author at the very beginning writes that “mythical consciousness should give words about historical facts, a story about the life of individuals [3. P. 15]. “Words” here, undoubtedly, should be understood in an expansive sense, since in fact we are talking not only about vocabulary or artistic images, but also such phenomena as “plot building”, “composition”, “duplication”, “retardation”, “cyclical and cumulative narrative schemes”, “chronotope”, “architectonics”.

All these forms of “patronage” of the myth over epic literature in the monograph by I.V. Bulgutova are comprehensively considered on the example of the historical novels of Ts. Galanov “Mother Swan”, V. Garmaev “The Tenth Rabjun”, dramatic poems by N.G. Damdinov “Shelday zangi tukhai duun”, N.G. Baldano “Enkhe-Bulat Bator”. From the literary point of view, the study of the plot-forming function of myth-consciousness on the basis of the stories and short novels of B. Yabzhanov with his narration-in-first-person manner is of great interest. As a result of their subtle artistic analysis (in particular, the story “The Stone Thrown Up”), such specific phenomena as the conflict between herbivores and predators, Buddhist ideas of the karmic predetermination of a person’s fate by his actions, totemic views of the characters, the author’s leaning towards parable allegory are revealed and described.

Undoubtedly, the most unique place in the entire “Siberian hypertext” is occupied by shamanic themes, which also found their full reflection in the scientific work of

I.V. Bulgutova. Most importantly, the researcher showed that shamanistic beliefs are not an annoying anachronism (as was once noted by Soviet ideologists), but an ancient ideological complex that keeps producing new cultural meanings. The author has assembled a whole “shamanic cycle”, consisting of literary texts of different genres (drama by B. Baradin “The Great Shaman-Sister”, novels by A. Balburow “Singing Arrows”, A. Gatapov “Temujin”, V. Garmaev “Diggers”, V. Baraev “Uliger on childhood”, etc.), each of which is an original form of embodiment of mythopoetic views associated with oneiric motives, motives of werewolf, subject letters, national traditions of calculating space and time, symbolism of the objective world. The author has analyzed in detail the mythologemes “ancestral river”, “paths of ancestors”, “smallpox”, “birch bark basket with arza”, interpreted the meaning of different names of the moon, and even noted such subtleties as “special fertility of soil from under the circles left on the place of shaman’s yurts” [5. P. 16—19].

The chapter “Mythological motives in the Buryat philosophical lyrics” is a synchronous cut of the contemporary poetic art of Buryatia for the purpose of identifying the key ethnoculturally conditioned mythologemes. The author actually tailored a single artistic canvas from the poetic texts of L. Tapkhaev, D. Ulzytuev, Zh. Yubukhaev, B. Sirenov, G. Radnaeva, R. Shoymardanov, D.-R. Dambaev, N. Nimbuev. I.V. Bulgutova passes all this heterogeneous material, complicated by religious, stylistic, generational, ideological, urban, globalistic factors, through the “sieve” of mythoontological poetics to determine the stability of archaic prototypes and their ability to adapt to the realities of the 21st century. For completeness of the diagnosis, such components of mythopoetics as chronotope (night or day), architectonics, color symbolism, metaphor, epithet, repetition, sensory, kinetic and textured images, nominology, numerology, alliteration, antithesis, selectivity of poetic sizes are investigated.

As the researcher shows, after such a multilayer control, a set of mythological codings is exposed, such as “consubstantiality of biorhythms of nature and man”, “isomorphism of man and planetary structure”, “comparability of cosmic phenomena with household items”, “dominant of zoomorphic images”, “environmental friendliness of consciousness”, “the idea of an eternal circle”, “the cult of the Teacher”, “a circle of karmic predeterminations”, “the motive of the soul rebirth”, “the indivisibility of the subject and the object”, “the dynamic path of the nomad”, which together constitute the essence of the spiritual quest of modern Buryats.

Among the innovative features the author calls: linking religious mythological images with the scientific picture of the world; the tendency to abandon voluminous literary genres in favor of the short ones; the theme of the conflict between the steppe and technogenic civilization; creative development of foreign cultural poetic genres (free verse, tanka, hokku); literary game with mythopoetic constants. A striking example of this is the Buryat proverb “A saddled horse will fit in the heart of a man”, played out in an ironic way by N. Nimbuev [3. P. 127].

As the original and scientifically grounded conclusion of the researcher states, Buryat mythology successfully passes the “test of influences”, and any foreign cultural “influence passes through the filters of the local tradition” [3. P. 123]. In other words, even at the present stage, mythological views and traditional values continue to “prevent chaos” and play the role of a navigator of artistic consciousness in the Buryat ethnocultural space.

Among the remarkable features and advantages of the monograph under review, we would like to note a few more points. One is — constantly drawn intertextual parallels of “Siberian texts” with typologically similar phenomena in world culture (Homer, O. Khayyam, Marquez, F. Cooper, W. Whitman, Rilke, Apollinaire, Exupery, Basho, L.N. Tolstoy, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, I. Severyanin, V. Mayakovsky, B. Pasternak, Ch. Aitmatov, V. Rasputin and others), which emphasize the commonality of human thinking. Almost always, the author in her works translates Buryat exoticisms and ethnographisms into Russian, and also explains their etymology, which is very important, since in most cases they are mythologemes. Throughout the study, I.V. Bulgutova does not let the female discourse of texts out of sight, which greatly facilitates the work of future Siberian gender researchers. This is especially true for the sections devoted to the analysis of stories about the heroic Balzhan-Khatan, as well as female images in the work of the Buryat poetess Galina Radnaeva. Throughout the work, as the main line runs the theme of environmental education and environmental culture, expressed by nameless storytellers, professional writers of Buryatia and the researcher herself. This is of great educational value.

Separately, it should be said about the phenomenon of bilingualism, which is interpreted by most modern theorists as a threat to national linguistic identity. We find a very original judgment on this score in a recently published article by linguists U.M. Bakhtikireeva and B. E. Shagingereeva, dedicated to the “linguistic biography” of Bakhyt Kairbekov: «“Cross-pollination” of cultures in one society determines the formation of a special type of personality — a bilingual, multicultural, creative, or so-called marginal person who perceives the culture of his people from the inside and outside, which means more stereoscopic vision and more dimensional thinking than monolingual» [6. P. 87]. We agree that this explicit statement marks a conceptual and constructive turn in solving the problems of the writer’s ethnic identification and bilingualism. The idea of “cross-pollination” is also supported by a Buryat researcher, who, while legalizing a bipolar view of the works of bilingual writers in general, notes that “works written on the borderlands of the Buryat and Russian cultures are perceived integrally and consistently in the context of both” [3. P. 162].

Speaking at one of the scientific seminars, V.P. Sinyachkin rightly noted that “polylingualism arises when within one phenomenon of reality, various code systems are intertwined, resulting in more complex, sometimes hybrid objects” [7. P. 666]. Based on the creative work of a whole galaxy of Russophonous authors in Buryatia, I.V. Bulgutova showed the specifics of polycode imagery systems, where, paradoxically, “one” plus “one” equals not “two”, but “three”, that is, there is not an arithmetic sum, but a certain original semantic complex.

Recommendations and conclusion

In our opinion I.V. Bulgutova successfully completed her task of comprehension of the functional role of mythologemes in the national literature. The novelty of the results obtained is significant. For the first time, all forms of mythological intertextmes in Buryat poetry are considered on such a large scale, depicting the evolutionary transition from “direct communication” to “literary play” with many intermediate stages. Towards the

end, we would like to note several promising topics that are asking to enter the “myth and literature” discourse arena.

1. In the section where the author discusses the specifics of linguistic modeling in the context of mythopoetics, the Sapir-Whorf theory is regrettably ignored, whereas it could lead the author to interesting arguments about cognitive processes and the fundamental controllability of human consciousness (a conventional Siberian) by mythological metacodes.

2. Since “a child is a primitive little-man”, in children’s poetry, as in the alphabet, the features of mythological logic are reflected as large and vividly as possible. That is why, in our opinion, it would be advisable in the future to pay special research attention to the samples of children’s Buryat poetry.

3. In the work of I.V. Bulgutova we can clearly trace the transhistorical, dynamic movement of primordial mythologemes within Buryat literature with all possible transformations, refractions, inversions. As the ultimate evolutionary point in the work, N. Nimbuev’s ironic literary game with the mythologeme about “a horse in a man’s heart” is recorded [3. P. 127]. So what is next? It remains unclear whether there are cases of complete postmodern deconstruction of mythological plots in contemporary Buryat poetry. In this regard, for further researches we recommended to consider the post-Nimbuean art of the next-generation.

Developed by I.V. Bulgutova mytho-ontological method of analyzing a literary text can be successfully used in the study of other national literatures of the Russian Federation by folklorists, literary critics, ethnologists, orientalists, as well as graduate students, bachelor and master students of humanitarian universities.

References

1. Gachev, G.D. 2003. *Mental’nosti narodov mira*. Moscow: Izd-vo Eksmo. Print. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. 2003. “K voprosam metodologii estetiki slovesnogo tvorchestva”. In *Collected Works*. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari: Yazyki slavyanskoj kul’tury. P. 282. Print. (In Russ.)
3. Bulgutova, I.V. 2017. *Buryatskaya filosofskaya lirika. Mifopoeticheskie osnovy i tradicii*. Ulan-Ude: Izdatel’stvo Buryatskogo gosuniversiteta. Print. (In Russ.)
4. Berberov, B.A. 2004. “Hudozhestvennye osobennosti vyselencheskogo fol’klora karachaevev i balkarcev”. *Kul’turnaya zhizn’ Yuga Rossii* 3 (9): 18—21. Print. (In Russ.)
5. Bulgutova, I.V. 2019. “Mifopoetika v kontekste stanovleniya i razvitiya buryatskoj literatury vtoroj poloviny XX — nachala XXI vekov”. *Candidate Thesis*. Ulan-Ude, 2019. Print. (In Russ.)
6. Bahtikireeva U.M., Shagimgereeva B.E. 2020. “Yazykovoe bytie tvorcheskoy lichnosti: Bahyt Kairbekov”. *Social’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke* 17 (1): 83—89. Print. (In Russ.)
7. Sinyachkin, V.P. 2019. “Interuniversity Seminar “Russia and China: Literary Receptive Aesthetics”, October 3, 2019, Moscow”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 16 (4): 666—669. doi: 10.22363/2618-897X-2019-16-4-666-669

Список литературы

1. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.
2. *Бахтин М.М.* К вопросам методологии эстетики словесного творчества // *Собрание сочинений*. Т. 1. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2003.
3. *Булгутова И.В.* Бурятская философская лирика. Мифопоэтические основы и традиции: монография. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2017.

4. Берберов Б.А. Художественные особенности выселенческого фольклора карачаевцев и балкарцев // Культурная жизнь Юга России. 2004. №3 (9). С. 18—21.
5. Булгутова И.В. Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX — начала XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2019.
6. Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е. Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII. Вып. 1. С. 83—89.
7. Синячкин В.П. I Межвузовский семинар «Россия и Китай: литературная рецептивная эстетика». 3 октября 2019 года, Москва // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 4. С. 666—669. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-4-666-669

Bio Notes:

Zukhra A. Kuchukova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov. E-mail: kuchuk60@list.ru

Liana B. Berberova is a Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Language Training of the Federal State Educational Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation”. E-mail: berberova.liana@yandex.ru

Сведения об авторах:

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: kuchuk60@list.ru

Берберова Лиана Бурхановна — кандидат педагогических наук, ст. преподаватель Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: berberova.liana@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206

Научная статья

Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора

Л.П. Дианова

МГИМО(У)

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена осмыслению функционального диапазона заимствованной лексики в русскоязычном художественном тексте билингвального автора. В современной науке существует мнение, что этот диапазон ограничен конкретно-номинативной функцией. Более того, некоторые исследователи считают, что факт заимствования лексики из этнического языка является показателем интерференции, то есть в широком смысле свидетельствует о неосознанном, зачастую ошибочном включении иноязычного слова в художественный текст. Опираясь на современные исследования в области художественного билингвизма, мы опровергаем этот тезис и стремимся показать, что функциональная нагрузка заимствований в произведениях словесного творчества весьма существенна: лексические единицы с национально-культурным компонентом играют важную роль в тексто- и сюжетообразовании, обладают концептуальным, архетипическим, символическим содержанием, выступают сигнификаторами онтоязыкового бытия и выполняют эстетическую функцию.

Ключевые слова: художественный билингвизм, национальная языковая картина мира, заимствованная лексика, тюркизмы, функции заимствований, интерференция

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.12.2020

Дата принятия к печати: 16.03.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Дианова Л.П. Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 194–206. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206

© Дианова Л.П., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Functions of Borrowed Vocabulary in Literary Texts by a Bilingual Author

L.P. Dianova

MGIMO University
76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to understanding the functional range of borrowed vocabulary in the Russian-language literary text of a bilingual author. In modern science, there is an opinion that this range is limited to a specific nominative function. Moreover, there is a research position that the fact of borrowing vocabulary from an ethnic language is an indicator of interference, that is, in a broad sense, it indicates an unconscious, often erroneous, inclusion of a foreign language word in a literary text. Based on modern research in the field of literary bilingualism, we refute this thesis and strive to show that the functional load of borrowings in works of verbal creativity is very significant: lexical units with a national-cultural component play an important role in text and plot formation, have conceptual, archetypal, symbolic content, act as signifiers of onto-linguistic being and perform an aesthetic function.

Key words: literary bilingualism, national linguistic picture of the world, borrowed vocabulary, Turkisms, functions of borrowings, interference

Article history:

Received: 08.12.2020

Accepted: 16.03.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dianova, L.P. 2021. “Functions of Borrowed Vocabulary in Literary Texts by a Bilingual Author”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 194–206. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206

Введение

В художественных текстах этнически нерусских билингвальных авторов, выбравших языком творчества русский язык, достаточно часто встречаются заимствованные слова из этнического языка. Определять их как издержки интерференции, характерной для речевой культуры билингвов, некорректно, когда речь идет о творческих личностях, считают исследователи русско-инонационального литературного билингвизма. Так, рассматривая специфику лексики русскоязычных художественных текстов этнических белорусов, С.А. Гринберг пишет, что «употребление белорусских языковых элементов (белорусизмов) в русскоязычных текстах белорусских авторов обусловлено особенностями структуры художествен-

ного текста, эстетическими законами, а не являются результатом интерференции» [1. С. 62—63]. Полемизируя с А.А. Гируцким, полагающим, что включение в текст лексических единиц этнического языка является фактом интерференции, С.А. Гринберг выделяет принцип сознательного и тщательного отбора автором того или иного лексического элемента. Селекция лексического материала указывает на то, что перенос определенного слова из одной языковой системы в другую является актом сознательного включения иноязычного слова в ткань художественного текста, а не ошибкой. При этом каждая лексическая единица, заимствованная из этнического языка, выполняет в нем соответствующую функцию: номинативную, символическую, текстообразующую и др.

А.А. Гируцкий предлагает рассматривать интерференцию в художественном тексте с точки зрения узкого и широкого подходов. В первом случае анализу подлежат факты неосознанного употребления автором (например, белорусских) языковых элементов, то есть речевые ошибки. Во втором к фактам интерференции относятся все случаи использования единиц этнического языка вне зависимости от выполняемых ими функций [2. С. 16]. С.А. Гринберг приводит контраргументы к выдвинутым тезисам: 1) высокая речевая культура автора и переводчика ограничивает возможности совершения им неосознанных лексических ошибок; 2) употребление белорусских языковых элементов обуславливается особенностями структуры художественного текста, эстетическими законами, а не является результатом взаимодействия двух языковых систем [1. С. 62—63].

Важно подчеркнуть, что автор (в частности, автор-билингв) отбирает каждое слово в процессе создания художественного произведения, чтобы оно не только заняло соответствующую позицию в архитектонике целого, но и могло служить кодом доступа к постижению принципиально иного этнического мироощущения. В «Истоке художественного творения» М. Хайдеггер размышляет о том, что прекрасное (категория эстетики) «покоится в форме», которая некогда «высветлилась» из бытия «как существенности сущего». Способ бытийного пребывания внутри художественного творения становится *actualitas*, *actualitas*, в свою очередь, превращается в действительность; та обретает предметность, предметность становится переживанием. Бытие и сказывание, по мысли философа, «взаимно сопринадлежны» [3]. Отсюда закономерен вывод: каждое слово, отобранное автором, участвует в процессе художественного творения. Если же творение, по мысли Хайдеггера, имеет своей высшей целью истинность сопричастности миру, истинны должны быть и вещественные элементы этого мира. «Быть творением значит воссоставлять свой мир», — отмечает М. Хайдеггер в главе «Творение и истина». Не это ли — воссоставление *своего* мира — пытаются осуществить билингвальные авторы, творящие не на «материнском языке», а на языке-посреднике? В таком случае каждое заимствованное из этнического языка слово наделяется в художественном тексте дополнительными функциями, имеющими онтологическую значимость.

В первую очередь, это функция эстетическая. Мы подразумеваем здесь не столько категорию прекрасного, воплощенную в произведении искусства, сколько способность некой эмпирической формы, заданной художественному творению, быть изоморфной внутренней его форме, то есть тому образу мира, который

«построется на основе данного художественного произведения, но не совпадает с ним» [4]. М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» пишет: «...тем не менее эстетический объект все же многосторонен, конкретен, как и та познавательно-этическая действительность (переживаемый мир), которая в нем художественно оправдывается и завершается, притом наиболее конкретен и многосторонен этот мир художественного объекта в словесном творчестве... Изображаемый словом эстетический объект ... имеет внутреннюю пространственную художественно значимую форму, словами же произведения изображаемую» [4. С. 88–89]. Следовательно, слово в художественном тексте — это единица эстетического уровня; это тем более справедливо в отношении заимствованных слов, которые выступают маркерами иной лингвокультуры, а потому наделяются множественными этнокультурными коннотациями и могут квалифицироваться как сигнификаторы определенных представлений, ценностей, скриптов этнического коллектива.

По мнению У.М. Бахтикиреевой, использование в художественном тексте лексики с национально-культурным компонентом семантики является одним из важных параметров текстообразования. Заимствования — тюркизмы, архаизмы, историзмы, которые можно определить как «слова — свидетели эпохи», — обладают уникальным свойством безэквивалентности и апеллятивности к иному культурному фону. Назначение этой лексики — быть средством описания внутренней жизни персонажа, переживаемых им психических состояний, в том числе с помощью приема психологического параллелизма. У.М. Бахтикиреева приходит к выводу, что в структуре художественного текста лексика с национально-культурным компонентом выполняет тексто- и сюжетообразующую функции, когда посредством лексических единиц происходит сцепление отдельных сюжетных ситуаций (макро- и микропропозиций). При этом заимствованное слово выступает как знак авторской модальности: именно в выборе средств образительности в процессе моделирования художественной реальности проявляется авторское отношение к миру. Национально-маркированная лексика, как полагает исследователь, может рассматриваться в характерологическом аспекте: в этом случае она становится базисом для создания портретной зарисовки действующих лиц и может быть направлена на раскрытие доминантных качеств личности персонажа. В терминологии Б.Р. национально-маркированная лексика может быть дефинирована как сенсibiliческая. Сенсibiliии — элементы ментально-лингвального комплекса человека, которые наряду с трансляцией определенной информации о мире передают и конкретные ощущения.

Следующая функция, которую выделяет У.М. Бахтикиреева, — описательно-образительная. Безэквивалентная, фоновая, коннотативная лексика в структуре описаний экстерьера и интерьера произведения способна через внешние детали выявить внутреннюю сущность героя и дать авторскую оценку изображаемого мира.

Заимствованная лексика может нести символическую нагрузку, то есть в семиотическом аспекте представлять собой знак с конвенциональным и неконвенциональным значением и индивидуально-авторским периферийным компонентом в семантической структуре слова [5. С. 13–15].

О.А. Корнилов группирует национально-специфическую лексику по следующим типам:

- обозначения специфических реалий (номинативная функция);
- обозначения универсалий, имеющих специфические прототипы;
- обозначения специфических абстракций [6. С. 147].

Выделим еще несколько функций заимствованной лексики, которые видятся нам значимыми.

Архетипическая функция. Заимствованное слово всегда воспринимается в синтагматике текста (в нашем случае русскоязычного) как ксенофон, в нем безошибочно улавливается (как на уровне графики, так и на уровне семантики, зачастую для читателя лакунарной, «нулевой») «отголосок» бытия иной культуры, иного жизненного уклада и контекста существования. Если отдельное заимствование нельзя назвать архетипом, то комплекс слов, объединенных тематически, способен реконструировать ту или иную культурную универсалию, жизненно важную для определенного этноса. Несмотря на то, что архетипы представляют собой универсальные паттерны коллективного бессознательного, ядро которых репликативно для всех этнических сообществ, их ближайшая периферия всегда национально-вариативна, наполнена эмпирическим материалом экзистенции сообщества, его культурными достижениями, представлениями, мифологемами.

Кумулятивная функция. Национально-специфическое слово, вербализующее соответствующий конструкт, представляет собой ячейку ментальности, накапливающую коллективный опыт, базовые знания о мире, аксиологические ориентиры. С накоплением представлений и знаний связаны и определенные стандарты поведения в том или ином обществе.

Гносеологическая функция. Культурно-маркированная лексика запускает в воспринимающем сознании читателя процесс познавательного круга, когда личный опыт обогащается коллективным, а коллективный уточняется индивидуальным.

Транслятивная функция. Информация об инокультурных реалиях передается коллективному адресату посредством художественного текста.

Аксиологическая функция. Это функция, обеспечиваемая наличием ценностных параметров в культурно-маркированной лексической единице, закладывает представления о таких этноспецифических категориях, как представления о гармонии/хаосе, благе/зле, правильном/неправильном.

Концептуальная функция. В конечном счете этнокультурные маркеры формируют в воспринимающем сознании определенную картину мира, то есть совокупность представлений (концептов) сообщества о его сущности, системе, процессах.

Экспланаторная функция. Зачастую инокультурные языковые единицы семантически лакунальны для адресата; однако при наличии авторского (герменевтического) комментария они способны объяснить читателю значимые для иной культуры реалии, стереотипы, эталоны, предписания и ценности.

Иными словами, индивидуальный, художественный билингвизм не следует приравнять к коллективному / массовому двуязычию.

Обсуждение

О функциях заимствований в произведениях русских авторов

Заемствованные слова, и в частности тюркизмы, проникали в русскую речевую культуру не только в силу торговых и социально-культурных взаимосвязей между русским и тюркскими народами, но и непосредственно через произведения русских писателей. Отражая национальную тематику иного (тюркского) мира в русской литературе, русские авторы способствовали широкому проникновению заимствований в русскую речь [7]. Особенно в XVIII—XIX веках в произведениях русских романтиков тюркизмы начинают соперничать с галлицизмами, англицизмами, германизмами и др.

В литературе, посвященной восточным темам, А. Бестужев-Марлинский, А. Пушкин, Ю. Лермонтов, Л. Толстой, В. Марков, А. Подолинский, О. Сенковский, В. Тепляков и др. прибегали к включению тюркизмов для создания «восточного колорита». Так, например, в ставшей хрестоматийной повести А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур», в таких произведениях М.Ю. Лермонтова, как «Аул Бастанджи», «Ашик—Кериб (Турецкая сказка)», «Измаил Бей», «Демон (Восточная повесть)» и др. тюркизмы символизируют представления о картинах мира иных народов, тогда еще крайне мало известных русскому сознанию. Значительным в этом смысле стало известное пушкинское «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Частотность использования тюркизмов в этом произведении довольно высока. Здесь А.С. Пушкин наряду с утерявшими восточную экзотичность словами тюркского происхождения *базар*, *диван*, *кибитка* и др. обращается к более поздним заимствованиям. Здесь и лексические единицы, именуемые *лицо* (*аллах*, *аманат*, *бек*, *гяур*, *дервиш*, *мулла*, *паша*, *янычар* и др.), и предметы (*арба*, *аул*, *базар*, *барабан*, *башлык*, *бурдюк*, *бурка*, *караван-сарай*, *коран*, *чадра*, *чекмень*, *шашлык* и др.).

В XX веке этнически русские поэты и писатели, живущие внутри другой национальной культуры, также широко способствовали проникновению тюркизмов в русскую речь (О. Постников, Р. Тамарина, Н. Буканов, В. Качаев, Н. Красильников, Н. Куликов, Н. Лукьянов, В. Шаповалов) [7. С. 17—18]. Привлечение этнически русскими авторами заимствований обусловлено бикультурной средой, стыком русской и тюркских культур. Таким образом, культура иного народа, внутри которого формируется творческая личность, становится неотъемлемой частью «художественно-эстетического мира» творческой личности [8. С. 41]. Отсюда и тщательный отбор заимствованной лексики. В одних случаях она привлекается для обозначения отсутствующего понятия в первичной культуре, в других — для создания национальных образов иных культур. Не случайно, анализируя дифференциацию заимствованных слов в русской поэзии и прозе, ученые разделяют тюркизмы с точки зрения их назначения и выполняемых ими функций на лексические / номинативные и стилистические / эстетические [8. С. 17]. Таким образом, можно говорить о том, что тюркизмы в художественной «литературе пограничья», созданной этнически русскими писателями, привлекаются не только с целью номинации отсутствующих в русской культуре предметов и явлений, но и для выполнения художественных / эстетических функций.

В качестве примера приведем фрагменты из статьи З.К. Темиргазинной [8. С. 29—43], посвященной изучению произведений русского поэта Павла Васильева, выросшего внутри казахстанской культуры. Анализируя лирические произведения этого поэта, ученый отмечает их транскультурность. Основываясь на методологии транскультурной литературы (М.В. Тлостанова и др.) в процессе анализа, исследователь характеризует поэзию П. Васильева как транскультурную и относит ее к так называемой пограничной литературе. «Транскультурность находит выражение на внешнетекстовом уровне художественных произведений: в тематике, в иноязычных вкраплениях и вставках» [8. С. 35—36]. К примеру, приводя в статье фрагменты стихотворений, З.К. Темиргазина относит к внешнему уровню проявления транскультурности следующие тюркизмы: *юрта, аркан, касэ, джигит, урман, кумыс, бурдюк, малахай, найпаки* [8. С. 29—43]. «Что гораздо важнее, транскультурная сущность авторского сознания создает гибридные тексты, содержащие симбиотическую семиотику словесных образов, демонстрирующие гибридные каноны и символы, в которых соединяются элементы казахских и русских культурных стереотипов и кодов, непротиворечиво сосуществующих в художественном мире Васильева. В результате создается специфическая в семиотико-эстетическом плане поэтическая картина мира, обогащенная парадигмами двух различающихся культур, которая является уникальным вкладом в русскую литературу и культуру» [8. С. 29—43].

Е.Н. Кремер, изучая «гибридные» художественные тексты, в частности произведения родившегося в Баку и жившего там до 25-летнего возраста современного писателя Афанасия Мамедова, также отмечает соединение элементов двух культур — азербайджанской и русской [9. С. 139—143]. Так, анализируя авторский сборник А. Мамедова «Время чётков», Е.Н. Кремер замечает, что каждый русский читатель осознает национальную самобытность этих текстов. Приведем несколько примеров: «Казалось, им пропитан самый воздух Карабаха — горный, прозрачный, чистый-чистый, как песня *ашугов, сазандаров...* Как понеслась легко и свободно тутовка до самых кончиков пальцев, точно ширазская джанги... Певец с усами ниточкой над эфиопскими губами и голосом евнуха пел томные, как хорасанские сады, как минареты долгие — мугаммы... Глаза свои вылупил, как байгуш... Тётя Нигяр, тоненькая, будто струны тара...» и др. [9. С. 139—143].

Говоря об образной системе А. Мамедова, Е.Н. Кремер пишет, что особая, иная система образов погружает русскоязычного читателя в окружающую действительность, жизнь, конкретные реалии, быт, обычаи, традиции и в целом — азербайджанскую культуру. Носитель русской языковой культуры, не владеющий азербайджанским языком, получает из этих текстов не только источник информации, «но и нечто большее — то, что завораживает читателя в процессе чтения» [9. С. 143]. Вывод о гибридности текстов этого писателя подтверждается и мнением другого ученого: «Мамедов создает гибридное воображаемое пространство как столкновение реального, “родного” топоса Баку (утраченного Эдема его детства) и другого, чужого, так и не освоенного топоса Москвы, где только небольшие и тщательно выбранные островки могут стать родными для героя. Наконец, он создает и абсолютно воображаемое гибридное пространство “между”... Рушди, вероятно, назвал бы этот фантазмагорический гибридный мир “Ба-сквой”» [10].

Благодаря заимствованиям создается особая, аутентичная в культурном плане система образов, формирующаяся за счет лексики с национально-культурным компонентом и способности трансформировать синтаксическую систему русского языка не только с целью создания экзотического колорита изображаемого мира, но и для того, чтобы усилить иллюзию присутствия читателя в новой для него системе образов и неожиданном культурном контексте. В этом случае эстетические функции заимствований имеют текстообразующий и сюжетобразующий характер.

О функциях заимствований в русскоязычных художественных текстах нерусских авторов

В русскоязычных произведениях киргиза Чингиза Айтматова, абхаза Фазиля Искандера, казаха Олжаса Сулейменова и многих других этнически нерусских писателей читатель довольно часто встречается с заимствованной лексикой из этнического языка автора, например: *ниада* и др. у Ф. Искандера, *манкурт*, *шири*, *атан*, *кайманча* и целый ряд других тюркизмов у Ч. Айтматова. Как правило, эти лексические единицы транслитерируются, передаются русской графической системой, склоняются по законам русского языка. Кроме того, встречается в поэтических и прозаических текстах «эксплуатация» синтаксических возможностей русского языка.

По всей видимости, известный российский ученый, специалист по литературе XX века Н.Л. Лейдерман, размышляя о том, как создается в русскоязычных текстах нерусских авторов особая национальная картина мира — «та самая иллюзия “нерусского” видения мира в одежде русского слова», пишет о том, что «типы образных ассоциаций — это механизмы самых интимных, подсознательных психических реакций» [11. С. 44]. Пожалуй, в заимствованных лексических единицах, синтаксических конструкциях и отражаются порожденные «условиями жизни — природой, бытом, трудом, нравами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века» те «самые мельчайшие архетипы национального сознания», на которые указывал Н.Л. Лейдерман. Национальные образные ассоциации достаточно осязаемы, «ведь мы говорим о грузинском юморе, основанном зачастую на материализации метонимий, или об экзальтированности и склонности к гиперболизму в еврейской обыденной речи, или о доходящей до буквализма предметности речи у народов Севера, мы достаточно отчетливо различаем по темпоритму и синтаксису напевную украинскую речь и клокочущую речь кавказца и т.д., и т.п.» [11. С. 44].

Попытаемся рассмотреть функции заимствованной лексики в поэтических произведениях тувинского писателя Э.Б. Мижита. Мижит вошел в тувинскую поэзию как несомненный новатор. Благодаря созданным им верлибрам и *ожук дажы* — сакральным тувинским трехстишиям, раскрывающим связь между человеком и его священным жизненным пространством, — сформировалась так называемая поэзия мысли, отличительной особенностью которой стало осмысление лирическим героем факта своего существования внутри Бытия — исторического, панхронического, социального. Лирический герой Мижита — это личность, находящаяся на перекрестке культур, времен, рационального и бес-

сознательного. В некотором смысле это личность метафизически «расщепленная» (мотив двойничества у Мижита рекуррентен), однако перманентно стремящаяся к обретению изначальной божественной целостности. В этом проявлен не только гераклитовский императив к познанию внешнего бытия индивидуума как продолжения его самого, но и пантеистический модус миропостижения, значимый для тувинской национальной культуры. В лирических текстах Мижита инокультурные вкрапления довольно скудны. Примечателен тот факт, что этнокультурными коннотациями наделены, как правило, нейтральные слова русского языка (*орел, табун, охотник* и др.), которые при комплексной дешифровке обретают архетипическое и концептуальное значение. Однако в отдельных случаях поэт прибегает к использованию национально-маркированной лексики, которая сигнализирует о зонах перехода между художественно воссозданными онтологическими локусами:

Здесь Небо само
благословило это пространство
и позволило жить
во всех временах одновременно,
и назвало Тувой
это священное место,
эту священную землю,
где посчастливилось мне
родиться и жить
в слоистых потоках времен,
как в вечных водах родного Улуг-Хема.

Улуг-Хем — не просто гидроним, номинативно апеллирующий к конкретной географической реалии (река Енисей). В тувинской лингвокультуре это сакральный символ (в переводе на русский — «Великая река»), антропоморфный по своей природе: как человек, река (которая в тувинских сказаниях имеет дополнительные номинации Энэ-сэй «Мать-река» и Великий Отец) может грустить, радоваться, гневаться. Это великий дух родины, божество, соприкасающееся с человеком, дарующее ему витальную силу, изобилие, благодать. Включением этого заимствования в текст стихотворения автор позволяет читателю соприкоснуться с миром своей культуры — миром, в котором человек и природа едины и неразделимы.

В стихотворении «Место, где Бог» Мижит сравнивает Туву с таинственным звуком каргыраа:

Говорят, что ты
проста, как загадка,
но для меня ты —
таинственный звук *каргыраа*,
звук, в котором Небо с Землей
ищут друг друга, тоскуя,
и встречаются здесь —
в душе человека.

Займствованное слово «каргыраа» для русскоязычного читателя «непрозрачно», оно требует дополнительных усилий для дешифровки. Если читатель осуществит интеллектуальную работу по распознаванию иноязычного элемента, он будет вознагражден. Каргыраа — разновидность горлового пения, рожденного в акте *вживания* (не подражания!) звукам живой природы с целью слияния с макрокосмосом — Вселенной. Древние тувинцы мыслили себя органической частью природного мира и стремились постичь его эссенциальную природу, вникнуть в суть познаваемого явления. В пении *каргыраа*, которое воспроизводило плач верблюдицы по верблюжонку, явлен и модус трагического (утрата), и стремление охватить — духовно — и интеллектуально — конечность жизни существа в его физическом воплощении, и понимание бесконечных трансформационных процессов жизни и бесконечности всего сущего, и принятие факта чередования жизни, смерти, возрождения, бытия в новом качестве. Это слово выполняет функцию архетипического кумулятива, культурного сигнификатора и концептуального конструкта, позволяя читателю приобщиться к ментальному пространству инокультурного бытия.

«Поэтическое творчество не ограничивается ретрансляцией культурных кодов... автор, избирающий русскоязычие одной из форм своего онтоязыкового бытия, генерирует новое знание о мире, производит новые смыслы, способствует трансформации воспринимающей его аудитории» [12. С. 234—235].

В русском художественном тексте писателя-билингва как в способе описания национального образа первичной культуры рельефно проявляется взаимосвязь между продуктами языковой и ментальной деятельности двух разных способов отражения действительности. Эту взаимосвязь можно охарактеризовать следующим образом: способ описания русскоязычным писателем художественного образа первичной культуры отображает и закрепляет выработавшийся в этом первичном национальном общественном сознании типовой способ осмысления фрагментов действительности, но речевыми средствами приобретенной языковой культуры, в которой, в свою очередь, выработан свой способ описания этих же фрагментов. Иными словами, в этом способе описания зафиксированный итоговый результат процесса осмысления мира той или иной культурой передается внешней культуре на естественном языке последней. Наличие в русской языковой культуре данного способа описания объекта свидетельствует о высокой степени ее кодируемости. Такой способ описания обусловлен тем, что «вторичный» языковой мир представлен в сознании творческого билингвального индивидуума как второй субъект наравне с первым. Национальный образ «первичной» языковой культуры предстает в этом случае в качестве объекта одновременно для двух субъектов. То есть речевая деятельность творческой билингвальной личности проходит в отличных от носителя языка условиях. Наличие двух разных типов языков и языкового поведения и чуткое реагирование читателя ставит перед такой личностью проблему смены кода и заставляет ее осознать существование отношений выбора между языковыми средствами, наличие правил этого выбора на «вторичном» языке. Это заставляет билингвальную личность изменять нормы общения. В русском тексте появляются необычные словообразовательные модели построения высказывания, заимствованные элементы из первичного языка писателя приобретают новые эстетические функции (в сравнении с русскими писателями)

и т.д. Благодаря этому достигается создание адекватного художественного (тюркского) образа.

В статье «О проблеме художественно-литературного двуязычия» Н. Михайловская пишет: «Проблема отдельного слова в национальном произведении может рассматриваться под двумя, относительно самостоятельными, углами зрения: в одном случае «точкой отсчета» является его понятийно-смысловое содержание, в другом — его художественно-выразительная функция» [13. С. 61].

Тюркизмы, вовлеченные в описание художественного образа, чаще выполняя номинативную функцию, способствуют выработке взгляда на культуру «внешнюю» (по Лотману) или на «Другое» (по Бахтину); одновременно с этим русская культура идентифицирует себя. Но наравне с этими качествами они приобретают новое, обогащенное при использовании их русскоязычными писателями. Здесь их использование выполняет не только и не столько номинативную функцию, сколько эстетическую, художественную, поскольку понятийное поле их расширяется в силу передаваемых на русском языке их семантических характеристик и тех значений, которые тесно переплетены с формами национальной культуры [14].

Заключение

Овладевая другим языком и осваивая литературные нормы приобретенного языка, творческая билингвальная личность усваивает выработанные предшествующими поколениями данной языковой культуры способы осмысления фрагментов внутреннего и внешнего мира и тем самым получает доступ к достижениям общественного сознания. Лексика с национально-культурным компонентом семантики выполняет самые разные художественные функции: сюжето- и текстообразующую, связанные с механизмом порождения текста как единого целого; оценочно-характеристическую, входящую в художественную систему текста как знак авторской модальности как прием интерпретации и эстетической оценки персонажа или сюжетной ситуации; характеризующую, положенную в основу раскрытия доминантных качеств личности персонажа; субъективно-познавательную, отражающую точку зрения персонажа по поводу тех или иных сюжетных ситуаций или выявляющую его субъективную эмоционально-экспрессивную оценку других действующих лиц; функцию конкретизации, используемую для описания психического и эмоционального состояния героя; символическую; кумулятивную; архетипическую; гносеологическую; концептуальную; экспланаторную.

Заимствованная лексика с национально-культурным компонентом семантики выступает своеобразным сигнификатором перехода в иную этнокультурную реальность, в которой читатель может приобщиться к новым для себя фрагментам действительности, а потому потенциал ее научного осмысления неисчерпаем.

Список литературы

1. *Гринберг С.А.* Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

2. *Гируцкий А.А.* Лексическая интерференция при переводе как особом виде билингвизма (на материале переводов белорусской поэзии на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1981.
3. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
5. *Бахтикиреева У.М.* Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
6. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.
7. *Орешкина М.В.* Тюркские слова в современном русском языке (Проблемы освоения). М.: Academia, 1994.
8. *Темиргазина З.К.* Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 18. № 1. С. 29–43. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43
9. *Кремер Е.Н.* Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010
10. *Глостанова М.В.* Афанасий Мамедов: «За свою жизнь автор может неузнаваемо перемениться». Московский книжный журнал (26 октября 2014). URL: <https://morebook.ru/interv/item/1414347563173#gsc.tab=0>. Дата обращения: 29 августа 2020.
11. *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения): материалы XIII научно-практ. конф. словесников. Екатеринбург, 23–24 октября 2007 г. Екатеринбург: Урал. Гос. пед. ун-т, НИЦ Словесник, 2007.
12. *Валикова О.А., Шагимиреева Б.Е., Кулиева Ш.А.* Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 230–249. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16
13. *Михайловская Н.Г.* О проблемах художественного двуязычия // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 63–65.
14. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБО и МИ, 2009.

References

1. Grinberg, S.A. 2011. “Belorussko-russkii khudozhestvennyi bilingvizm v kognitivno-diskursivnom i lingvokul'turologicheskom aspektakh”. Candidate of Philology Thesis (Abstracts). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. Print. (In Russ.)
2. Girutskii, A.A. 1981. “Leksicheskaya interferentsiya pri perevode kak osobom vide bilingvizma (na materiale perevodov belorusskoi poezii na russkii yazyk)”. Candidate of Philology Thesis (Abstracts). Minsk. Print. (In Russ.)
3. Heidegger, M. 2008. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya*. Moscow: Akademicheskii projekt. Print. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. 1986. Moscow: Iskusstvo. Print. (In Russ.)
5. Bakhtikireeva, U.M. 1995. “Khudozhestvennyye funktsii leksiki s natsional'no-kul'turnym komponentom semantiki v romane Ch. Aitmatova «I dol'she veka dlitsya den'»”. Candidate of Philology Thesis (Abstracts). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. Print. (In Russ.)
6. Kornilov, O.A. 2011. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov*. Moscow: KDU. Print. (In Russ.)
7. Oreshkina, M.V. 1994. *Tyurkskie slova v sovremennom russkom yazyke (Problemy osvoeniya)*. Moscow: Academia. Print. (In Russ.)
8. Temirgazina, Z.K. 2020. “Transculturalism and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 18 (1): 29-43. doi: 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43

9. Kremer, E.N. 2010 Problemy rusko-inonatsional'nogo bilingvizma (yazykovaya i etnicheskaya identichnost' bilingval'noi lichnosti). Diss ...Candidate of Philology. Moscow. Print. (In Russ.)
10. Tlostanova, M.V. "Afanasii Mamedov: «Za svoyu zhizn' avtor mozhet neuznavaemo peremenit'sya»". Moskovskii knizhnyi zhurnal (Oct., 26, 2014). Web. Access: Aug., 29 2020. <https://morebook.ru/interv/item/1414347563173#gsc.tab=0>
11. Leiderman, N.L. 2007. "Russkoyazychnaya literatura — perekrestok kul'tur". In Vzaimodeistvie natsional'nykh khudozhestvennykh kul'tur: literatura i lingvistika (problemy izucheniya i obucheniya) Proceedings. Ekaterinburg, Oct., 23—24, 2007 g. Ekaterinburg: GOU VPO Ural. Gos.ped.un-t, NITs Slovesnik. Print. (In Russ.)
12. Valikova, O.A., B. E. Shagingereeva, and Kulieva Sh.A. 2020. "Kosmos v logose: translingval'naiia poeziia Eduarda Mizhita i Bakhyta Kairbekova". New Research of Tuva 4:230-249. Print. (In Russ.)
13. Mikhailovskaya, N.G. 1979. "O problemakh khudozhestvennogo dvuyazychiya". Voprosy yazykoznaniya 2: 63-65. Print. (In Russ.)
14. Bakhtikireeva, U.M. 2009. Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya). Astana: TsBO i MI. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных студентов, МГИМО(У). E-mail: l.dianova56@mail.ru

Bio Note:

Ljudmila P. Dianova is a Ph.D in Philology, Assistant Professor, Chair of the Russian Languages for Foreign Students, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: l.dianova56@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-207-215

Overview Article

The Mission of Teaching: to the 100th Anniversary of R.B. Nurtazina

A.E. Agmanova, L.E. Tokatova

Pavlodar Pedagogical University
60, Mira St., Pavlodar, 140003, Republic of Kazakhstan

Abstract. The article analyzes the role and significance of R.B. Nurtazina in the development of modern Kazakhstani linguodidactics. The reason for writing the article was the First International Pedagogical Readings “School — Teacher — Innovations in the Modern World”, held at Pavlodar Pedagogical University from March 1 to March 9, 2021. The co-organizers were Al-Farabi Kazakh National University (RK, Almaty), L.N. Gumilyov Eurasian National University (RK, Nur-Sultan), Peoples’ Friendship University of Russia (RF, Moscow), Kazakhstan Association of Teachers of the Russian Language and Literature (KAZPRYAL), Kazakhstan Public Association “Graduates of Russian Universities”, Academy of Children’s Books “ALTAIR” and a team of scientific educational project “Epoch and Personality”.

Key words: teaching Russian language, Russian in Kazakhstan, personality, R.B. Nurtazina

Article history:

Received: 03.12.2020

Accepted: 14.03.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Agmanova, A.E., and L.E. Tokatova. 2021. “The Mission of Teaching: to the 100th Anniversary of R.B. Nurtazina”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 207–215. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-207-215

© Agmanova A.E., Tokatova L.E., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Миссия учительства: к столетию Р.Б. Нуртазиной

А.Е. Агманова, Л.Е. Токатова

Павлодарский педагогический университет
Казахстан, 140005, Павлодар, ул. Мира, 60

Аннотация. В статье анализируется роль и значение Р.Б. Нуртазиной в развитии современной казахстанской лингводидактики. Поводом для этого стало проведение Первых международных педагогических чтений «Школа — учитель — инновации в современном мире», прошедших на базе Павлодарского педагогического университета с 1 по 9 марта 2021 года. Соорганизаторами стали Казахский национальный университет им. аль-Фараби (РК, Алматы), Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (РК, Нур-Султан), Российский университет дружбы народов (РФ, Москва), Казахстанское общественное объединение преподавателей русского языка и литературы (КАЗПРЯЛ), Казахстанское общественное объединение «Выпускники российских вузов», Академия детской книги «ALTAIR» и команда научно-просветительского проекта «Эпоха и личность».

Ключевые слова: преподавание русского языка, русский язык в Казахстане, персоналии, Р.Б. Нуртазина

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 00.00.202*

Дата принятия к печати: 00.00.202*

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Агманова А.Е., Токатова Л.Е. Миссия учительства: к столетию Р.Б. Нуртазиной // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 207—215. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-207-215

Introduction

The highest degree of real recognition and popularity in teacher's life is when the surname does not require any explanations, or even a presentation in the form of initials or first name. Rafika Bekenovna stepped over this almost unattainable altitude: in the Kazakh teaching environment it is enough to say "Nurtazina", and, perhaps, no one doubts that we are talking about a famous teacher — Rafika Bekenovna Nurtazina.

Nurtazina is the only one who managed to bring hundreds of rules of the Russian language for Kazakh children into an entertaining channel. The flexible and sometimes self-willed Russian language could embroil anyone, even the most friendly community of philologists, but Rafika Bekenovna was able to find her pedagogically non-conflict

path: she did not strive to drive the language into a rigid framework of rules, and with her magic touch a whole series of books appeared: “Entertaining grammar. Phonetics” (1964), “Entertaining grammar. Morphology” (1966), “Entertaining grammar. Syntax” (1970), “Entertaining grammar” (1990). This scientist never tried to lock her scientific interests on one didactic problem, her colossal talent was addressed to everyone at once: to her students — when she addressed her books to them, felt the urgent need, her life purpose was to write for them; to her associates — when, being the director of school number 12 in Alma-Ata — the first school with in-depth study of the Kazakh and English languages, she knew how to see their talent and reveal their potential, to followers — when she attracted them to her with her soft look, clear speech, beautiful voice and selfless service to their work; to her family — because, having lived with her husband Dyusen Alibaevich Suleimenov for 60 years in peace and love, she raised her children in a conscientious working atmosphere, leaving them a legacy of the upbringing of industriousness as the most important condition for human happiness. The teacher talked to everyone at the same time and out of time.

Nurtazina was one who united the entire pedagogical community at a grand event: The first international pedagogical readings “School — teacher — innovations in the modern world”. Since the range of Rafika Bekenovna’s pedagogical skills was very wide, varied and bright, the program of Pedagogical Readings was non-standard, rich and diverse. It comprised an international scientific and practical conference, advanced training courses, a republican essay competition “Love open lessons: thank you, my students”, a series of educational events of the Academy of Children’s Books “ALTAIR” for schoolchildren and students and many other events that took place in different parts of the country.

Discussion

The opening session of the First International Pedagogical Readings “School — Teacher — Innovations in the Modern World”, dedicated to the 100th anniversary of the birth of the famous Kazakh teacher-innovator, philologist, public figure, Honoured Teacher of Kazakhstan Nurtazina Rafika Bekenovna, took place on March 1, 2021. Leading scientists from 14 countries made the conference an authoritative platform for dialogue between science and education.

The event was opened by welcoming addresses from the Rector of Pavlodar Pedagogical University Zhanbol Oktyabrovich Zhilbayev, the President of MAPRYAL Vladimir Ilyich Tolstoy, the Vice-President of MAPRYAL D. Davidson, the Deputy of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan Altynbek Nukhuly, the Head of the Representative Office of Russian cooperation in the Republic of Kazakhstan, the Director of Russian Center of Science and Culture in Nur-Sultan, Counselor of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Kazakhstan A.A. Koropchenko. The plenary session was continued by the leaders-generators of scientific ideas — a member of the Presidium of MAPRYAL, the President of KAZPRYAL, Ph.D., professor of Al-Farabi Kazakh National University Suleimenova Eleonora Dyusenovna, Ph.D., professor of

the Peoples' Friendship University of Russia Vladimir Pavlovich Sinyachkin and Uldanai Maksutovna Bakhtikireeva, Ph.D., professor of Al-Farabi Kazakh National University Shaimerdenova Nursulu Zhamalbekovna.

The presentation of the books “Rafiha Nurtazina’ in 2 volumes was conducted by her daughter, a member of the Presidium of MAPRYAL and the President of KAZPRYAL, Ph.D., professor Suleimenova Eleonora Dyusenovna. The presentation was received by the participants of the Pedagogical Readings with sincere approval and gratitude, since the principles of teaching of the teacher-innovator Rafika Nurtazina even today remain relevant, essential, consonant with methodological approaches and new linguodidactic concepts in the field of school education and, in general, language training at school and university.

The work of the plenary session was provided by reports: of the candidate of pedagogical sciences, professor of Armenian Pedagogical University Minasyan Svetlana Mikhailovna, Ph.D., professor of Higher School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University (PPU) Sagyndyuly Beken, Ph.D., professor of Abay Kazakh National Pedagogical University Musatayeva Manatkul Shayakhmetovna, Ph.D., professor of the L.N. Gumilyov Eurasian National University (ENU) Urazaeva Kuralay Bibitalievna, Ph.D., a writer and translator Askar Lailya.

The need to understand the meanings of R.B. Nurtazina’s works and the high assessment of her pedagogical heritage were revealed by the report of Ph.D., professor K.B. Urazayeva: “Now, in connection with the renewal of methodological approaches, scientists focus on “developmental education”, on the construction of textbooks based on the principle of concentric study of topics. This approach was anticipated in the books of R. Nurtazina, which earned them not only recognition and popularity, but also ensured for many years the reputation of an inexhaustible laboratory of pedagogical technologies and innovative solutions” [1. P. 107].

The solemn moment of the plenary session was associated with the presentation of A. Pushkin’s medal (MAPRYAL) to Ph.D., professor of Pavlodar Pedagogical University Atirkul Yegemberdievna Agmanova.

Poetic dedications of Kazakh poets to Rafika Nurtazina performed by students of L.N. Gumilyov Eurasian National University and K. Zhubanov Aktobe Regional University completed the work of the plenary session.

The first day of the conference ended with the work of three directions. The main intonation of the first direction “Heritage of R.B. Nurtazina and modern linguodidactics” was identified by the reports of A.S. Shcherbak, R.E. Igbayeva, K.L. Kabdulova, A.S. Nusupbekova, R.D. Ashimbetova, M.Sh. Sarybay, K.K. Madibay, and K.T. Mukhamadi, V.D. Narozhnaya, A.E. Agmanova, R.K. Okanova, A.Yu. Osipova. The exchange of professional experience was accompanied by warm personal memories of the participants about R.B. Nurtazina.

The head of the Russian Language Department of the Faculty of Philology and Journalism, G.R. Derzhavin Tambov State University, professor L.S. Shcherbak marked in the report: “Entertaining onomastics as the embodiment of innovative ideas of amusement in the methodological and pedagogical activities of R.B. Nurtazina”. The works of the scientist-methodologist R.B. Nurgazina paved the way for the creation of a

new generation of nationally oriented textbooks on Russian as a foreign language, aimed at maintaining interest in Russian culture and developing the process of intercultural communication, strengthening ethno-oriented teaching of the Russian language.

Against the background of numerous speeches related to the professional activities of Rafika Bekenovna, the words of a professor V.D. Narozhnaya: “Rafika Bekenovna left us a huge legacy in the form of books, educational and teaching aids. Age is not subject to books, they carry a precious load of knowledge from one generation to the next. Rafika Bekenovna’s books have played a certain role in my life as well. For the first time, I took in my hands the book by R.B. Nurtazina “Entertaining grammar” during teaching practice, being a student of the Faculty of Philology. Searching for material for the lesson, I could not decide what to use for a long time, what to decorate the lesson with — charades, puzzles, or a crossword? Finally, I stopped at etymological sketches. After the lesson, when I was thinking about every minute of it, I suddenly realized a simple truth: it is not enough to be literate, you have to love your subject and captivate students with this love. It happened after reading “Entertaining grammar”, that I discovered an interesting and endless section of linguistics for myself — an etymology. The skillful use of which makes it possible to improve the spelling literacy of students, contributes to the conscious and lasting digestion of the norms of the modern Russian language, forms an interest in its deep study, reveals the patterns and ways of language development and improvement, and also significantly expands the general and linguistic horizons of students” [2. P. 75].

One of the great interest of the audience was the speech of the teacher of the Russian language and literature R.K. Okanova, who presented the report “Recognition to the teacher” [3]. Everyone who knew Rafika Bekenovna personally impatiently awaited the report by K.L. Kabdulova. Representing her personal pedagogical experience, the speaker formed a number of life lessons: “The first conversation with a person whom I consider my Teacher in pedagogy, of course, will be remembered for the rest of my life. Moreover, it caused me, being a young teacher of the Russian language and literature, a special thrill and excitement. It was on a warm autumn day that I received the first lesson in life: a person, for whatever reason he comes, you need to be able to listen” [4. P. 44]. “Serving her work, this Master worked from morning to evening, without rest, with dignity, with honour. Everything, with everyone, for everyone — these are the main words in the life and work of Rafika Bekenovna Nurtazina”, — so K.L. Kabdulova defined the teacher’s credo [4. P. 47].

Work in the second direction “Modern trends in teaching the Russian language and literature” lasted two days. The main speakers were scientists from Slovakia E. Borisova and M. Buynyak, from Kazakhstan — Sh.K. Zharkynbekova, Z.K. Temirgazina, Z.K. Sabitova, and I.F. Nazarova. Also, spoke the teachers of Pavlodar Pedagogical University: O.K. Andryushchenko, G.K. Abzuldinova, L.E. Tokatova, and E.P. Garanina.

The tribune of the third direction “Innovative technologies of teaching the Kazakh language and literature” made it possible to present innovative developments in the field of the Kazakh language, share the experience of teaching philological disciplines in the Kazakh language. Key speakers Zh.K. Sagyntayeva and B.P. Subit, K.A. Kiiikshi, M.I. Orazkhanova, Y.B. Shakaman, I.R. Gross, and A. Kanzelkhan created a lively discussion.

Within the work of fourth direction, interesting reports were presented on topical themes in the field of teaching a foreign language (L.I. Ikram, Zh.B. Kurmanova, A.E. Baitlesova, A.Sh. Zhumasheva, Z.Kh. Shakhputova, A.E. Shaiman).

At the meeting of the fifth direction “Actual problems of teaching social and humanitarian disciplines”, reports were heard: A.E. Karimova, M.K. Tuyebaev, Z.Sh. Aitkenov, A.S. Dauletova, N.E. Kuzembayev, B.K. Akshulakova, and O.P. Wagner. The following university lecturers and schoolteachers spoke on the use of active teaching methods in the context of distance learning, criteria-based assessment, project activities and the use of innovative technologies in the practice of higher and secondary education. During the work, the conference participants shared their views on the specifics of developing educational programs and learning strategies in the context of the updated content of education and outlined the main recommendations following the meeting.

The advanced training courses “Modern linguodidactics at school and university”, planned within the framework of the First International Pedagogical Readings “School — Teacher — Innovations in the Modern World”, became another gift of the pedagogical community of Kazakhstan and Russia. The course program was aimed at updating modern trends in the field of philological science, the theory of digestion and methods of teaching philological disciplines at school and university.

On the first day, the course participants were offered substantial sessions conducted by the head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication of RUDN University, Ph.D., professor V.P. Sinyachkin, Ph.D., professor of Higher School of Humanities of PPU Z.K. Temirgazina, and Ph.D., professor of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev ENU K.B. Urazayeva.

On the second day, outstanding scientists shared their most valuable experience and wealth of professional knowledge: Ph.D., professor of the Department of the Russian language and intercultural communication RUDN University U.M. Bakhtikireeva; Ph.D., professor of the Department of the Kazakh language and Turkic studies of Nazarbayev University Z.S. Kuzekov; and Ph.D., professor of Higher School of Humanities of PPU B. Sagyndyuly.

The students of the courses got acquainted with the logic of teaching pedagogical and scientific creativity on the interactive basis of Ph.D., associate professor of the Higher School of Humanities of PPU B.D. Nygmetova, and sessions of Ph.D., professor of the Department of Russian Philology and World Literature Al-Farabi KazNU N.Zh. Shaimerdenova, Ph.D., professor of the Higher School of Humanities of PPU A.E. Agmanova, and Ph.D., associate professor of the Department of Russian Philology and World Literature Al-Farabi KazNU D.B. Amanzholova.

The closing ceremony of the First International Pedagogical Readings began with a report by S.V. Murzakulov, Vice-Rector for Research and International Cooperation on the results of the work of the international scientific and practical conference and the advanced training courses “Modern linguodidactics at school and university”. Vice-rector S.V. Murzakulov presented a collection of conference materials, certificates for participants in conferences and courses, letters of thanks to the organizers. Reports on the results of the work of the directions of the international scientific and practical conference were heard. Co-organizer from Al-Farabi KazNU Ph.D., professor N.Zh. Shaimerdenova made a summary of the events dedicated to R.B. Nurtazina, presented a wonderful edition

“Letters to the Teacher: from generation to generation”, which is a collection of letters from relatives and friends, children, grandchildren, fellow followers, students of Rafika Bekenovna, as well as essays written in the “letter to the past” genre from teachers and schoolchildren, teachers and university students, who in different years were inspired by the legacy of an outstanding teacher, educator-innovator.

Warm words of gratitude of Ph.D., professor E.D. Suleimenova and grateful letters from KazPRYaL. E.D. Suleimenova made specific mention of the contribution of Ph.D., professor A.E. Agmanova and organizers from PPU — Ph.D., associate professor L.E. Tokatova, Ph.D., associate professor M.I. Orazkhanova, and senior lecturers G.K. Abzuldninova, E.P. Garanina, D.V. Pashkanyan and a teacher K.B. Aidarkenova.

In the final part of the closing ceremony, the film “Rafika Nurtazina: Life Lessons” from the series “100 Historical Personalities of the Pavlodar Priirtyshe”, produced by the creative team of Pavlodar Pedagogical University, was demonstrated.

Although the merits of Rafika Bekenovna are recognized and appreciated — she is a Hero of Socialist Labour (1968), Honoured teacher of schools of Kazakhstan (1966), Excellent worker of public education of the Kazakh SSR (1956), Honorary citizen of the city of Almaty (1994), Laureate of the Pushkin Prize (Moscow, 2001), Laureate of the Platinum Tarlan Prize (2002); awarded the Order of Lenin and the Hammer and Sickle gold medal (1968); two Orders of the Badge of Honour (1960, 1963); the order “Kurmet” (2010); medals “For Valiant Labour in the Great Patriotic War 1941–1945”, “For Labour Valour”, “For Valiant Labour”, “In commemoration of the 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin”, “Veteran of Labour”, the medal of A.S. Pushkin (MAPRYAL, 2001), certificates of honour of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1964, 1981), the Presidium of the Supreme Soviet of the Kazakh SSR (1966, 1981), the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR and the Central Committee of the Trade Union of Education Workers (1982), the Ministry of Education of the USSR, the Ministry of Education of the Kazakh SSR, Assembly of the People of Kazakhstan (1996) — we have not said everything about her yet, about all the breadth and power of her talent, about the unique properties of her pedagogical skills.

Instead of Conclusion

Rafika Bekenovna devoted to teaching almost six decades, generously sharing her experience with everyone. Already in old age, she remained a teacher and a scientist — she wrote books and had creative plans. In addition, up to present day, many teachers who develop lessons, in despair, close the Internet and hopefully open Nurtazina’s books — the lesson will definitely turn out to be interesting and entertaining!

“Rafika Bekenovna passed away on April 1, 2013, a clear, spring day... The noise of conferences, crowded meetings and stormy scientific discussions was not heard, the running around in the school corridors subsided, and as if only her voice sounded: “Memories take me to my native village, and I, as before, breathe in the tart, rotten smell of meadow flowers and grasses, hear the singing of a lark high in the sky, and experience an unrestrained childish delight from everything I see and feel. Surrounded by girls and boys, running tirelessly across the bright green pasture, I run to my mother. Flushed with the heat of the flame, she looks at me, smiles affectionately and puts the balkaymak on

my palm with a spoon. I lick a fragrant, airy, extraordinary delicacy — and I remember its taste for the rest of my life — the taste of childhood!..”, Tatyana Biryukova wrote unusually lyrically, impressed, in her article “Love lessons of the legendary teacher of Kazakhstan” [5]. Speaking impartially, a special aspect of Nurtazina’s relationship with children, with associates, with followers, with family — came from childhood. She did not overshadow any of them. Therefore, it turns out that there are no others like she was!

References

1. Urazaeva, K.B. 2021. “Uchebник R.B. Nurtazinoy «Literaturnoe chtenie» dlya 6 klassa s pozitsiyi sovremennoy didaktiki”. In “School — teacher — innovations in the modern world: materials of the international scientific and practical conference in the framework of the First international pedagogical readings dedicated to the 100th anniversary of the birth of an outstanding teacher-innovator, public figure, Honored teacher of Kazakhstan, Hero of Socialist Labour, Ph.D. Rafika Bekenovna Nurtazina”. Pavlodar: PPU, 2021. Pp. 104—107. Print. (In Russ.)
2. Narozhnaya, V.D. 2021. “Budit’ chuzhuyu mysl’”. In “School — teacher — innovations in the modern world: materials of the international scientific and practical conference in the framework of the First international pedagogical readings dedicated to the 100th anniversary of the birth of an outstanding teacher-innovator, public figure, Honored teacher of Kazakhstan, Hero of Socialist Labour, Ph.D. Rafika Bekenovna Nurtazina”. Pavlodar: PPU, 2021. Pp. 72—77. Print. (In Russ.)
3. Okanova, R.K. 2021. “Priznanie uchitel’yu”. In “School — teacher — innovations in the modern world: materials of the international scientific and practical conference in the framework of the First international pedagogical readings dedicated to the 100th anniversary of the birth of an outstanding teacher-innovator, public figure, Honored teacher of Kazakhstan, Hero of Socialist Labour, Ph.D. Rafika Bekenovna Nurtazina”. Pavlodar: PPU, 2021. Pp. 82—87. Print. (In Russ.)
4. Kabdulova, K.L. 2021. “Masterstvo sovershenstvuetsya trudolyubiem”. In “School — teacher — innovations in the modern world: materials of the international scientific and practical conference in the framework of the First international pedagogical readings dedicated to the 100th anniversary of the birth of an outstanding teacher-innovator, public figure, Honored teacher of Kazakhstan, Hero of Socialist Labour, Ph.D. Rafika Bekenovna Nurtazina”. Pavlodar: PPU, 2021. Pp. 43—48. Print. (In Russ.)
5. Biryukova, T. Uroki lyubvi legendarnogo uchitelya Kazakhstana [Love lessons of the legendary teacher of Kazakhstan]. Web. Available at: https://www.dknews.kz/inner-news.php?id_cat=27%20&&%20id=168947 (accessed 18.01.2021).

Список литературы

1. *Уразаева К.Б.* Учебник Р.Б. Нуртазиной «Литературное чтение» для 6 класса с позиций современной дидактики // Школа — учитель — инновации в современном мире: материалы международной научно-практической конференции в рамках Первых международных педагогических чтений, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося педагога-новатора, общественного деятеля, Заслуженного учителя Казахстана, Героя Социалистического Труда, кандидата педагогических наук Нуртазиной Рафики Бекеновны. Павлодар: ППУ, 2021. С. 104—107.
2. *Нарожная В.Д.* Будить чужую мысль // Школа — учитель — инновации в современном мире: материалы международной научно-практической конференции в рамках Первых международных педагогических чтений, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося педагога-новатора, общественного деятеля, Заслуженного учителя Казахстана, Героя Социалистического Труда, кандидата педагогических наук Нуртазиной Рафики Бекеновны. Павлодар: ППУ, 2021. С. 72—77.

3. *Оканова Р.К.* Признание учителю // Школа — учитель — инновации в современном мире: материалы международной научно-практической конференции в рамках Первых международных педагогических чтений, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося педагога-новатора, общественного деятеля, Заслуженного учителя Казахстана, Героя Социалистического Труда, кандидата педагогических наук Нуртазиной Рафики Бекеновны. Павлодар: ППУ, 2021. С. 82–87.
4. *Кабдулова К.Л.* Мастерство совершенствуется трудолюбием // Школа — учитель — инновации в современном мире: материалы международной научно-практической конференции в рамках Первых международных педагогических чтений, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося педагога-новатора, общественного деятеля, Заслуженного учителя Казахстана, Героя Социалистического Труда, кандидата педагогических наук Нуртазиной Рафики Бекеновны. Павлодар: ППУ, 2021. С. 43–48.
5. *Бирюкова Т.* Уроки любви легендарного учителя Казахстана. [Электронный ресурс]: URL: https://www.dknews.kz/inner-news.php?id_cat=27%20&&%20id=168947

Bio Notes:

Atirkul E. Agmanova is a Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University. E-mail: agmanova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>; Researcher ID: E-5676-2015; eLibrary SPIN-код: 1184-7737

Lyudmila E. Tokatova is a Candidate of Philology, Associate Professor of Graduate School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University. E-mail: tokatoval@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>

Сведения об авторах:

Агманова Атиркуль Егембердиевна — доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета. E-mail: agmanova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>; Researcher ID: E-5676-2015; eLibrary SPIN-код: 1184-7737

Токатова Людмила Ербулатовна — кандидат филологических наук, доцент Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета. E-mail: tokatoval@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223

Интервью

Cōgitō, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом

О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

Для цитирования:

Валикова О.А. Cōgitō, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 216–223. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223

Intrview

Cōgitō, ergo sum: Interview with Eduard Mizhit

O.A. Valikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

For citation:

Valikova, O.A. 2021. "Cōgitō, ergo sum: Interview with Eduard Mizhit". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 216–223. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223

© Валикова О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Герой нашей беседы — самобытный тувинский поэт, драматург, ученый Эдуард Мижит. Мы поговорили с Эдуардом Баировичем о новаторстве в поэзии, о «поэзии мысли», о поиске новых смыслов и путей их художественного воплощения.

ПТП: Эдуард Баирович, в одном из Ваших программных заявлений, как отмечает исследователь Вашего творчества М.А. Хадаханэ, Вы говорите о том, что колодец литературы исчерпан; наступили сумерки культуры; литература переживает кризис: все приемы, жанры и темы в ней многократно отработаны. И все же в тувинскую литературу Вы сумели войти как новатор, привнеся в нее философское звучание, «поэзию мысли» и приспособив классический верлибр к этническому колориту ожук дажы в его мифопоэтической сложности, сакральности и жанровой аутентичности. Исследователи сходятся во мнении: благодаря Вам лирический герой тувинской поэзии получил возможность «осознать самого себя», испытать миг экзистенциального озарения («Я понял вдруг, что существую»). Ваш герой в большей степени думает, осмысливает Бытие (*Sōgitō, ergo sum*), нежели испытывает интенсивные эмоциональные переживания. Чем это обусловлено?

ЭМ: Во-первых, то, что я говорил об исчерпанности приемов, жанров и тем литературы, не является моим программным заявлением. Это элементарная констатация факта мировой литературы. Об этом давно уже говорят самые видные писатели мирового уровня. Многие писатели некоторых национальных, особенно младописьменных литератур, пока этого не ощущают, но я, говоря об этом, опирался на опыт мировой литературы в ее вершинных явлениях. Во-вторых, что касается верлибра и жанра ожук дажы, необходимо отметить, что данный жанр (ожук дажы) имеет строго определенную каноническую форму с четкими требованиями к строю, размеру и рифмовке строк. Таким образом, верлибр и ожук дажы в строгом смысле слова можно считать антиподами. В-третьих, что касается «поэзии мысли», то это, скорее всего, моя реакция на господствовавшую многие годы литературу соцреализма, в которой не очень много было свободной и независимой мысли. Было очень много эмоций и декларативного выражения

любви к родине, народу и т.д. Были, конечно, и очень большие писатели, тонкие лирики, вдумчивые прозаики и т.д. Но, как правило, их произведения с большим трудом доходили до широкого читателя. А желание и умение свободно и независимо мыслить, на мой взгляд, и отличает настоящего писателя от прочих. Тувинская литература, как известно, относится к младописьменным литературам, и со времени своего зарождения она оказалась под огромным влиянием эстетики соцреализма. Таким образом, как-то прошли мимо такие явления мировой культуры и искусства, как романтизм, символизм, имажинизм, магический реализм, модернизм, экзистенциализм и т.д. Нисколько не умаляя значения и достижений основоположников и классиков тувинской литературы, я вынужден признать, что все их произведения творились в одном русле, не было такого эстетического разнообразия, как в русской, европейской и восточной (японской, китайской и т.д.) литературах. Но, даже находясь в жестких рамках соцреализма, они смогли создать произведения, в которых, по выражению Пастернака, «дышат почва и судьба». Но эта страница в истории тувинской литературы, я считаю, давно заполнена, теперь нужно новыми произведениями с новой эстетикой и философией заполнять следующие страницы. И в связи с этим я вынужден признать, что для меня интеллектуальное и духовное пространство, ограниченное рамками соцреализма, оказалось слишком тесным прежде всего в эстетическом и философском плане. И с этим ощущением мне хотелось внести в тувинскую литературу что-то новое, незаемное и, тем более, не навязанное. С этим ощущением всех своих персонажей в драматических произведениях, даже в исторических пьесах, я ставлю в ситуацию экзистенциального выбора. Таким образом, я пытаюсь вплести философию экзистенциализма в тувинскую литературу. Насколько удачно получилось, не мне судить.

ПТП: Вы творите «на перекрестке» языков, культур и форм искусства. Ваша лирика овеществляется и в тувинском, и в русском Слове. Ваши тексты — это палимпсесты, в них множество смысловых уровней, которые могут апеллировать к широчайшему разнообразию культурных контекстов. Вы Поэт, Драматург, Ученый. Каждый раз — реализация «множественной» идентичности — языковой, культурной, социальной. Как Вам удается так органично существовать в условиях подобного «пограничья»? Или, возможно, пограничья нет, а есть попеременное бытование в разных «локусах» — языковых, художественных и социальных?

ЭМ: Когда я начинал писать, я не ощущал, что нахожусь на каком-то перекрестке. Если мне хотелось писать на русском языке, писал на русском, хотелось писать на тувинском языке, писал на тувинском. Все зависело от того, на каком языке мне в голову приходила та или иная мысль. Что касается палимпсестов, могу определенно сказать, что неизгладимое впечатление на меня произвели библейские притчи, тексты даосизма, буддизма, тексты Гермеса Трисмегиста, суфийские тексты, стихи Омара Хайяма и т.д. Особенно близкими мне оказались основополагающие принципы создания таких текстов. Как известно, все эти тексты отличаются многослойностью, множеством смысловых уровней. В этих текстах обычные слова и понятные образы прячут под собой слои философской мысли и духовных прозрений. Я понял, что нашел то, что давно искал, что это мое, и при создании своих текстов придерживаюсь таких же принципов. Опять

же не мне судить о том, получается это у меня или нет. Отвечая на вопрос о культурной «множественности», могу сказать, что с самого детства я много читал самой разнообразной литературы, особенно русской и европейской, естественно, переходя по мере взросления от простых к более сложным книгам, к примеру, грубо говоря, от Дюма к Гюго, от сказок братьев Grimm к Гёте, от Вальтера Скотта к Шекспиру, от Чуковского к Пушкину, Толстому, Достоевскому, Чехову и дальше в том же духе. И незаметно, естественным образом, видимо, впитал в себя все это, как трава впитывает из почвы все, что необходимо для роста и процветания. И, возможно, из-за этого внутренне не чувствую себя чужим в разных культурных пространствах. И по той же причине не ощущаю ни границ, ни пограничья, и в разных «локусах», наверно, существую не попеременно, а, скорее всего, одновременно.

ПТП: У Вас необыкновенно насыщенная биография — и, конечно, жизнь «человека внешнего» не может не сказаться на жизни «человека внутреннего». Как Вы пришли к Поэзии? Есть ли у Вас в ней «сверхзадача», фундаментальное (на уровне метатекста) послание своему Читателю — настоящему и будущему? Нередко в Ваших лирических миниатюрах разворачиваются поистине драматические события: лирический герой встречает Другого, который оказывается альтернативным воплощением его самого; проходит через тернии самопознания; пытается осмыслить Вечность в концентрации единственного (но такого бесконечного) мига. Этот насыщенный драматизм как-то обусловлен Вашим драматургическим творчеством? Пересекаются ли Ваши «творческие поля» между собой — и, если да, насколько конструктивно это пересечение?

ЭМ: О «человеке внутреннем». Так получилось, что с детства я человек не очень общительный, я мало участвовал в детских играх, мне больше нравилось смотреть, наблюдать за играми своих сверстников. Все свои эмоции я проживал внутренне, почти без внешних проявлений. Видимо, это обстоятельство и подтолкнуло меня к поэзии. Но уверенно не могу сказать, как я пришел к поэзии, это как-то само собой получилось. Насчет сверхзадачи на уровне метатекста я скажу, что согласен с тем, что поэт от книги к книге всю жизнь пишет одну книгу, только отсутствует надпись «продолжение следует». К сожалению, не помню, кто из известных писателей это сказал, но по своему опыту вижу, что это так и есть. А всякий написанный текст, на мой взгляд, является посланием — посланием к другим людям, обращением к духовному миру, внутренним диалогом и т.д. И тут естественным образом возникает образ Другого. А так как вчерашний Я не всегда совпадает с сегодняшним Я, «человек внутренний» и «человек внешний» не всегда одно и то же, естественно, такая встреча с самим собой влечет за собой драматическое столкновение. И, вообще, я думаю, что, чем больше «личностей» внутри писателя, тем для него же и лучше. Это позволяет ему сочувственно относиться ко всем людям. Это как в случае с химическими элементами. Чем больше валентностей имеет тот или иной элемент, тем больше химических соединений он может создавать. Кстати, это очень хорошо помогает в драматургии.

ПТП: Вы прекрасно пишете и на тувинском языке, и на русском. Скажите, пожалуйста, как Вы пришли к решению творить на обоих языках? Правда ли, что от выбора языка напрямую зависит не только внутренняя форма текста, но сама

его эссенция — ментальная, духовная, этнокультурная? Один из исследователей Вашего творчества, Л.С. Дампилова, рассуждает о том, что Ваша русскоязычная лирика более «нейтральна» в культурологическом и эмотивном аспектах, чем тувиноязычная. Однако и в русскоязычных текстах, посвященных Туве, родному народу, традициям любимого края («Время моей земли», «Бусинки столетий» и др.), философии самопознания, «просвечивает» мерцающий этнокультурный слой. Как Вы думаете, может ли язык, не являющийся для Вас «материнским», аккумулировать, транслировать Вашу культурную самость? В каких отношениях Вы находитесь с обеими языковыми стихиями, формирующими Ваше жизненное пространство? Существует ли некий «диктат» языка при выборе жанровых форм, тем, мотивов каждого нового произведения (когда, например, на тувинском — совсем других?). Так, Л.С. Дампилова полагает, что Ваша приверженность жанру верлибра отчасти обусловлена тем, что это приближенная к национальным (тувинским) поэтическим формам структура, она «генетически» понятна, архетипична. Так ли это? Есть ли корреляция между поэтическим жанром — и этническим его наполнением?

ЭМ: Я с самого детства говорю на двух языках. Отец, учитель русского языка, все время разговаривал со мной по-русски, в первый класс я пошел учиться в школу-интернат, где были классы для детей чабанов и классы для сирот. Я был в классе для сирот, где учились и тувинцы, и русские, а преподавание велось на русском языке. Таким образом, я вначале не понимал, что, говоря по-русски, я говорю не на родном языке. Понимание пришло позже, но оно не коснулось внутреннего ощущения. Видимо, из-за этого для меня не особенно остро стоял вопрос о выборе языка. Да, в какой-то степени диктат того или иного языка всегда присутствует, как сопротивление материала. Но тот, кто не справляется с таким своеобразным сопроматом, не может считать себя хорошим писателем. Этим я не пытаюсь сказать, что я хороший писатель. Об этом не мне судить. Отвечая на вопрос об аккумуляции и трансляции, повторяю, что я вырос без ощущения, что русский язык для меня не «материнский», так что и аккумуляция, и трансляция моей культурной самости одинаково получается на обоих языках, и оба языка гармонично соединяются в моем жизненном пространстве. Это просто так получилось по жизненным обстоятельствам, независимо от моих желаний и предпочтений. А поскольку я сын своего народа, этнокультурный слой, безусловно, и в моих русскоязычных текстах всегда где-нибудь, да и проявляется, и так должно быть, и это хорошо. Но я считаю, что замыкаться только в рамках своей этнокультурной идентичности губительно для всякого писателя. Говоря об эмоциональной составляющей в произведениях на разных языках, должен отметить, что и в тувиноязычной, и в русскоязычной лирике для меня главное — мысль, мысль, порождающая соответственные эмоции. Я считаю, что мысль и чувство в поэзии должны быть сплавлены воедино, как разные слои металла в дамасской стали. Что касается верлибра, возможно, и тут можно проследить какие-то этнокультурные корни, но верлибр вошел в мою жизнь, когда я впервые прочел стихи французских поэтов Поля Элюара, Рене Шара, Стефана Маллармэ и многих других. Затем познакомился с лирикой испанских, итальянских, американских и латиноамериканских поэтов, которая написана верлибрами. Меня настолько

поразила эта форма, что я начал изучать ее и пытаться писать сам. Как-то мой мастер по Литературному институту Роберт Иванович Винонен сравнил традиционное стихотворение с обычной комнатой с четырьмя стенами, дверью и окном, где за четкой силлабо-тонической ритмичностью и системой рифмовки можно спрятать отсутствие поэзии. А верлибр, как лакмусовая бумага, мгновенно выявляет отсутствие поэзии, оригинальной поэтической мысли. Верлибр он сравнил с площадкой на вершине небоскреба, где нет спасительных стен четырех конвенциональных строк, где, написав одно неверное слово или слово, поставленное не там, где надо, можно провалиться в самую плохую и претенциозную прозу. Это только на первый взгляд может показаться, что писать верлибры легко, на самом деле их конструкция намного сложнее традиционных стихотворений. Кстати, на русском языке я пишу не только верлибры, но и традиционные стихи, и стихотворения в прозе. Произведения создателя жанра стихотворений в прозе Алоиза Бертрана, а также Шарля Бодлера, Артюра Рембо, Стефана Маллармэ, Лотреамона, Аполлинера и многих других открыли для меня совершенно другой поэтический мир, где органично и свободно сочетаются и философская глубина, и проникновенная лиричность, и духовная озаренность, как у Артюра Рембо. Насчет корреляции между поэтическим жанром и его этническим наполнением: думаю, что, если тот или иной жанр зародился и развился как чисто национальное явление с глубокими историческими корнями, то и этническое наполнение неизбежно. Но если какой-то жанр стал мировым достоянием, то такое наполнение необязательно, как в случае с сонетом итальянской поэзии, с рубаи арабско-персидской поэзии, хокку и танка японской поэзии и т.д.

ПТП: Помимо Рацио, присущего Вашему лирическому герою, им движет Дух, Озарение, связь с бесконечным космическим пространством. Отчасти это напоминает акт шаманского путешествия по вертикали миров. Скажите, пожалуйста, есть ли у Вашего творчества шаманские корни?

ЭМ: Я считаю, что в мире есть только три великие тайны — Бог, Время и душа человеческая. Все остальное лишь секреты природы и социума, требующие научного исследования. А по большому счету существует лишь одна тайна за семью печатями — тайна Бога и его Творения, поскольку и Время, и человек есть творения Божьи. А человеку как существу, занимающему срединное положение между Богом и природой, свойственно желание проникнуть в тайны природы и духовного мира. И в связи с этим я пришел к мысли, что цель творчества не самовыражение, не описание разнообразных чувств себя любимого, но преображение или по крайней мере попытка преображения окружающего мира и самого себя — подобно тому, как Иисус и Будда преобразили мир, как Иисус преобразился после смерти на кресте. И это преображение в какой-то мере должно происходить, на мой взгляд, после того, как окружающая действительность проходит сквозь призму ума и души поэта. Таким образом, поэт пытается придать смысл бытию, как Адам давал имена и названия всему, что видел. А насчет шаманских корней творчества, возможно, что-то такое присутствует, а может, и нет ничего такого. Об этом сложно что-либо говорить, а всуе не хочется. Во всяком случае, моя прабабушка по отцовской линии была очень сильной и известной шаманкой, а по материнской линии в каждом поколении всего рода обязательно рождается ре-

бенок с шаманскими наклонностями, унаследовавший их от наших предков-шаманов. Но при совершении соответствующего обряда они освобождаются от данного дара, который все равно проявляется в следующем поколении. Моя бабушка по материнской линии была «видящей», но шаманским ремеслом не занималась, так, как это очень тяжелый груз.

ПТП: Основоположник онтопсихологии А. Менгетти говорит о том, что каждая большая литература, как и каждый этнос, рано или поздно проходит несколько важнейших стадий самоидентификации, одна из которых — осмысление и проживание этнической травмы, которая есть в жизни всех народов земли. В истории тувинского народа было много драматических событий. Как, по Вашему мнению, они отразились на этническом самоощущении, тувинской литературе — и Вашем индивидуальном творчестве? Удалось ли тувинскому народу справиться с травмирующими эпизодами прошлого — и повлияло ли на это искусство?

ЭМ: Начну с того, что моя мать умерла, когда мне было два года, и я долго не мог справиться с этой детской травмой. Если дело так обстоит с одним человеком, что уж говорить о целом народе. На долю тувинского народа выпало очень много тяжелых испытаний. В течение двухсот лет тувинцы находились под владычеством маньжурской империи Цинь, которое принесло неисчислимые беды народу. Никогда ни до, ни после тувинцы не были такими нищими и задавленными. Неоднократно поднимали восстания, которые подавлялись самым жестоким образом. Через небольшой промежуток времени после очередной борьбы и обретения независимости, после небольшого глотка свободы и покоя началась революция, что само по себе большая беда для не очень многочисленного народа. Революционная борьба завершилась тем, что Тува обрела свою государственность — Тувинскую Народную республику. Но почти сразу после этого начались репрессии. А ведь все это происходило по меркам истории буквально вчера, позавчера, не говоря об испытаниях в более ранние эпохи. Мой дед по отцовской линии был репрессирован как «враг народа» и 10 лет провел на рудниках Колымы. Мой прадед по материнской линии, потомственный князь, тоже был репрессирован и расстрелян. Как это отразилось на этническом самоощущении? Видимо, все это отразилось на характере народа, который по аналогии с климатом можно назвать экстремальным. То тишь да гладь, то внезапные бури и ураганы. В силу того, что литература, как и все искусство, находилась под влиянием соцреализма и партийных установок, все это подавалось в нивелированном виде. Главным был постулат о том, что до социалистической революции народ не жил, а влачил жалкое существование на грани вымирания, а после революции «жить стало лучше, жить стало веселее». Справился ли народ с травмирующими эпизодами прошлого? Не думаю, что это так. Если даже я — всего лишь один человек — храню тяжелую память о своих репрессированных предках, что говорить о целом народе. Мне кажется, что все эти травмирующие факторы все равно сидят где-то в коллективном подсознании, и нет-нет да и дают о себе знать.

ПТП: А. Моруа писал о том, что очень плодотворным принципом чтения является «звездобразный»: если ваш любимый писатель читает определенных поэтов и прозаиков (а ваш любимый Писатель — априори блестящий Читатель!), то и вам стоит непременно ознакомиться с их творчеством. Чье творчество осо-

бенно ценно для Вас, сформировало Вас как демиурга, новатора и Человека? Какие произведения Вам особенно дороги? Есть ли среди современных тувинских поэтов и прозаиков те, за творчеством которых Вы следите с интересом, одобрением, надеждой?..

ЭМ: Я полностью согласен с этим принципом, так, как я сам начитывал интересную для меня литературу по такому же принципу. Помимо бесспорного влияния русской классики я ценю творчество многих зарубежных авторов. Попробую перечислить их имена, не указывая на национальную принадлежность. Это «Божественная комедия» Данте, стихи, проза и драматургия Гёте, сонеты и драматургия Шекспира, стихи и проза Гюго, поэзия Бодлера, Рембо, Верлена, Маллармэ, Валери, Шара, проза Хемингуэя, Фолкнера, Генриха Бёлля, Томаса Манна, Сэлинджера, Кен Кизи, Германа Гессе, Умберто Эко, Гарсия Маркеса, Хулио Кортасара, поэзия Гонгоры, Мигеля де Унамуно, Октавио Паса, проза и философские произведения Сартра и Камю, сумрачные духовные фантазии Франца Кафки, интеллектуальные фантазии и ребусы Хорхе Луиса Борхеса, который в любой культурной среде чувствует себя как дома, в Буэнос-Айресе, это поэтическая проза Милорада Павича, а также произведения Акутагавы, Басё, Ли Бо, Ду Фу, Омара Хайяма и т.д. Этот список можно еще продолжить. Все они, безусловно, оказали на меня огромное влияние. Самое главное, чему они научили меня, это умение думать самостоятельно и независимо. Что касается тувинских писателей, то в силу того, что я являюсь главным редактором литературного журнала, я просто обязан следить за всем литературным процессом. Иногда с одобрением, иногда с огорчением, но всегда с надеждой слежу за творчеством своих учеников, а их у меня довольно много.

ПТП: Работаете ли Вы сейчас над новыми произведениями?

ЭМ: В данное время идет внутренняя работа над либретто оперы и новой исторической пьесой. Стадия обдумывания уже пройдена, осталось только сесть за письменный стол и приковать себя к компьютеру.

ПТП: Огромное Вам спасибо, Эдуард Баирович, за Ваше феноменальное творчество!

ЭМ: Спасибо Вам за нетривиальные и интересные вопросы и за столь высокую, и даже чрезмерную оценку моего скромного творчества!

Сведения об авторе:

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Bio Note:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Ass. Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, RUDN University. E-mail: leka.valikova@mail.ru

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
